

В МИРЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ АБХАЗИИ

1. Сухуми.
Замок Баграта.
XI—XII вв.
2. Мост на реке Беслетке.
XI—XII вв.

3. Новый Афон.
Анакопийский храм.
Архитектурная деталь.
VII—VIII вв.
4. Лыхны: Дворец
абхазских владетелей.
XVI—XIX вв.

5. Пицунда.
Пицундский собор.
VI—X вв.
6. Гагра.
Гагрский храм.
X—XI вв.

7. Келасурская стена.
Приморская башня.
XVII в.
8. Моква.
Моквский собор.
X в.

9. Бедиа.
Фрагмент Бедийской чаши.
XI в.
10. Цебельда.
Крепость Цибилум.
Воротная башня.
IV—V вв.

11. Азанта.
Большой дольмен
12. Ацангуары — жилища
древних пастухов

**В МИРЕ
АРХИТЕКТУРНЫХ
ПАМЯТНИКОВ
АБХАЗИИ**

Ю. Н. ВОРОНОВ

**МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1978**

72C1
B75

80102-087
B $\frac{\quad}{025(01)-78}$ **175-78**

© Издательство «Искусство», 1978

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА _____ 7

1. ПУТИ РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ _____ 9

Дольмены и кромлехи (9). Памятники античного времени (10). Архитектура эпохи Абхазского царства (10). Памятники развитого и позднего средневековья (13). Архитектура XIX—XX столетий (14).

2. СУХУМИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ _____ 16

Диоскурия (17). Сухумская крепость (21). Замок Баграта (26). Беслетский мост (27). Келасурский монастырь (28). Каманский храм (31). Старый Сухум (33). Памятники Нижней Эшеры (33). Дольмены (35). Крепость Уаз-абаа (36). Эшерский храм (37).

3. ПО СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АБХАЗИИ _____ 38

Анакопийская крепость (39). Храм Симона Кананита (55). Псырцхинская башня (56). Ново-Афонский монастырь (56). Памятники Анухвы (61). Памятники села Абгархук (62). Памятники Лыхны (64). Село Дурипш (70). Храм Айлага-абыку (71). Мюссерский храм (73). Мчиштинский скальный замок (74). Калдахварская крепость (75). Бзыбский архитектурный комплекс (76). Крепость Хасанта-абаа (77). Храмы села Алахадзы (78). Памятники Пицунды (78). Гагрская крепость (90). Гагрский храм (93). Гантиадская базилика (94). Хашупская крепость (97).

4. ПО ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ _____ 98

Келасурская (Великая Абхазская) стена (98). Драндский собор (105). Храм Мармал-абаа (110). Кодорская крепость (111). Памятники горы Пскал (111). Крепость Сатамашо (114). Гиенос (119). Илорский храм (120). Ткварчельская крепость (123). Комплекс памятников Нарчхоу (123). Лашкиндарский храм (126). Бедийский собор (129). Памятники села Чхортоли (134). Царчейская крепость (155). Крепость Сатанжо (136). Башня Оцарце (137). Крепость Нацмер (138). Храм Ацкар (138). Крепость Скайсук (138).

5. ПО ВОЕННО-СУХУМСКОЙ ДОРОГЕ _____ 139

Памятники села Мерхеули (139). Герзеульская крепость (140). Пацхирская крепость (141). Крепость Шап-

ка (141). Вороновский храм (142). Памятники села Полтавского (144). Руины Цибилума (144). Крепость Ахыста (147). Азантские дольмены (148). Крепость на горе Бат (149). Холодный Грот (150). Амзарский храм (150). «Дворец князей Маршания» (151). Латская крепость (151). Верхнелатский храм (155). Чхалтинская крепость (155). Памятники села Сакен (157). Клычская крепость (158).

6. ПО ВЫСОКОГОРНОЙ АБХАЗИИ _____ 160
 Легенда об ацанах (160). Споры ученых (161). Ацангуары хребта Аибга (163). Ацангуары у озера Мзи (164). Ацангуары на горе Рихва (166). Крепость в Псху (167). Средневековый жертвенник на горе Напра (168).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ _____ 173

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ _____ 174

От автора

Владимиру Сергеевичу Орелкину — Человеку, художнику, исследователю — посвящается.

Поистине прекрасна природа Абхазии! Песчаные пляжи, тенистые ущелья, бурные реки, многочисленные озера и водопады, щедрое солнце и живительный воздух, неустанно переносимый ветрами с моря в горы и обратно. Узкая равнинная полоса побережья обрамлена холмистыми предгорьями с перелесками, садами и пашнями. За ними встают заросшие дубом и буком известковые массивы Гагрского, Бзыбского, Абхазского и Кодорского хребтов. Еще дальше поднимаются оледенелые зубцы Главного Кавказского хребта, задерживающего доступ холодным ветрам с севера.

И всюду, будь то вершина горы или узкое ущелье, поверхность прибрежной террасы или альпийский луг, наблюдательный глаз может заметить следы древних поселений; замшелые руины крепостей, храмов и дворцов. Богата природа Абхазии, но не меньший интерес представляют ее памятники культуры.

Коренное население Абхазии — абхазы, народ с древней самобытной культурой, корни которой теряются в глубине тысячелетий. На территории Абхазии известны многие сотни памятников различных эпох. Само расположение страны способствовало тому, что в этот дальний северо-западный угол Закавказья издавна докатывались волны разнообразных культурных влияний из более южных районов Закавказья, Малой Азии, Переднего Востока, Средиземноморья. Доносились сюда и отголоски культурных событий, происходивших к северу от Кавказского хребта и на бескрайних степях Север-

ного Причерноморья и Прикаспия. Все это нашло свое отражение в местной материальной культуре, в древнем оружии, украшениях, утвари, в архитектуре.

Книга эта посвящена памятникам древней и средневековой архитектуры на территории Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики — памятникам, представляющим собой большой вклад предков абхазов и других проживавших здесь народов в общую сокровищницу мировой материальной и духовной культуры.

Многие памятники — храмы, крепости, дворцы, жилые и хозяйственные постройки — расположены вблизи дорог и крупных населенных пунктов и потому легко доступны, к другим ведут извилистые тропы через заросли и горы. Но осмотр большинства этих сооружений не потребует значительных усилий — была бы страсть к путешествиям да искренний интерес к познанию края... Наши «дороги к прекрасному» помогут вам лучше разобраться в значении того или иного памятника в истории края; дороги эти не сложны и сводятся к трем уже традиционным маршрутам, каждый из которых начинается в столице республики — городе Сухуми. Путешествуйте, смотрите, любуйтесь, запоминайте...

1. Пути развития абхазской архитектуры

Вся эта страна изобилует развалинами...

А. Берже

Климат Абхазии никогда не способствовал сохранению деревянных конструкций, хотя именно дерево здесь широко использовалось в архитектуре с самых древних времен. При раскопках древних поселений археологи находят следы прямоугольных или округлых в плане жилищ. Дерево сохраняло свое значение в жилищном и хозяйственном строительстве Абхазии вплоть до начала текущего столетия. Однако реальных данных об облике деревянной архитектуры до XIX века, кроме отдельных этнографических наблюдений, почти не сохранилось. Иное дело сооружения из камня.

Если исключить неопределенные и примитивные каменные заграждения, появившиеся здесь еще в каменном веке, то древнейшими архитектурными памятниками Абхазии могут считаться дольмены (от кельтского *dolmen* — каменный стол) — монументальные гробницы, строившиеся в эпоху средней бронзы (конец III — II тысячелетие до н. э.). На Западном Кавказе известно более двух тысяч дольменов, из них около восьмидесяти находится на территории Абхазии. Среди них выделяют плиточные и корытообразные гробницы (в Эшере, Азанте, Отхаре, Михельрипше и др.). Плиточные гробницы сооружались обычно из шести известняковых или песчаниковых плит, четыре из которых образовывали стены гробницы, а остальные — крышу и пол. Обычно в передней стене высекалось отверстие, через которое человеческие останки вносились внутрь для захоронения. Отверстие затыкалось массивной каменной «пробкой».

В Абхазии известны и кромлехи (от кельтского *sgomlech* — круглое место) — другой вид мегалитических памятников, связанных с культом предков. Это ряды крупных камней, сложенных в концентрические круги, между которыми производились захоронения отдельных костей и вещей умерших. Расцвет монументальной архитектуры на территории Абхазии начинается в эпоху греческой колонизации побережья, когда здесь, первоначально в греческих поселениях, появляются каменные жилые и культовые здания и оборонительные линии. Стены этих сооружений возводились из ломаного камня насухо или с применением глинистого раствора. В отдельных случаях здания облицовывались крупными, хорошо обработанными известняковыми блоками. В конце I тысячелетия до н. э. здесь появились здания, украшенные колоннами (Эшерское городище). В это же время и местное население начало строить укрепления, стены которых возводились «циклопической» кладкой из больших необработанных плит, сложенных насухо (Пацхирская крепость). Деревянные дома в греческих и местных поселениях в последних веках до н. э. покрывались черепицей.

В позднеантичный период (I — VI вв. н. э.) на побережье Абхазии римлянами и византийцами возводится ряд крепостей — кастелл с мощными каменными стенами на известковом растворе (Себастополис, Пителинт и др.). В кладке этих стен использовались как валуны, так и тесаные блоки и кирпич. Стены укреплялись башнями и контрфорсами. На защищенном стенами пространстве размещались воинские казармы, бани, склады, а в более позднее время — раннехристианские храмы.

Контакты с Римом и Византией дали мощный толчок развитию местного оборонительного зодчества. В IV — VI веках в наиболее важных стратегических пунктах и в крупных поселениях появляются огромные крепости-городища (Цибилиум, Шапка, Ахыста, Тцахар, Трахея и др.). Стены крепостей возводились из хорошо обработанных известняковых квадров панцирной кладкой на прочнейшем известковом растворе. Стены укреплялись башнями с бойницами, дозорными площадками и кладовыми. Крепостные ворота имели каменные арки и перекрытия, были снабжены засовными устройствами и подъемными лестницами. На территории крепостей строились деревянные и изредка каменные жилые и хозяйственные здания.

Высокого уровня достигла местная архитектура в раннем средневековье, в эпоху Абхазского царства

(VIII — X вв.). Эта эпоха представлена множеством крепостей и храмов, среди которых есть поистине выдающиеся произведения архитектуры. Высокое качество строительных работ способствовало тому, что большинство этих сооружений дошло до нас в прекрасном состоянии.

На территории Абхазии выделяются четыре типа ранне-средневековых укреплений — городища, крепости, замки и небольшие ограды. Городища формировались на основе значительных (более 0,5 га) поселений, позже обраставших оборонительными стенами; в этих поселениях сохранились остатки жилых и культовых зданий. Крепости (обычно площадью 0,1 — 0,5 га) возникали на стратегически выгодных возвышенностях, на заселенных или на обжитых прежде местах. Замки возводились на особо выдающихся вершинах вблизи поселений и представляли собой обычно башню с оградой, охватывавшей 200—500 квадратных метров. Ограды-укрытия строились вблизи поселений и вдоль важных путей. По конструктивным особенностям к оградкам можно отнести отчасти и ацангуары — пастушеские жилые и хозяйственные сооружения того же времени в высокогорной зоне.

Планировка укреплений раннесредневековой Абхазии была тесно связана с условиями местности: стены следуют ее извивам, используя и дополняя ее выгодные в стратегическом отношении возможности. Изредка отмечаются попытки выправить изъяны местности: через глубокие трещины перебрасывались каменные арки для спрямления линии стен и т. д. При сооружении стен почва снималась до скалы, в которой на склонах высекалась ступень, служившая опорой для фундамента. Стены возводились узкими ярусами до высоты в 5—6 метров и изредка венчались зубцами, заслонявшими боевую дорожку, на которую защитники поднимались по выступавшим из стен каменным лестницам.

Стены укреплений в приморской зоне и в горах вдоль важнейших стратегических дорог возводились с помощью панцирной кладки из тесаных блоков с частичным соблюдением рядов, с забутовкой из ломаного камня на растворе с крупнозернистой примесью речного или морского песка и гравия. В отдельных случаях в кладке стен отмечено использование многорядных поясов кирпича либо отдельных его включений. В горной зоне, где добыча и доставка извести была затруднена, а укрепления носили второстепенный характер, применялась нерегулярная облицовочная циклопическая кладка насухо.

Стены городищ и крепостей укреплялись выступающими, как правило, наружу башнями и контрфорсами. В тех местах, где наступавшим легко было подвести стенобитные орудия, башни возводились полукруглыми в плане, а на труднодоступных участках они имели прямоугольный план.

Крепостные башни обычно делались многоярусными, в 2—4 этажа. Межэтажные перекрытия были деревянными и каменными сводчатыми, с опорой на столб или без него. Нижний этаж часто заполнялся бутом, наращивавшим естественную возвышенность. На второй этаж обычно попадали по приставной лестнице или с боевой дорожки на стене. Этажи в башнях сообщались между собой с помощью люков и деревянных лестниц. Стены башен снабжались смотровыми окнами и бойницами. Верхняя боевая и смотровая площадка окружалась по краю каменными зубцами. Башни в замках обычно располагались внутри пространства, огражденного стеной, лишь соприкасаясь с ней, или ставились совершенно обособленно. Башни постепенно утрачивают функциональность внутреннего пространства, принимая колодцеобразную форму, а контрфорсы в некоторых укреплениях представляют собой небольшие выступающие за линию стены полукруглые башни, заполненные бутом и имеющие сверху боевую площадку с зубцами.

Особое значение придавалось воротам, которые на городищах и в крепостях часто отличались большими размерами, имели каменный порог, арочное перекрытие, массивное полотно и бревенчатый запор. В других случаях, особенно в замках, вход в целях безопасности располагался в стене высоко над землей. Внутри укрепления в этом случае можно было попасть только по переносной или подъемной деревянной лестнице. Иногда каменная лестница встраивалась в стену снаружи. Башни и контрфорсы в районе ворот обычно располагались с таким расчетом, чтобы нападающие находились под обстрелом с правой, не защищенной щитом стороны.

В практике зодчих раннесредневековой Абхазии использовались и другие виды оборонительных сооружений, в первую очередь рвы и валы, располагавшиеся перед воротами поперек перешейков, соединявших территорию укрепления с близлежащей местностью. В отдельных случаях система рвов и валов достигала значительных размеров (Клыч, Сатанжо и др.). Переход через рвы осуществлялся, по-видимому, с помощью подъемных деревянных мостков.

Первые христианские храмы в Абхазии строятся еще в начале IV века внутри римско-византийских укреплений (Питиунт). Начиная с середины VI века храмы появляются и вне их (Алахадзы, Дранда и др.) — местное население постепенно начинает вовлекаться в круг христианской идеологии.

В развитии храмового зодчества Абхазии раннесредневекового периода довольно четко выделяются 2 этапа. В VI—VII веках здесь строились преимущественно базилики с деревянными перекрытиями. Происходившие в этот период искания в области создания центральных композиций на базиликальной основе привели к тому, что со второй половины VIII века и вплоть до середины X века здесь строили преимущественно большие купольные храмы (Пицунда, Бзыбь, Лыхны, Моква и др.), в то время как некоторые более ранние базилики подвергались основательной перестройке.

Характерной чертой раннесредневековых абхазских храмов являются алтарные апсиды, выступающие в восточной части здания. Преобладали трехапсидные варианты, хотя встречаются памятники с одной или двумя апсидами. Снаружи в большинстве случаев эти апсиды были пятигранные, хотя в VI—X веках граненые центральные апсиды сочетались и с полукруглыми боковыми. Наиболее поздним и наиболее выдающимся памятником раннесредневековой храмовой архитектуры Абхазии является знаменитый Моквский собор, построенный в 40—50-х годах X века.

Влияние византийской архитектуры на раннесредневековое монументальное зодчество Абхазии проявлялось и в планировке, и в конструкциях, и даже в растворах, использовавшихся при возведении стен. Но не только зодчество, но и другие стороны жизни края (хозяйство, торговые связи, быт и т. д.) убеждают в том, что территория раннесредневековой Абхазии была неотъемлемой, хотя и периферийной частью византийского культурного мира.

В период перехода от раннего к развитому средневековью Абхазское царство постепенно перерождается в общегрузинское феодальное государство, окончательное оформление которого падает на последнюю четверть X века. Это оказало решающее влияние на изменение облика монументальных сооружений Абхазии и в первую очередь храмов — наряду с другими изменениями они утрачивают и византийскую гранность апсиды, которая приобретает прямоугольный наружный план в соот-

ветствии с традициями восточногрузинской храмовой архитектуры. Первым и наиболее ярким памятником нового стиля является Бедийский собор.

Перемещение центра государственности и культуры далеко на восток и превращение территории современной Абхазии в провинцию Грузинского царства нашло свое отражение и в абхазской архитектуре XI—XIII веков. В этот период здесь строится множество небольших зальных церквей и создаются значительные монастырские комплексы.

В XIV веке в развитии местной архитектуры наблюдается определенный подъем. На побережье появляются генуэзские фактории с оборонительными сооружениями и жилыми и хозяйственными зданиями. Местное население также усиливает внимание к строительству оборонных сооружений для защиты развивавшихся торговых и ремесленных центров и феодальных поместий. Расширяется значение и власть монастырей. Строятся небольшие храмы, старые церкви обрастают новыми пристройками, в них обновляются или делаются заново росписи. Сохраняя преимущественно общегрузинский облик, местная архитектура снова испытывает византийское и западноевропейское (итальянское) влияние.

В результате междоусобных феодальных войн, происходивших на территории Абхазии в XVII веке, возникает крупнейшее оборонительное сооружение Кавказа — Келасурская, или Великая Абхазская, стена. Вместе с тем результатом тех же войн было полное разорение монастырей и храмов, запустение крепостей и башен. Турки, обосновавшиеся на побережье достаточно прочно лишь в XVIII веке, перестроили Сухумскую крепость, а также возвели несколько деревянных мечетей, следов которых теперь не сохранилось.

В первой половине XIX века на побережье и вдоль перевальных путей появляются русские укрепления. Во второй половине XIX — начале XX столетия на территории Абхазии складываются центры ряда городов (Гагра, Гудаута, Сухуми, Очамчир), архитектура которых носит европейский облик с некоторой примесью восточных элементов в оформлении. Строятся небольшие церкви, возникает комплекс сооружений Ново-Афонского монастыря, возводятся здания санатория в Гульрипше, дачи и помещичьи усадьбы.

Расцвета достигает монументальная архитектура в Абхазии в годы Советской власти. Ее характеризуют жилые и административные здания, пансионаты, санатории, дома

отдыха и турбазы, театры и гостиницы, рестораны и дорожные павильоны, вокзалы и магазины. Изменения коснулись и сельской местности — большинство колхозников, покинув деревянные дома, переселилось в новые каменные здания, построенные по индивидуальным проектам. В оформлении зданий и других сооружений как в городах, так и на селе широко применяются национальные сюжеты и мотивы, восходящие часто к средневековью и придающие многим постройкам самобытность и эстетическую притягательность.

Архитектура Абхазии прошла длительный путь развития, были здесь периоды расцвета и эпохи упадка, но до нас дошли десятки выдающихся архитектурных памятников — памятников античных и средневековых, нового и новейшего времени.

2. Сухуми и его окрестности

Сухум мне так понравился, что я даже хотел купить там кусочек земли...

И. Е. Репин

Знакомство с городом лучше всего начать с Сухумской горы. Тенистая улица, носящая имя известного грузинского писателя Ильи Чавчавадзе, минуя центральную площадь города и Ботанический сад, переходит в узкое извилистое шоссе, ведущее через парковые заросли к вершине горы. На фотографиях конца прошлого века возвышенность выглядит еще совершенно голой — древний дубовый лес был выкорчеван, а у ее подножья только начинали складываться городские кварталы. Тогда Сухумская гора носила имя В. И. Чернявского. Начиная с 70-х годов XIX столетия он проживал в Сухуми и сделал немало для благоустройства города. Он был первым исследователем архитектурных и археологических памятников и пещер Абхазии, ее флоры и фауны. В 1949 году трудящиеся Сухуми разбили на склонах горы замечательный парк — ныне одно из наиболее любимых мест отдыха горожан и туристов.

С вершины Сухумской горы город виден как на ладони. Правильная сетка улиц, зеленые массивы парков, красные пятна крыш, плавный изгиб берега бухты с черточками пристаней, бескрайняя морская синь, уходящая вдаль, массивы новых жилых районов, тонущих в дымке, лесистые склоны гор справа и слева — такова столица Абхазской АССР Сухуми, город с многовековой историей и яркими архитектурными памятниками.

Первые поселения появились в этой местности около трехсот тысяч лет назад. В каменном и бронзовом веках на отдельных вершинах (Сухумская гора, Гуадику, Леч-

коп) и вдоль побережья на западной окраине Сухуми (район Красного Маяка) возникали целые поселки, состоявшие из нескольких десятков тесно поставленных хижин, прямо у стен которых начинались могильные поля. Здесь жили, трудились и находили последнее упокоение земледельцы, охотники, рыболовы. И чтобы по ту сторону жизни они ни в чем не терпели нужды, в могилы им заботливые родственники клали домашнюю утварь, оружие, украшения...

В VI веке до н. э. у устья Беслетки, образующей тихую лиманную бухту юго-восточнее Сухумской горы, все чаще стали бросать якоря греческие корабли, и вскоре здесь милетскими греками был основан город, получивший свое имя от братьев Диоскуров — богов-покровителей и защитников всех путешествующих. Читатель, возможно, слышал о Диоскуриаде — «городе, взятом волнами», как его обычно называли в последнее столетие. Красивая легенда о затонувшем городе, о кварталах двор-

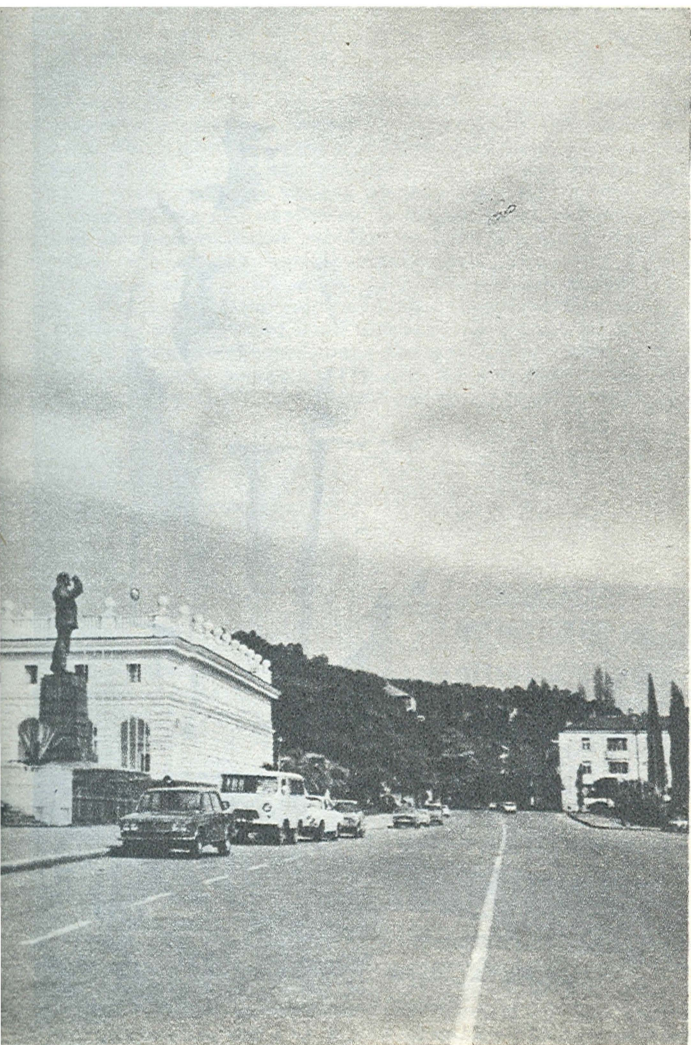
Сухуми.

*Дом правительства
и памятник В. И. Ленину*

→

цов и храмов, будто бы видных особенно в тихую погоду на дне бухты, до сих пор волнует жителей Сухуми и их гостей. А среди археологов возникали одна за другой гипотезы (гигантский оползень, резкое опускание суши, землетрясение и т. д.) с целью объяснить причины гибели прославленного города. Десятки экспедиций прощупали дно бухты, но развалин дворцов и храмов не нашли. А затем началось строительство Сухумского порта, и многочисленные буровые скважины показали геологам и строителям, что грунты в бухте достаточно прочны и не несут на себе следа каких-либо катастроф, происшедших в исторические времена. Так отпали аргументы археологов, говорившие в пользу существования развалин Диоскуриады на дне моря, и тогда вспомнили, что еще в 1886 году археолог В. И. Сизов выявил западнее устья Беслетки, в районе современного здания Драматического театра, значительный слой остатков древнегреческого города. По поводу характера сделанных здесь находок

исследователь писал, что «нижний слой канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпными частями горы Митридата в Керчи». Как известно, на этой горе находился один из крупнейших древнегреческих городов Северного Причерноморья Пантикапей — столица Боспорского царства. Раскопки, начатые в Сухуми девяносто лет назад, могут быть с успехом продолжены сегодня — по крайней мере часть древнего города все еще покоится в береговой толще. Те же его кварталы, которые были размыты морем за последние две тысячи лет (исследования показывают, что за это время море отняло у берега полосу шириной около 100 метров), погибли безвозвратно, покрывшись иловыми наносами вдоль берегов бухты.

Войны понтийского царя Митридата с Римом нарушили мир в Колхиде. Диоскуриада пришла в такое запустение, что римляне, сменившие греков на берегах Сухумской бухты, дали своему, возникшему фактически заново по-

Сухуми.

Могила

Неизвестного солдата

←

селению новое название — Севастополис («священный город»). Сходство этого наименования с названием современного города Севастополя в Крыму не случайно. Дело в том, что императрица Екатерина II в свое время распорядилась давать вновь строившимся городам Причерноморья древние наименования. Севастополем назвали новый город вблизи древнего Херсонеса, средневековое название которого отдали нынешнему городу Николаевской области — Херсону, а настоящий древний Севастополис был локализован лишь столетием позже на берегах Сухумской бухты, в основании стен Сухумской крепости, наиболее значительного древнего архитектурного памятника абхазской столицы.

Отсюда, от этих замшелых стен, в XIX веке начался современный город. И когда смотришь на обломки крепостной стены, омываемые морскими волнами, или на мощные торцы той же стены, уходящей в глубь берега, то понимаешь, что над этими камнями прошла не одна

сотня суровых лет. А под толстым слоем асфальта сохранились фундаменты двух римских укреплений — кастелл I—IV веков н. э. Их стены были возведены из отборного крупного голыша с двухрядными и трехрядными прослойками кирпича и черепицы на известковом растворе с цемянкой (примесью толченой керамики). В середине VI века на развалинах, в которые Севастополis был превращен в результате 13-летней византийско-персидской войны, возникло новое укрепление. Император Юстиниан I провел здесь значительные строительные работы, которые, по словам историка того времени Прокопия Кесарийского, превратили прежнюю крепость «в один из самых замечательных городов», позже, в VII—VIII веках, известный как Великий Севастополis. Это название сохранилось вплоть до XIV века, когда здесь обосновались генуэзцы. Вполне понятно, что потребности фактории, где размещался протектор всех восточнопричерноморских генуэзских поселений,

*Мраморное надгробие.
Конец V в. до н. э.*

→

требовали серьезных укреплений. Вот тогда-то, вероятно, и были возведены новые крепостные стены, сохранившиеся до сих пор.

Крепость была перестроена в конце XVII — начале XVIII века турецкими завоевателями, которые назвали ее «Сухум-кале» («Сухум-крепость»), соорудили здесь бастионы и восстановили стены. Название это, как полагают, впервые упомянуто в грузинской летописи, описывающей события 30-х годов VIII века, когда арабский полководец Мурван Кру («глухой») «разгромил город Абшилети Цхум». Этимология этих двух наименований города пока до конца не выяснена.

При турках Сухумская крепость приобрела свой современный облик. Основу ее плана образует четырехугольник с выступающими пятиугольными бастионами по углам. Главные ворота находились в северо-восточной стене, другие — в стене, обращенной к морю. Стены крепости построены из булыжника и имеют толщину до

двух метров при очень незначительном фундаменте. Строители использовали широко распространенный в средние века конструктивный прием: во избежание возможных разрывов и искривлений при осадке еще не высохшей кладки они проложили в толще стены в разных направлениях бревна, которые образовывали эластичный каркас. Впоследствии бревна сгнили, оставив после себя в стенах сквозные дыры, что, однако, несколько не отразилось на прочности стен.

В конце XVIII века сюда перенес свою резиденцию из Лыхны абхазский владетель Келешбей Шервашидзе (Чачба), убитый по наущению турок родным сыном в 1808 году за попытку присоединения Абхазии к России и здесь же похороненный. После занятия Сухумской крепости русскими войсками в 1810 году она вплоть до войны 1877—1878 годов служила гарнизонным укреплением. Затем она стала тюрьмой, в которой томились многие участники освободительного движения, революционеры. На территории крепости и теперь можно видеть камеру, в которой пламенный революционер Серго Орджоникидзе провел несколько тревожных месяцев в эпоху первой русской революции.

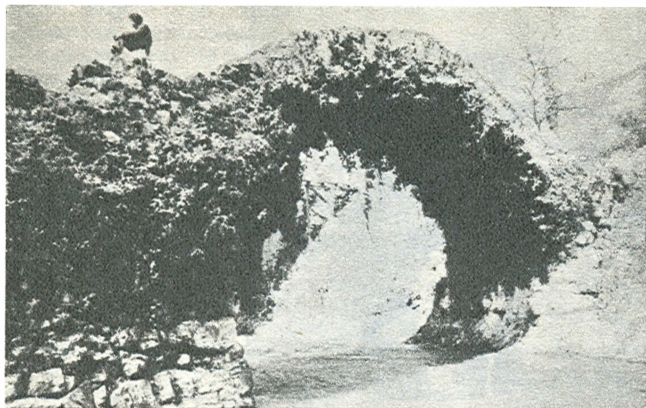
В 1956 году при благоустройстве набережной приморская стена Сухумской крепости была взорвана. Сохранилась лишь юго-западная башня, в основании которой и теперь можно видеть кирпичные прослойки римского времени. Памятники Сухуми и его ближайших окрестностей разбросаны друг от друга на большом расстоянии, и потому осмотр каждого из них представляет маленькое самостоятельное путешествие по городу и прилегающей к нему местности. Направимся прежде всего по самому популярному пути к Беслетскому мосту, расположенному в семи километрах от города. У серой коробки кинотеатра «Апсны» автобус поворачивает в ущелье Беслетки и направляется на восток. Справа мирно журчит обычно мелководная и лишь в ливень грозная Беслетка, за которой круто вздымается зеленый холм, увенчанный довольно мрачными руинами. Это так называемый замок Баграта.

Возможно, что именно об этом укреплении писал известный путешественник второй половины XVIII столетия Я. Рейнеггс, когда сообщал о сдаче туркам в 1771 году Сухумской крепости, которая, по его словам, «как ключ к западному Закавказью рассматриваться могла бы, особенно если она еще будет защищена Акуа, или Аку, — этим крепким местом, находящимся на

*Замок Баграта.
XI—XII вв.*

уступообразной обрывистой скале». Укрепление в плане имеет овальную форму. Его стены, за исключением северной, хорошо сохранились до высоты в 10—12 метров. Крепостные ворота, находящиеся в восточной части, защищались небольшой четырехугольной башней. В западной части крепости находится перекрытое массивной аркой окно, из которого во время штурма главных ворот крепости ее защитники спускали лестницу и делали вылазки во фланг врагов. Стены крепости сложены бутовой кладкой с облицовкой из крупного булыжника, наружная поверхность которого иногда сколота. Тесаный камень использован лишь в облицовке арки вылазного окна. Перед возведением стены крепостной двор был выровнен и по контуру будущих стен сужен так, что по склону был образован уступ, на который легли наклонно опоры стен. Эти опоры как бы панцирем охватили склоны холма на высоту до четырех метров, а выше стены возводились уже вертикально. По-

*Беслетский мост.
XI—XII вв.*

добная конструкция со временем привела к тому, что по мере размыва склона стены постепенно теряли свое основание и сползали вниз. При раскопках в замке Баграта, проводившихся в 50-х и в конце 60-х годов текущего столетия, найдены ряды пифосов — больших хозяйственных сосудов, врытых в землю, обломки кувшинов, чаш, кухонной посуды, железные ножи, гвозди и другие изделия, датируемые исследователями XI—XIII или VIII—XIII веками. Легенда же о том, что это укрепление возникло в период царствования Баграта III (980—1014) или Баграта IV (1027—1072), была записана во второй половине XIX столетия, и насколько она соответствует действительности, пока сказать трудно.

Стены замка живописно обросли кустарником, колючей ежевикой, плющом. Внизу, на берегу моря, восточнее устья Беслетки, под фундаментами жилых зданий и санаториев, под полотном железной дороги и асфальтированными лентами улиц, покоятся остатки средневе-

кового города Цхуми, цитаделью которого служил, по-видимому, замок Баграта. Среди находок доминирует красочная поливная посуда, привозившаяся главным образом из Крыма и Трапезунда, а также изготовлявшаяся на месте. Найдены здесь и обломки стеклянных браслетов, византийская монета XII века, разнообразная хозяйственная посуда из глины, кости животных.

Несколько километров по шоссе вдоль линии садов и выступающих из них двухэтажных крестьянских домиков, мимо приземистого здания лечебницы, возникшей здесь на базе минеральных источников, в которых, по преданию, лечились от ревматизма еще римские легионеры, — и вот перед нами знаменитый Беслетский мост. По конструкции он очень прост — лишь арка длиной в 13,3 метра и устои, удлиняющие сооружение еще на 22 метра. Одна из наиболее распространенных легенд, связанных с этим мостом, рассказывает о том, как в Абхазию пришли когда-то полчища завоевателей и заняли все побережье. Горстка храбрецов абхазов решила нанести удар по врагам со стороны гор, но для этого нужно было построить мост через ущелье. Камень и песок под рукой были, а готовить известь не хватало времени. И был тогда брошен по всей Абхазии клич: каждый, кому дорога свобода, пусть даст храбрецам куриное яйцо. За сутки было собрано сорок тысяч яиц. Изготовив раствор из песка и яиц, искусные строители возвели за ночь мост, а через три дня по нему ударили в тыл врага. Абхазия вновь обрела свободу...

Беслетский мост относится к произведениям совершенного инженерного искусства: простояв около тысячи лет, он все еще продолжает служить людям. Исследователи подсчитали, что и сегодня мост может выдержать груз весом в 7—8 тонн. В записи, относящейся к 70-м годам прошлого столетия, сообщается, что «через него возят сено на вьючных лошадях и перегоняют ежедневно скот». Большую привлекательность придает мосту его природное окружение: поросшие лесом горы, круто падающие с трех сторон, быстрая, неумолчно шумящая на камнях горная речка Басла. Удачно дополняют художественный образ этого сооружения живописные космы вьющихся растений, свисающие с арки над рекой. На западной стороне моста видна надпись, высеченная заглавными буквами древнегрузинского письма «асомтаврули», по своим признакам относящимися к XI—XII векам. Надпись гласит: «Христос владыка, всячески... возвеличь в обеих жизнях...»

На другой же стороне моста, на левобережном устье, имеется изображение креста и греческой буквы «Т». Характер надписей не оставляет сомнения в том, что мост был связан с какими-то христианскими памятниками. И действительно, в 200 метрах севернее, у дороги, на участках колхозников, еще и теперь можно увидеть полузабытые руины, которые, судя по всему, принадлежали средневековому монастырю.

От главного храма сохранилась на полную высоту лишь совершенно заросшая плющом северная стена с выступающими из нее пилястрами, на которые когда-то опирались подпружные арки, поддерживавшие каменный свод. С запада и с севера примыкают фундаменты двух меньших по площади, чем основной зал, помещений-приделов.

Архитектурные особенности церкви позволяют отнести ее ко времени не ранее XI—XII веков. Западнее видны остатки продолговатого здания, сложенного из булыжника. Северо-восточнее располагалось когда-то крупное здание, прислоненное к скале. В первом его этаже были четыре комнаты, соединенные между собой узкими, низкими проходами. Пол второго этажа покоился на массивных деревянных бревнах, о которых можно судить по отпечаткам в стенах.

От Бесплетского моста, к востоку, вдоль подножия известняковой гряды, уходит проселочная дорога, временами переходящая в тропу, по которой часа за полтора-два можно достичь реки Келасури в том месте, где она выходит из горной теснины на простор холмистых предгорий. Здесь на уютной прибрежной террасе сквозь буйные заросли проглядывает кладка древних стен, в которых на месте былых окон и дверей зияют большие проломы. Это развалины Келасурского монастыря — очень интересного памятника местной архитектуры эпохи средневековья.

Тропа, ведущая к развалинам с юго-запада, обходит сверху обрыв, где можно осмотреть единственный в Абхазии «сухопутный» каменный мост, который перекинут через небольшой скальный уступ. Мост держится на трех устоях с двумя арками, возведенными из грубообработанных известняковых блоков.

В центре Келасурского архитектурного комплекса находится большой храм зального типа, состоящий из основного помещения и двух приделов — южного и северного. Обрушившийся еще в древности каменный свод покоился на подпружных арках, опиравшихся на три пары пиластр. В алтаре видны узкое окно и две высо-

*Келасурский храм.
XI—XIV вв.
Интерьер*

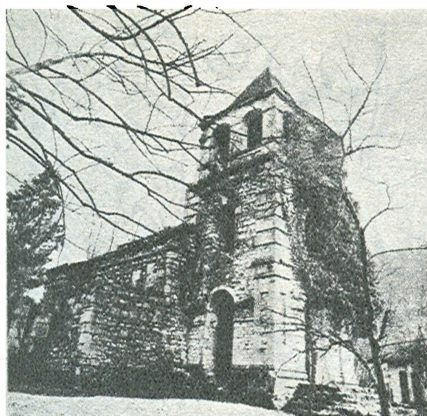
кие ниши, перекрытые сверху арками. Зал освещался также с помощью небольшого окна в западной стене. На полу лежит множество обломков штукатурки со следами богатой фресковой росписи, когда-то покрывавшей поверхность стен. В 1885 году здесь производил раскопки полковник Циоссани, который нашел металлические оклады от старинных икон, различную церковную утварь, обломки колокола с латинской надписью и другие материалы, относящиеся к XI—XV векам. Рядом с основным храмом видны развалины прямоугольного здания, небольшой более поздней по облику церкви и каких-то других сооружений, окруженных массивной оборонительной стеной с большой каменной аркой ворот, выходящих теперь в сторону обрыва к реке.

Южнее монастыря на правом берегу реки поднимается желтоватая известняковая скала, в верхней части которой, на высоте около 50 метров от ее подошвы, также видны фрагменты древних стен. Когда-то имевшиеся здесь есте-

ственное углубление было полностью отгорожено от внешнего мира массивной стеной, от которой теперь сохранились лишь боковые части, достигающие высоты 5—6 метров. Попастъ в скальный замок теперь без специального альпинистского снаряжения невозможно, но когда-то сюда по краю обрыва вела узкая тропинка. Надо полагать, что этот замечательный памятник, относящийся, скорее всего, к XIV—XV векам, был тесно связан с расположенным внизу монастырем. Возможно, здесь находились кельи монахов-пустынников, но не исключено и то, что в случае опасности здесь скрывалась монастырская братия, сюда сносили монастырское добро.

Покинем живописные ущелья Беслетки и Келасури и углубимся в долину реки Гумисты. Из города туда ведет шоссе, построенное в 30-х годах в связи со строительством Сухумгэс. Минуем последние городские здания, серую ограду Института экспериментальной патологии и медицины АМН СССР, за которой на опустошенных угодах бывшего парка, в питомнике на открытом воздухе, резвятся обезьяны. Впереди поднимаются две горы — слева Яштух, справа Бырцха. На предгорьях и южных склонах Яштуха раскинулась одна из крупнейших и наиболее древних в СССР стоянок первобытного человека. Десятки тысяч кремневых орудий и отходы их производства буквально устилают всю эту местность. А вблизи дороги, у склона Яштуха, в тени кипарисов находятся развалины небольшой средневековой церкви, камни которой почернели от копоти свечей, до сих пор приносимых сюда окрестными жителями.

По дну ущелья между Яштухом и Бырцхой более миллиона лет назад протекала река. Теперь здесь сухо, и лишь после сильных дождей появляется небольшое озеро. Впереди вырастают еще две горы — Ахбюк и Каман. Влево, в ущелье между Яштухом и Ахбюком, уходит к поселку Цугуровка проселочная дорога. В центре Цугуровки расположены развалины средневекового монастыря: остатки большого зального храма с двумя приделами, подсобного помещения и каменной ограды, охватывающей обширную площадь вокруг. Рядом несколько дольменов-гробниц бронзовой эпохи, от которых сохранились боковые и фасадные плиты, целые и в обломках крышки. К той же эпохе относится и кладбище, обнаруженное в Михайловской пещере, вход в которую хорошо виден с шоссе на склоне Ахбюка. Здесь найдены скопления разрозненных человеческих костей, бронзовые и медные подвески, колечки, бусы.

*Каманский храм.
Не ранее XI в.*

С высоты, на которой расположено село Шрома (бывш. Михайловское), открывается вид на ущелья Восточной и Западной Гумисты. Между ними зеленой стеной поднимается гора Гумбиху с небольшим средневековым храмом на вершине. Шоссе несколькими крутыми витками опускается к мосту и, минуя мост, раздваивается. Мы направимся влево по берегу реки, к поселку Каманы. Вскоре впереди появляется небольшая возвышенность, поросшая густыми деревьями, между которыми виден красный конус колокольни. Это знаменитый Каманский храм.

Древнейшая часть памятника представляет собой однозальное каменное здание без выступающей наружу апсиды с внутренним алтарным полукружием. Свод, покоившийся на двух арках, опиравшихся на выступающие из стен пилястры, теперь обрушился. Помещение освещалось с помощью двух узких окон, расположенных в алтаре и в западной стене. Поляна вокруг церкви окру-

*Средневековая
резная плита
из окрестностей Сухуми*

жена была еще в древности каменной стеной. Храм датируется временем не ранее XI века.

В 1884 году эту местность посетил греческий археолог Врисис, который связал ее старое абхазское название — Гума — с городом Каманы, где был погребен известный христианский проповедник Иоанн Златоуст, один из величайших «отцов церкви». И хотя в действительности этот город находился в северо-западной части Малой Азии, «вывод» Врисиса способствовал тому, что абхазские Каманы стали одним из крупных центров паломничества верующих. Древний храм был восстановлен и получил дополнительные пристройки: с севера и с юга были возведены два придела, а с запада — трехэтажная колокольня, перекрытая высоким шатром.

При строительстве колокольни в земле был найден саркофаг, высеченный из цельной глыбы известняка и весивший около тонны. После обновления храм был освящен во имя святого Василиска, епископа Каманского, а во-

круг него поднялись корпуса женского монастыря, в которых теперь размещен Дом престарелых.

Окрестности Каманского храма очень живописны. Здесь много и других памятников архитектуры: километром восточнее — развалины древней церкви, а несколько севернее ее, на скале, — руины башни римского времени. Еще дальше — развалины храма и крепости. В ущельях Шубары и Цумура прячутся развалины крепостей.

Мы снова в Сухуми, и наш путь лежит теперь на запад вдоль берега моря. В конце XIX столетия на Сухумском мысу был построен маяк, от которого вся эта часть города получила впоследствии название Красный Маяк. В VIII—I веках до н. э. здесь находился небольшой поселок. В древних могилах, раскопанных прямо на пляже, найдены разнообразная глиняная посуда, бронзовое и железное оружие, различные украшения из бронзы, серебра и золота. Тут же обнаружены остатки печи, в которой в III—I веках до н. э. обжигались амфоры, черепица и другие керамические изделия. Печь имела каменный панцирь и навес, державшийся на высоких столбах.

Совсем немного осталось морю работы, чтобы окончательно поглотить стены некогда мощной крепости, расположенной немного дальше к западу. Эту крепость обычно называют «Старый Сухум». В настоящее время здесь можно осмотреть лишь ее северную стену с остатками ворот. Облицовка из булыжника да несколько отверстий от бревен в ней — это все, что может привлечь зрителя. Впрочем, сочетание древних стен, обрамленных зеленью плюща и кустарников, с бескрайней морской ширью с одной стороны и грядями гор — с другой, являет собой весьма привлекательное зрелище. Упомянутые отверстия в стене — следы деревянных перекрытий и боевой дорожки, с которой в случае нападения врагов отстреливались защитники крепости. Еще в конце XIX столетия крепость была почти целой и занимала площадь 120 × 100 метров. Здесь были и развалины каменного здания, состоявшего из двух комнат. Находки в крепости наряду с особенностями конструкции стен говорят об их сравнительно недавней постройке. Найденные здесь керамика и курительные турецкие трубки позволяют отнести время функционирования крепости к XVII—XVIII векам.

За мостом через Гумисту, которая здесь обычно тиха и мелководна, расположено старинное абхазское село Нижняя Эшера. На его территории известно немало памятников, среди которых особенно примечательны кромехи и античное городище.

Кромлехи найдены на возвышенном правом берегу Гумисты, рядом с многоэтажным корпусом средней школы. Ряды крупных, до одного метра высоты, камней образуют на поверхности террасы несколько концентрических кругов. Между этими рядами и в центральном маленьком кругу, относящимися ко II—I тысячелетиям до н. э., найдены захоронения, а также глиняная посуда, бронзовые украшения и другие вещи, необходимые, по мнению древних, умершим в потустороннем мире.

Эшерское городище — один из наиболее ярких памятников эпохи греческой колонизации побережья Абхазии — расположено на юго-восточном отроге Верещагинского холма. Поселение первоначально возникло как земледельческое в середине VI века до н. э. Об этом говорят замечательные образцы древнегреческих сосудов с чернофигурной и краснофигурной росписью. В IV веке до н. э. — I веке н. э. здесь велось значительное монументальное строительство. Городище было окружено мощными двух-трехметровой толщины стенами с четырехугольными башнями, сложенными из ломаного известняка и валунов на известково-глинистом растворе. В их толще находились жилые помещения. В наиболее возвышенной части городища сохранились мощные фундаменты и цоколь огромного прямоугольного здания. Здесь найдены гладко обработанные крупные известняковые блоки, обломки карнизов, капители дорического ордера и другие фрагменты, позволяющие предположить существование на городище античного храма. По склонам ниже этого здания тянутся кварталы жилых и хозяйственных построек. Их стены были когда-то покрыты штукатуркой, на обломках которой сохранились следы росписей.

На холме, расположенном западнее городища, раскопаны многочисленные остатки древней посуды и ряд разновременных захоронений с бронзовым и железным инвентарем. На этом месте в начале нашего века стояла деревянная дача известного русского художника-баталиста В. В. Верещагина. У него в гостях бывали И. Е. Репин и А. П. Чехов. Теперь дача разрушена, осталось лишь несколько кипарисов от аллеи, которая вела к дому. Здесь в глубокой древности было достаточно обширное поселение. С высоты холма открывается замечательный вид на Нижнюю Эшеру, на удлинённый контур хребта Аж-амгва, у основания которого далеко на западе белыми пятнами выделяются развалины древней Анакопии и корпуса Ново-Афонского монастыря.

Последний наш маршрут по окрестностям Сухуми — в поселок Верхняя Эшера. От вокзала дорога ведет мимо жилых кварталов, возникших в последнее десятилетие, мимо пологих склонов, покрытых зеленью чайных насаждений, через замечательный мост, смелыми, пятидесятиметровой высоты, арками переброшенный над ущельем Гумисты. Дальше шоссе круто поднимается вверх, к экзотическому ресторану «Эшера».

Вблизи ресторана, над дорогой, расположена крупнейшая и наиболее впечатляющая группа абхазских дольменов-гробниц бронзовой эпохи; 3500—4000 лет назад их здесь было построено больше десятка. В каждом дольмене различаются две боковые, фасадная, задняя и покровная плиты. Пол дольмена образован одной или несколькими плитами. Боковые стенки подперты известняковыми обломками. Передняя стенка обычно шире и выше задней, поэтому дольмен имеет трапецевидный план. Пазы в боковых плитах и соответствующие им торцы фасадной и задней плит обработаны с особой тщательностью в целях максимальной герметизации гробницы, что, как полагают, было продиктовано стремлением как можно крепче изолировать души умерших от живых. В фасадной стене делалось отверстие, достаточное для того, чтобы через него можно было внести внутрь дольмена кости и уложить их там в известном порядке. О размерах дольменов Эшеры можно судить по следующим цифрам. Высота передних стенок доходила до 2,3 метра при ширине до 3 метров и толщине до 35 сантиметров, длина боковых плит достигала 3,7 метра. Размер же покровной плиты одного из эшерских дольменов составляет $5,25 \times 4,85$ метра при толщине до 0,35, ее вес определен в 22,5 тонны. Фасадами дольмены обращены на юг, вниз по склону, так что столетиями сползавшая земля засыпала их постепенно сзади, а подступ к фасадной плите долго оставался открытым. Через отверстие внутрь эшерских дольменов заносили лишь черепа и отдельные кости умерших. Такой обряд захоронения, называемый вторичным, был очень распространен среди населения Абхазии в бронзовую эпоху. Помимо костей в дольменах Эшеры найдено большое число глиняных сосудов, которые по своей миниатюрности, скорее, являются символами соответствующих изделий, предназначавшихся для жертвенной пищи, а также бронзовые крюки, кинжалы, пояса, наконечники копий, бусы, подвески, пуговицы, кремневые наконечники стрел и т. д. Два дольмена из этой группы установлены теперь во дворах государствен-

ных музеев в Тбилиси и Сухуми, и сотни тысяч посетителей, туристов и экскурсантов, задерживаясь на минуту перед этими известняковыми монолитами, невольно соприкасаются с удивительным мироощущением далеких предков современных абхазов.

В раннем средневековье на северо-восточной окраине села Верхняя Эшера, в ущелье правого притока Гумисты, было построено небольшое, но очень интересное укрепление Уаз-абаа. Попасть к нему можно либо по проселочной дороге, которая отходит от шоссе восточнее ресторана «Эшера», либо по тропе, начинающейся у моста через Гумисту. После крутого подъема тропа выводит к краю очень глубокого и узкого каньона, на противоположной стороне которого над вершинами деревьев поднимается серый контур башни. Две ее стены давно рухнули в обрыв, но по двум другим, достигающим 18-метровой высоты, можно с достаточным основанием судить о былом облике руин. Первый этаж башни был связан со вторым через узкое отверстие в каменном своде, который покоился на арках из тесаного известняка, опиравшихся на выступающие из стены блоки-консоли. В башню попадали по приставной лестнице через второй этаж, откуда на третий, четвертый этажи и на смотровую площадку также вели деревянные лестницы.

Путь в крепость вел по узкой каменной лестнице, остатки которой сохранились на внешней стене башни. Крепостной двор площадью до 650 квадратных метров, через который тянется еще одна поперечная стена с прилегающим к ней квадратным помещением, сплошь зарос лесом. Севернее крепости в зеленой чаще заметны древние фундаменты — здесь когда-то было поселение. Многочисленные фрагменты глиняной раннесредневековой (IX—X вв.) посуды рассеяны по склонам.

Поселение и крепость обязаны своим существованием пещерному ручью — единственному источнику питьевой воды в этом районе. От воротной башни спускаемся по каменной лестнице в таинственную полутьму глубокой естественной трещины. Где-то наверху чуть просвечивает небо, вычурные очертания скал поблескивают от влаги, а впереди из огромной зияющей чернотой арки вытекает небольшая, но никогда не пересыхающий ручеек. Луч фонарика захватывает глыбы скал, рухнувших с потолка, глубокие ниши, уходящие вверх колодцы, из которых может внезапно выпорхнуть летучая мышь, скопления глины и щебенки, небольшие озерца, скудные натечные образования — сталактиты и сталагмиты.

В XI—XII веках в двух километрах южнее крепости Уаз-абаа, вблизи Новороссийско-батумского шоссе, на высоком холме был построен небольшой христианский храм. Теперь в зарослях видны его стены, облицованные блоками. Об этом храме известный французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере сообщал в 1833 году следующее: «...очень древняя церковь; все четыре стены ее хорошо сохранились; внутри она полна приношений — сабель, ружей и даже денег, к которым никто не прикасается. Абхазы еще очень чтут эту церковь; они приходят сюда праздновать пасху, при этом, согласно обычаю, часто приводят корову, чтобы заколоть ее здесь; они приносят также на пасху красные яйца. Клятва, данная перед этой церковью, ненарушима...»

3. По Северо-Западной Абхазии

Памятники эти... являются чрезвычайно интересными и рельефно говорящими о той богатой смене культурных влияний, которые шли сюда из разнообразнейших очагов мира, преломляющихся в местных условиях в своеобразные явления...

А. С. Башкиров

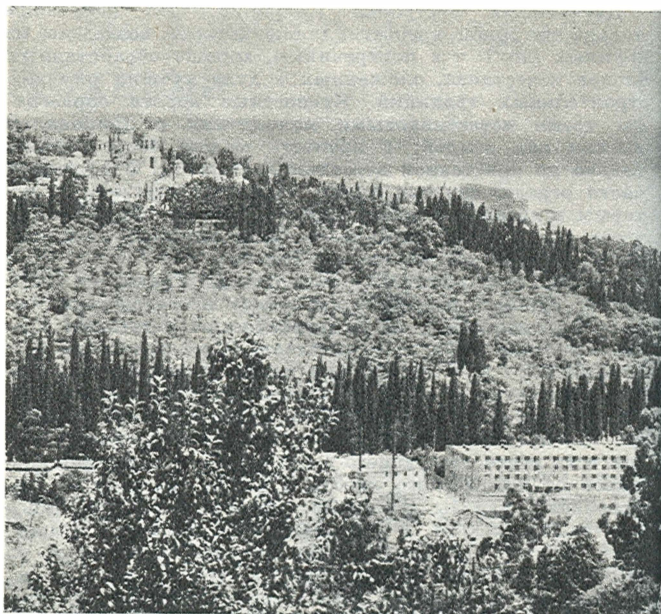
Двадцать шесть километров асфальтированного шоссе отделяют Сухуми от поселка Новый Афон. Людей издавна привлекало это исключительно живописное место, богатое многоводными родниками, неприступными вершинами и строительным материалом. Поэтому и следов человеческой жизнедеятельности здесь сохранилось так много, что пытливый путешественник сможет без особого труда проследить историю абхазской архитектуры почти за две тысячи лет.

Наиболее значительным памятником оборонительного зодчества не только Абхазии, но и всего Черноморского побережья Кавказа является Анакопийская крепость, занимающая вершину Иверской (Анакопийской) горы.

Дорога к крепости от центра поселка ведет сначала среди домов по жарко нагретому солнцем асфальту. С поворота дороги открывается вид на Новый Афон — кипарисовые аллеи, монастырские корпуса и собор, увенчанные голубыми куполами, красное и серебристое железо крыш среди зелени парков и садов, естественные ступени Афонской горы, бескрайнее море... Дорога уводит в дубовый лес, покрывающий круто наклонные известняковые плиты, подрубленные дорогой. Неожиданно вверху сквозь заросли показываются участки высоких светлых стен и башен, покрытых вьющимися растениями и кустарником. Еще один изгиб серпантина — и дорога приводит к широкому пролому разрушенной стены.

Древнейшая постройка Анакопии — это небольшое кольцо нагорной крепости, стены которой возведены из крупных (до 1 м в поперечнике), хорошо обработанных блоков известняка, сложенных в духе лучших римских строительных традиций. Крепостные ворота образованы тремя известняковыми монолитами и приподняты высоко над землей; в крепость можно было попасть только по приставной деревянной лестнице. В восточной части ограды изнутри видны каменные ступени, по которым в древности воины поднимались на стену. Скорее всего, именно это укрепление было известно византийским авторам под названием Трахеи.

Поскольку относительно локализации Трахеи не существует единого мнения — некоторые исследователи пытаются сопоставить ее с древнейшими остатками крепостных стен в Гагре, — читателю будет интересно познакомиться с аргументацией в пользу анакопийской Трахеи. Относительно ее местоположения известный византийский историк VI века Прокопий Кесарийский сообщает: «За пределами апсилив, при входе в пределы абазгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Понта Эвксинского. У подножия этой горы еще в древности абазги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное...» Археологические исследования показывают, что самым западным пунктом распространения апсильов в IV—VI веках была Эшера, расположенная восточнее Нового Афона. Еще западнее проживали уже абазги. Описание же «высокой горы» полностью соответствует облику хребта Аж-амгва, идущего в сторону Нового Афона и ступенчато спускающегося к морю. Иверская гора при этом действительно смотрится с востока лежащей у подошвы этого хребта. Гагрская же крепость находится в низине на самом берегу моря. А из описания Прокопия следует, что укрепление абазгов находилось на довольно значительном расстоянии от моря; он сообщает, что между крепостью и морем «тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала». Каждому, кто видел Иверскую гору с востока, припомнится действительно суровая скальная полоса, спускающаяся от нагорной крепости к Псырцхинскому водопаду. Трахея была взята и сожжена. Вот как пишет об этом Прокопий: «Абазги... в полном беспорядке устремились в бегство и стали отступать от этого места все дальше и дальше... Римляне захватили и убили очень

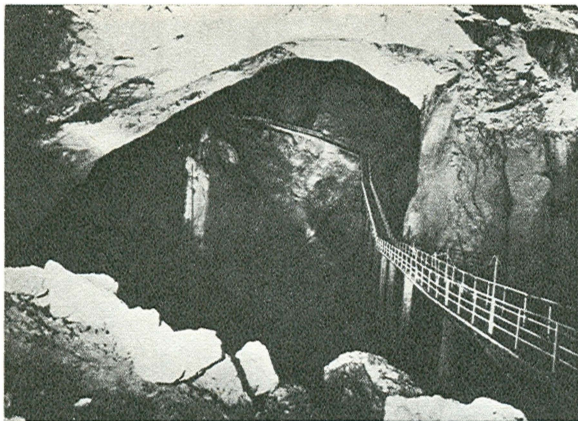
многих из них... И вот преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие — стремлением захватить укрепление. Найдя ворота еще открытыми, они все вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абазгов от неприятелей, ни закрыть ворота, так толпа давила на них. Таким образом абазги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались теперь перед большою трудностью. Так как дома абазгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абазги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом, а с другой — жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома...»

*Панорама
Нового Афона*

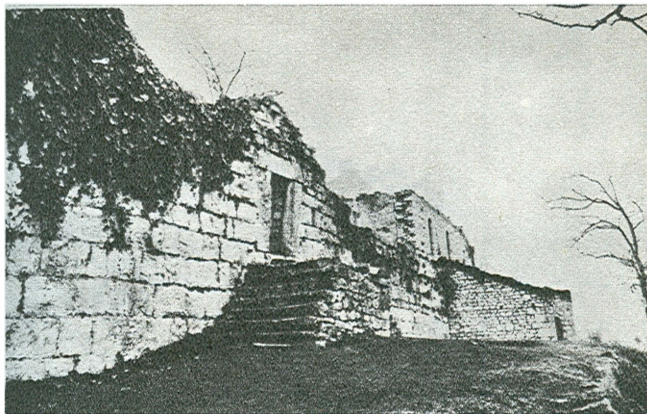
Прокопий сам не присутствовал при взятии Трахеи и писал свою историю, пользуясь донесениями военачальников и личными впечатлениями солдат — участников событий, поэтому в его повествование могли вкрасться отдельные неточности. Но поскольку в основном его описание местности совпадает с географическими особенностями Нового Афона, а не Гагры, именно здесь и должна быть локализована Трахея.

В конце VII века при непосредственном участии византийцев, встревоженных вторжениями арабов, была возведена основная линия стен средневековой Анакопии, охвативших территорию размером 450×150 метров. С юга, где склон горы был пологим и доступным, стена была укреплена семью башнями — квадратными в менее доступных местах, круглыми же там, где легко могли быть подведены стенобитные машины. Наиболее примечательна западная круглая башня, расположение и форма которой позволяли вести из нее обстрел противника

Ново-Афонская пещера

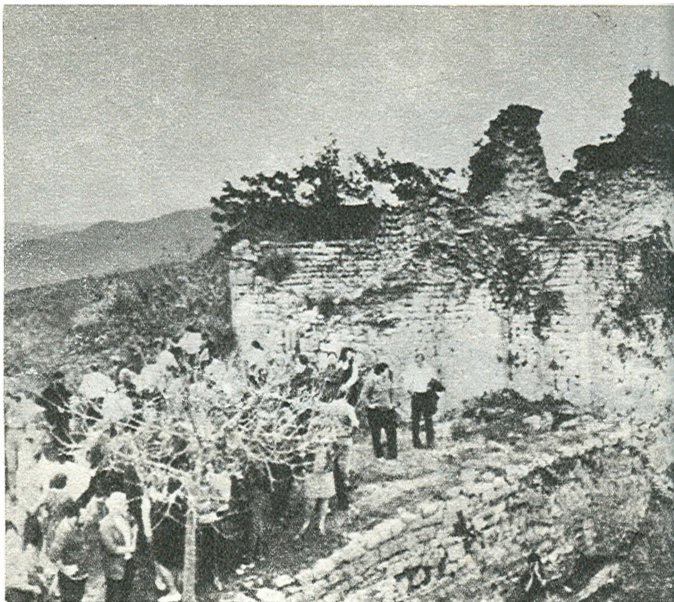
под углом почти в 290° . Во втором этаже древнейшей части этой башни сохранились пять бойниц, устроенных в специальных нишах, и вход, перекрытый аркой. Боевая мощь этой башни была обусловлена еще и тем, что она защищала подступы к главным крепостным воротам. Древняя дорога огибала башню слева, подходила к скрытому за нею входу в соответствии с заповедью еще античных зодчих, требовавших размещать ворота так, чтобы при подходе к ним противник оказывался повернутым к осажденным своей незащищенной щитом правой стороной. Проникновение в Анакопийскую крепость было затруднено и тем, что за главными воротами непосредственно следовал небольшой внутренний двор, окруженный дополнительными стенами и соединенный с основной территорией крепости еще одними воротами. Между второй и третьей башнями в наружной стене видны следы вылазной калитки, позднее заложенной. Отсюда выводились отряды защитников во фланг штурмовавших главные ворота.

*Древние стены Трахеи.
IV—V вв.*

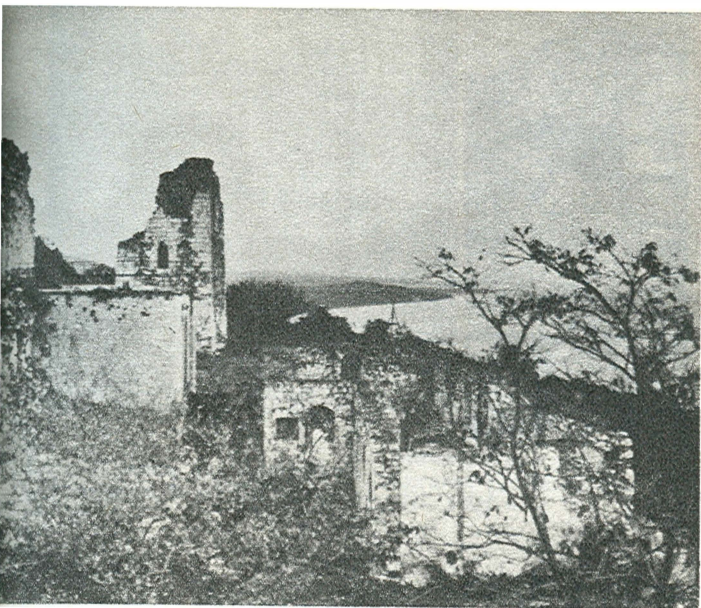
*Панорама
нагорных построек
Анакопии*

С сооружениями основной оборонительной линии Анакопии связана яркая страница истории Абхазии. В 736—737 годах у этих стен было остановлено 60-тысячное войско арабов, руководимых известным полководцем Мурваном-ибн-Мухаммедом, прозванным за свою жестокость Глухим, т. е. глухим к мольбам и жалобам. Грузинский летописец Джуаншер сообщает, что с укрывшимися в крепости грузинским царем Арчилом и братом его Миром было «до одной тысячи человек да из абхазского войска две тысячи бойцов», которые должны были противостоять арабам, «по численности равным темной туче саранчи и комаров». Судьба, однако, оказалась милостивой к защитникам Анакопии. Летописец дальше сообщает, что среди арабского войска началась эпидемическая болезнь желудка, унесшая в несколько дней 35 тысяч человек. Три тысячи арабов погибли во время штурма крепостных стен, Мурвану пришлось уйти — задуманный им поход через Абхазию в обход Черного моря в тыл

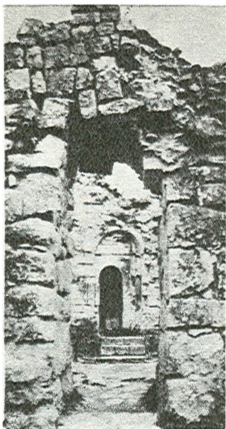
Византии провалился. Не пропустила, по-видимому, Анакопия на запад и арабского полководца Сулеймана-ибн-Исама в 738 году — он ограничился жестоким опустошением расположенных восточнее Апсилии и Мисиминии. В течение почти целого столетия после этого Анакопия была столицей сначала Абазгского княжества, а затем Абхазского царства. Позже, когда столица была перенесена в Кутаиси, значение крепости несколько упало.

«Столичный» период, надо полагать, не прошел бесследно для Анакопии. Вероятно, именно тогда — в середине или второй половине VII века — на вершине Иверской горы появляется небольшая однозальный храм типа базилики с полукруглой выступающей апсидой и тремя широкими окнами. VII—VIII веками датируют исследователи найденные здесь плитчатые оконные навершия с интересными рельефами. Эти плиты можно сегодня осмотреть, поднявшись на вершину горы и войдя в храм. В конце XIX столетия новоафонские монахи соорудили здесь свое-

образную витрину, вмуровав разновременные архитектурные фрагменты в специальную стенку и написав сверху: «Древние останки». На одной плите изображен крест, а по сторонам его — полуфигуры льва и быка, на другой плите — лев и две розетки, на третьей — рыба и два дерева. В VII—VIII веках, возможно, был построен на склоне горы и второй храм. Его развалины можно осмотреть у второго витка дороги выше восточной башни.

В 1027 году после смерти грузинского царя Георгия I в Анакопии поселилась его вторая жена — осетинская царица Алда со своим сыном Дмитрием, сводным братом царя Баграта IV. В 1032 году оппозиционная царю феодальная группировка попыталась свергнуть Баграта, а на его место воцарить Дмитрия. После провала заговора Дмитрий бежал в Константинополь, а Анакопию сдал византийцам. В 1045 году Анакопию покинула и Алда, бежавшая в Осетию после неудачной попытки сына овладеть Грузией с помощью Византии. Весной 1046 года

*Анакопийский храм.
VII—VIII вв. Фрагмент*

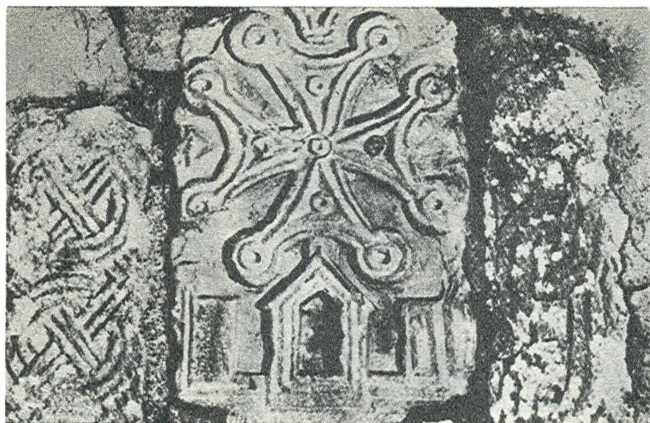
Баграт IV осадил Анакопию, но вынужден был отступить. Крепость была взята лишь его сыном и преемником Георгием II в 1073 году, когда, по словам летописца, «были освобождены захваченные греческими насильниками крепости. Была отобрана у греков Анакопия, главная среди крепостей Абхазии».

Воспоминание об этих событиях хранится и в народной памяти в виде следующей красивой легенды: «В смутное время правил царь Баграт. Неприятель тревожил его земли. И жил народ очень бедно, и оттого было среди народа большое волнение. А у Баграта был брат, который страшно завидовал своему венценосному родственнику. Зависть и повела его по пути предательства. Через мать свою, вероломную царицу, договорился он с греками. И однажды пристали греческие корабли к земле Аpsны, и под покровом ночи, не встретив сопротивления, вошли в крепость неприятельские воины. Но один лишь день владели они крепостью. Убоялся Дмитрий гнева брата

*Анакопийский храм.
Архитектурная деталь.
VII—VIII вв.*

своего, бежал в Константинополь, взяв с собой многие богатства и племянницу начальника крепости Анакопей-ипха. Минуло пять или десять лет, прошел по земле Апсны слух, что хочет возвратиться на родину Анакопей-ипха и что везет она дяде своему подарки, ибо вышла замуж за богатого купца и владеет несметными сокровищами. Радостью наполнились сердца жителей Анакопии, когда увидели десять кораблей, что привезли Анакопей-ипха и подарки. Встретил ее народ с великими почестями. И был большой праздник с пирами и военными играми в тот день. А под вечер, когда солнце окунулось в море, повелела Анакопей-ипха снять с кораблей подарки и перевезти их в крепость. На каждой арбе было по два громадных сундука. Сундуки эти складывали у высокой башни. Пообещала Анакопей-ипха народу, что завтра будут розданы подарки. И разошелся народ по своим домам. Наступила ночь, все заснули. Не спят лишь Анакопей-ипха и ее верные слуги: готовятся они завер-

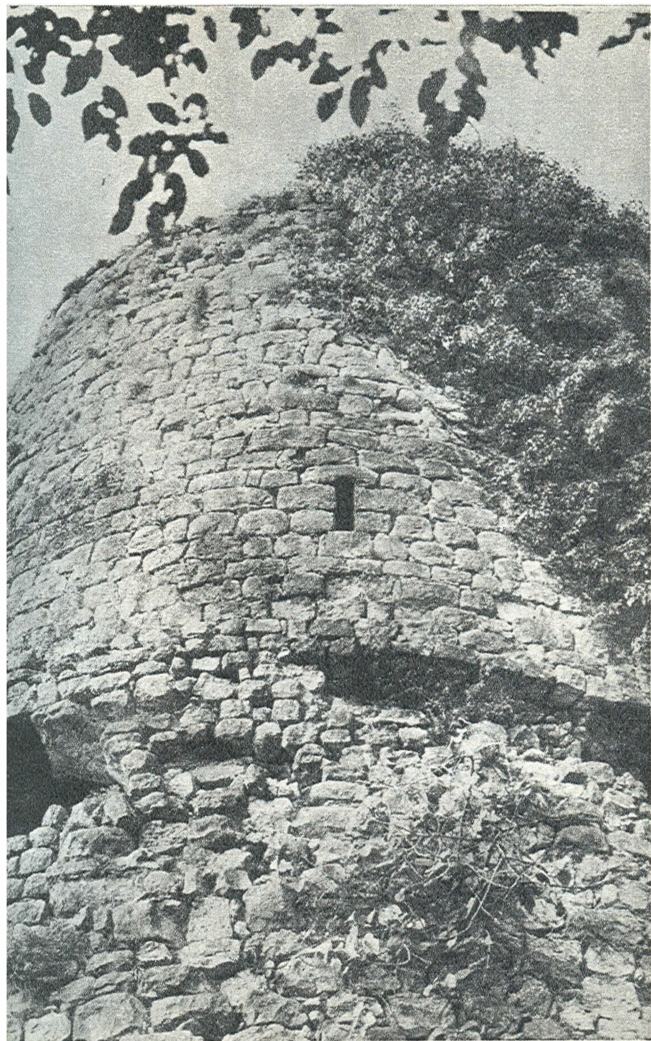

*Анакопийский храм.
Архитектурная деталь.
VIII в.*

*Анакопия.
Воротная башня.
VII—XI вв. Фрагмент
→*

шить коварный план, который внушил им хитрый брат Баграта. И вот уже пробираются они под покровом ночи к башне, где лежат сундуки с подарками, и вскрывают их. А в каждом сундуке по два вооруженных воина; встают воины, берут в руки мечи и факелы. И вот их уже легион. Огласилась тогда крепость Анакопийская боевыми криками, началась тут великая резня. Крепость была захвачена всего за один час...»

События XI века оставили яркий след в архитектуре Анакопии. Многие сооружения перестраивались и достраивались. Особенно изменился облик воротной башни, в которой первый этаж был заполнен бутом, а над вторым было возведено еще два этажа с каменными сводами, опирающимися на каменные колонны. Тогда же была возведена западная башня и перестроен храм в нагорной крепости. Эти работы отражены в ряде надписей на плитах, найденных здесь еще в конце XIX века. На одной из упомянутых плит с изображением креста, льва и быка

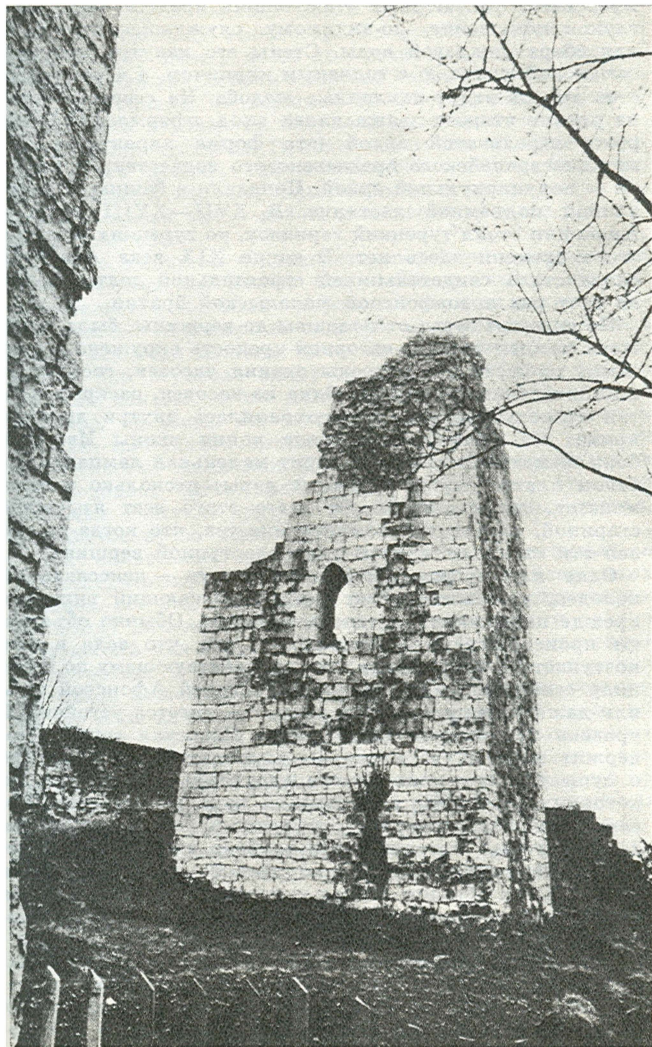
*Анакопия.
Западная башня XI в.*

*Анакопия.
Восточная башня.
Не ранее XIV в.*

→

позже была нанесена надпись следующего содержания: «Построен помыслом бога и богородицы и великим участием Константина Мономаха, великого царя и самодержца римлян, содействием Евгения протоспафария Деспота и Феодора Валенти, таксиарха Касы, сей дивный храм (?) лета 6554 (то есть 1046 год. — Ю. В.), в месяце феврале, индикта 14-го». Другая надпись, упоминающая тех же лиц и относящаяся к марту 1046 года, рассказывает о постройке или обновлении ряда сооружений крепости или ее стен. На третьей плите написано: «Освящен храм святого Феодора при архиепископе Михаиле месяца апреля 16-го». Из последней надписи мы, в частности, узнаем, кому был посвящен верхний Анакопийский храм.

В XIV веке в Анакопии обосновались генуэзцы, которые построили в нагорной крепости четырехэтажную дозорную башню, облицованную хорошо подогнанными гладкими камнями. Она возвышается над лесистой вершиной

Иверской горы. Первый этаж башни представляет собой глухое помещение, по-видимому, служившее цистерной для сбора дождевой воды. Стены его изнутри покрыты цемянкой-известью с толченым кирпичом, а через толщу стен внутрь ведут наклонные желоба. На северной стене на уровне второго этажа виден вход, оформленный снаружи стрельчатой аркой (эта форма характерна для западноевропейского средневекового зодчества), а изнутри — полуциркульной аркой. Попадали в башню по деревянной подъемной лестнице. В XVII—XVIII веках в Анакопии стоял турецкий гарнизон, но турецких построек этого времени здесь нет. В конце XIX века Анакопия снова стала свидетельницей строительной деятельности, на этот раз новоафонской монашеской братии.

По склонам горы, от подошвы до вершины, была выложена камнем дорога, нагорная крепость окружена каменными террасами, построены здания часовен, гостиницы, станции канатной дороги. Одна из часовен, раскрытая на три стороны, до сих пор сохранилась внутри древнего храма. На стене ее помещена копия иконы Иверской божьей матери, перед ней горит маленькая лампадка. На белом платке лежат скромные дары: несколько медных монеток, ломоть хлеба. От всего этого веет языческой стариной, словно это поминовение тех, кто когда-то возвел эти стены на крутой труднодоступной вершине.

Одно из «чудес» нагорной крепости — неиссякаемый колодец, уже восемьдесят лет привлекающий внимание прежде паломников, а теперь туристов. Обычно объясняют происхождение этого колодца тем, что вода в него поступает по природному каналу, действующему по принципу сообщающихся сосудов, с соседней Афонской горы или даже более удаленных мест, где имеется устойчивый уровень ледниковых вод. Однако Иверская гора не содержит ничего, что могло бы оправдать предположение о существовании природного вертикального канала, по которому могла бы подниматься вода на вершину. Поверхность горы покрыта трещинами, по которым вся дождевая вода просачивается глубоко вниз, беспрепятственно достигая уровня Анакопийской пропасти и уходя ниже. Таким образом всякая возможность существования природного колодца на вершине Иверской горы исключается.

Остается допустить мысль об искусственном происхождении этого колодца. На этот счет существуют две гипотезы. Первая сводится к тому, что водовод к колодцу был сооружен в древности строителями Анакопии и действо-

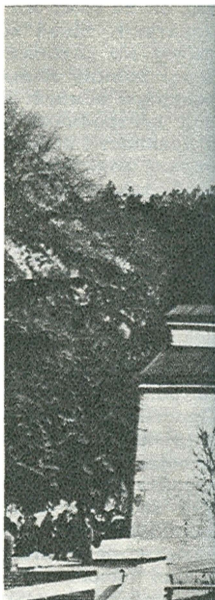
вал он по тому же принципу сообщающихся сосудов. Как полагают, такой водовод могли провести в канаве, прорытой на склонах обеих гор (Иверской и Афонской) и через долину между ними под речкой, а затем замаскированной землей. Вторая гипотеза сводится к мысли, что под постройками на вершине была сооружена когда-то в древности воронка из плотного материала, которая собирала дождевую воду. Правда, как отмечают сторонники этой точки зрения, таким способом можно объяснить поступление в колодец лишь небольшого количества воды, в то время как в действительности колодец практически неиссякаем.

Видимо, гипотезы о древности сооружения колодца на Иверской горе не имеют под собой реальной основы. Строительство водовода с Афонской горы не является такой простой инженерной задачей, как полагают. Длина такого водовода должна была достигать полутора километров при перепаде высот до трехсот и более метров. Простые каналы, пусть даже и выложенные камнем на растворе, не могли бы выдержать большой нагрузки в течение тринадцати столетий, прошедших со времени строительства Анакопии. Условия для прокладки канав для водовода здесь крайне неблагоприятны: отвесные скальные участки, крутые, обрывистые склоны ущелья, каменистое русло реки.

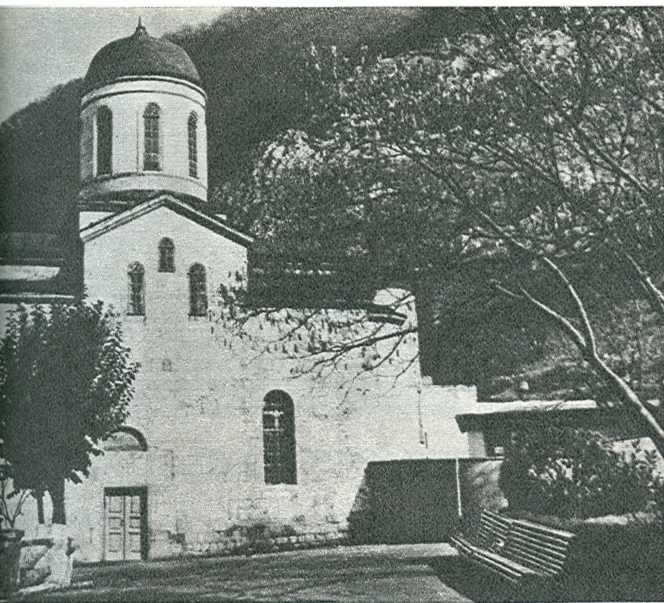
Как показывает конструкция крупных античных и раннесредневековых крепостей Абхазии и прилегающих районов, все они обходились без внешних водопроводов. Но всюду прослеживаются остатки «цистерн» и других сооружений для сбора дождевой воды. Такая «цистерна» существовала и на вершине Иверской горы в основании восточной башни. И, поскольку эта башня была возведена, по всем данным, генуэзцами не ранее XIV века, то, следовательно, в этот период в Анакопии никакого другого источника не было. Архимандрит Леонид Кавелин, посетивший Анакопию в 1884 году, сообщал, что на месте современного родника была тогда расчищена старинная «цистерна», на дне которой среди прочих обломков и мусора были найдены упомянутые плиты с греческими надписями XI века. Но вода в этой «цистерне» тогда отсутствовала.

Лишь много позднее новоафонские монахи широко распространили молву о «чудотворном» источнике на вершине Иверской горы. Это произошло после того, как монахи возвели здесь впритык к древнему храму большое здание с глухими стенами и обширной водосборной пло-

*Храм Симона Кананита.
IX—X вв.*

щадкой. Дождевая вода стекала к отверстию, через которое попадала в устроенный внутри этого здания фильтр-отстойник. Пройдя через мощную толщу прослоек песка, дробленого известняка и других материалов, дождевая вода приобретала качество и вкус родниковой. Рядом с фильтрующим помещением монахами была возведена камера, соединенная с ним железной трубой, снабженной устройством, регулирующим уровень воды в «роднике». Как показывает практика, собранной в течение года таким образом воды в отстойнике было достаточно для поддержания постоянного ее уровня в течение одного-двух засушливых месяцев, что в условиях Абхазии позволяло создать легенду о «чудотворном» непересыхающем роднике. Впрочем, иногда в особо засушливые периоды монахам приходилось поднимать на вершину горы обычную воду и пополнять ею «святую». Таким образом, «родник» в нагорной крепости действительно является творением рук человеческих, но история его насчитывает не

столетия, как обычно полагали, а всего лишь несколько десятилетий. Мы познакомились с замечательными древними архитектурными памятниками Анакопии. Ныне Анакопия переживает еще один значительный жизненный этап. Здесь строятся современное асфальтированное шоссе, канатная дорога. В ближайшие годы Анакопия должна стать историко-архитектурным заповедником, крупнейшим туристским объектом побережья. Здесь будут проведены значительные ремонтно-восстановительные работы, появятся и новые здания. Хочется надеяться, что они гармонично дополнят и как бы продолжат древнюю Анакопию, подчеркнут ее величие, красоту и славу.

Вблизи возведенных еще в конце XIX столетия плотины и здания гидроэлектростанции, одной из старейших в России, видны белокаменные стены небольшого крестовокупольного трехапсидного храма, композиция которого характерна для раннесредневековой (IX—X вв.) Абхазии. Стены храма, как и утраченных теперь притворов, были

когда-то покрыты изнутри штукатуркой с фресковыми росписями. В настоящее время здесь размещена курортная библиотека. С легкой руки новоафонских монахов этот храм обычно связывали с именем апостола Симона, уроженца Каны Галилейской, спутника апостола Андрея, который, согласно церковной традиции, проповедовал на обширной территории вокруг Черного моря и на Кавказе. В 55 году н. э. они достигли пределов Абхазии, где апостол Андрей оставил Симона для распространения христианства среди абхазов. Благодаря этим проповедям, согласно преданию, был уничтожен жестокий кровавый обычай приносить в жертву богам младенцев и людоедство. Симон Кананит вскоре умер и был похоронен на берегах Псырцхи. Впоследствии на его могиле был возведен белокаменный храм в память первых контактов абхазов с христианством. Согласно же другой, имеющей бóльшую древность легенде, этот проповедник был похоронен в Никопсии, расположенной западнее современного города Туапсе.

По одетым в камень берегам Псырцхи, а затем вдоль знаменитых новоафонских искусственных прудов выходим на набережную. Слева, из стены возведенной еще в конце XIX века гостиницы (ныне дом отдыха «Приморский»), выступает древняя башня Псырцхинская. Стены ее, облицованные ломаным известняком и прибрежным валунником, слегка сужаются кверху. Известный французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере в 30-х годах XIX века застал здесь еще две башни и стены. В работах В. И. Чернявского и других авторов второй половины XIX столетия можно прочесть и о замке на берегу моря, представлявшем собой башню с четырьмя выступами по углам. Все эти развалины связываются с находившейся здесь генуэзской факторией XIV века, известной под именем Каво-ди-Гиро, или Анакуфа. Большинство древних построек было разобрано при сооружении гостиницы. В 1888 году в этой гостинице отдыхал А. П. Чехов.

Отправимся теперь к зданию Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, расположенного на высоте 75 метров над уровнем моря у подошвы Афонской горы. Узкая асфальтированная полоса шоссе в густой тени кипарисов выводит к главным воротам монастыря. Мощные стены с бесконечными рядами окон, над которыми поднимаются голубые маковки монастырских церквей, широкая, выложенная разноцветной плиткой дорога, уводящая под высокую арку ворот, светлорычиневый контур

*Псырцхинская башня.
XIV в.*

*Ново-Афонский монастырь.
XIX в.*

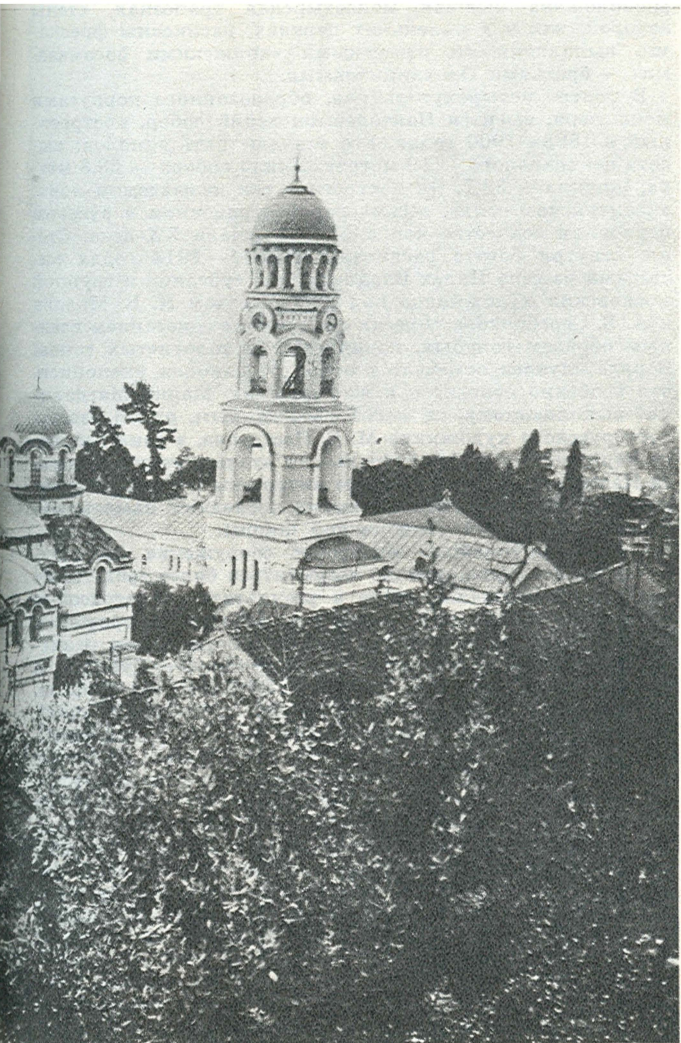
→

громады Пантелеймоновского собора, кружево листвы деревьев, голубизна небес, серый «ковёр» каменной вымостки двора — таковы первые впечатления посетителя, надолго остающиеся в памяти.

Ново-Афонский монастырь был основан в 1875 году монахами со Старого Афона (Афон — по-гречески «тихий, безлюдный») — монастыря, расположенного в Греции на гористом и лесистом полуострове Агион-Орос в Эгейском море, на восточном выступе Халкидонского полуострова. В этой местности, отданной монахам византийским императором Константином Погонатом (688—695), расположены несколько греческих, русский и грузинский монастыри с замечательными библиотеками, в которых хранятся более 10 тысяч древних рукописей.

В Новом Афоне монастырские корпуса с церквями строились в 1883—1896 годах. В центре западного корпуса возвышается 50-метровая колокольня с часами, мелодичный бой которых слышен далеко. Под колокольной

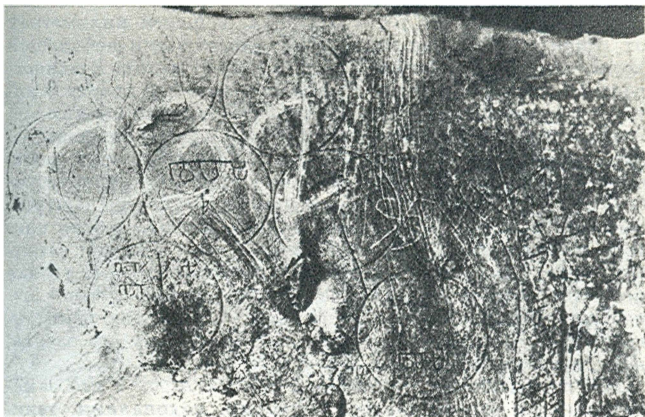

расположена бывшая монастырская трапезная, стены которой, как и в маленьких церквях, расписаны фресками, выполненными известными «волжскими богомазами» — братьями Оловянниковыми.

В центре четырехугольника, образованного корпусами монастыря, высятся Пантелеймоновский собор, построенный в 1888—1900 годах. Его венчают пять куполов; высота центрального — 40 метров. Длина собора — 53,3 метра, ширина — 33,7. Он построен в так называемом нововизантийском стиле, весьма распространенном в русском церковном зодчестве конца XIX — начала XX века. Стены изнутри богато расписаны в 1911—1914 годах мастерами из села Палех Владимирской губернии и группой московских художников под руководством Н. В. Моллова и А. В. Серебрякова. Фрески отличаются сочетанием главным образом голубых, коричневых и золотистых тонов. В ряде случаев отмечается отход от канонов иконописи, что особенно относится к изображению Марии Магdalины, выполненному, по некоторым данным, рукой известного русского художника М. В. Нестерова, а также к сцене Страшного суда у центрального входа. Стенные росписи Пантелеймоновского собора интересны и в том отношении, что они являются одним из последних памятников русской церковной иконописной школы.

Собор — крупнейшее культовое сооружение Абхазии. В нем может одновременно поместиться более трех тысяч человек. В восточной стене в результате землетрясения 8 октября 1915 года появились небольшие трещины. В 1959 году, после ремонта здания собора, в нем разместился филиал Абхазского государственного музея, а в монастырских корпусах теперь расположилась турбаза.

Севернее и западнее Нового Афона, за Иверской горой, тянутся живописные предгорья, на которых раскинулись уголья старинного абхазского селения Анухва. На северной его окраине вблизи полузаброшенного монастырского подворья в скале из красного известняка на высоте около 30 метров чернеет отверстие грота, известного под именем «Агца» (абх. — «обрыв»). На его стенах в 1940 году местный археолог Л. Н. Соловьев обнаружил множество наскальных рисунков, одни из которых он отнес к верхнему палеолиту и неолиту, а другие — к средневековью. Среди изображений интересны контур человеческой руки с крестом на ладони, фигура человека, лук со спущенной тетивой, наконечник копья, шалашевидные жилища. Как полагают исследователи, грот этот первоначально мог служить языческим святилищем, а позже здесь появились и паломники-христиане.

*Грот Агца.
Древние
наскальные рисунки.*

Западнее, на вершинах холмов у поселков Средняя Анухва, Бжилва и Веселовка, расположились циклопические постройки-крепости. Их стены сложены насухо из больших необработанных известняковых глыб без особой системы. Обломки больших и мелких хозяйственных сосудов, амфор и другие находки относят время этих сооружений еще к античной эпохе.

Немного южнее, у проселочной дороги, ведущей из средней Анухвы в Нижнюю, исследованы две небольшие раннесредневековые церкви. Особенно интересен крестовокупольный Мсыгхвский храм. Стены его были облицованы белоснежным известняком, алтарь украшен резными столбиками, кровля состояла из красной черепицы, окна были оформлены разноцветным стеклом. К сожалению, от него теперь мало что осталось — часть архитектурных деталей была брошена в расположенную рядом известковую печь, а развалины стен теперь полуприкрыты вновь построенной дорогой.

На правом берегу реки Псырцха, в шести километрах от Нового Афона, из зарослей, покрывающих небольшой холм, выступают руины храма XI—XII веков. В единственном зал храма ведут с запада и юга две двери. В алтарной части видны узкое окно, остатки кувшинов-голосников, повышавших качество звучания церковных песнопений, а также обширный тайник. Каменный свод давно обрушился, но сложенные из крупных грубообработанных плит известняка стены сохранились до четырехметровой высоты. С юга к храму примыкают остатки притвора, возведенного, вероятно, в XIV веке, а вокруг заметны следы каменной ограды. Вблизи расположены уголья небольшой крестьянской усадьбы, а рядом — темное отверстие в пещеру, куда уходит канат. С помощью нехитрого устройства здесь достают питьевую воду из озера, находящегося в глубине пещеры.

Мы покидаем гостеприимный Новый Афон с его замечательными памятниками, пещерами, водопадами, тенистыми ущельями, парками, прудами и здравницами. Новороссийско-Батумское шоссе ведет нас на запад вдоль железной дороги. Между холмами, в просвете, образованном долиной реки Аапста, открывается панорама на восточную оконечность Бзыбского хребта, где выделяется пирамидальная вершина Ахибох, известная еще под именем Сафар-бея — абхазского князя, присоединившего Абхазию к России. Свернем с основной трассы и отправимся в село Абгархук.

Первая из абгархукских крепостей, называемая местными жителями «Мушба», — весьма любопытный памятник раннесредневековой фортификации. Крепость расположена на скалистом утесе между реками Дохуарта и Жбаарта, в трех километрах севернее центра села. Тропинка, ведущая через лес, по краю обрыва, приводит к восточной башне, в которой находится вход в крепость, приподнятый на два с половиной метра от земли. В дверном проеме видны отпечатки массивных деревянных брусьев, а за ним открывается небольшая комната, из которой еще один проем выводит на крепостной двор. Внутри крепостных стен, протянувшихся на 120 метров, видны развалины нескольких каменных строений. Интересен потайной ход, связывавший крепость с внешним миром. в случае осады. Узкая тропка спускается по естественному разлому скалы к ее основанию. Ход этот местные жители называют «царской лестницей». Среди листьев и травы красными пятнами выделяются обломки кровельной черепицы и керамических сосудов IX—X веков.

*Крепость Абахуаца.
VIII—X вв. Фрагмент*

Еще интереснее другая абгархукская крепость, известная под названием Абахуаца. Она расположена в очень живописной местности в восточной части села над рекой Аапста. Крепостные стены и башня возведены на заросшей лесом известняковой скале с отвесными обрывами со всех сторон. Тропа ведет вдоль основания этой скалы мимо входа в имеющуюся здесь небольшую пещеру, по узкому карнизу взбирается на скалу и выводит по каменной лестнице на стену. Периметр извилистых крепостных стен до 140 метров, высота их местами и теперь достигает 3—4 метров.

В юго-восточном углу ограды видно окно-бойница. Рядом справа высятся покрытые плющом стены 8-метровой башни. Во второй этаж попадали снаружи по приставной лестнице через узкую дверь, а в третий — через люк в деревянном перекрытии. Древнейшие находки в крепости Абахуаца (керамика, наконечники стрел) относятся к раннему средневековью.

*Лыхны.
Лыхнский собор.
VIII—X вв.*

Мы снова на Новороссийско-Батумском шоссе. Перед нами город Гудаута, название которого произошло от протекающей здесь же речки Гудоу. Так говорят ученые, а в народе любят рассказывать историю о любви молодого певца Гуды к княжне Уте; любовь эта закончилась трагической гибелью обоих на берегах этой речушки.

Городские кварталы стали складываться здесь в конце XIX — начале XX столетия.

Четыре километра отделяют Гудауту — современный центр Бзыбской Абхазии — от села Лыхны, позднесредневековой столицы Абхазии. Асфальтированная лента шоссе уходит в сторону гор через плато, утопающее в густой зелени садов, лесов и виноградников. Вскоре с возвышенности открывается замечательный вид на зелено-белую цепь вершин Бзыбского хребта. Справа от дороги высятся стройные массы лыхненского Успенского собора, а рядом на краю обширной поляны видны руины дворца абхазских владетелей.

Храм полускрыт за древней булыжниковой оградой и возвышающимися над нею зарослями. Слева, у тропинки, — заброшенные кирпичные стены часовни, поставленной в память генерала Коньяра, убитого здесь во время абхазского восстания 1866 года. Вот и ворота под тяжелой каменной колокольней, включенной в ограду храма. Дубовые двери с крепким засовом, за ними двор с редкими могилами, аккуратными мощеными дорожками, различными постройками жилого и хозяйственного назначения. Храм действующий. Он относится к широко распространенному в раннесредневековой Абхазии типу крестовокупольных трехапсидных сооружений. Наружный облик храма очень прост: гладкие плоскости стен, облицованных крупными гладкими плитами красноватого известняка, выступающие с трех сторон притворы, восьмигранный барабан с низким куполом.

Гораздо более значителен, впечатляющ этот храм изнутри. Сначала входим в нартекс — западное поперечное помещение, отделенное от центрального зала монументальной стеной с арочным проходом в ней. Нартекс двухэтажный, из нижнего этажа в верхний ведет узкая каменная лестница. Здесь располагаются хоры, связанные с залом тремя широкими арочными проемами, через которые открывается превосходный вид на подернутые дымкой ладана столбы и стены, украшенные богатой фресковой живописью. Восточная часть храма представляет собой специальные ритуальные помещения: алтарь центральной апсиды, придел — жертвенник с северной стороны и придел — диаконник с южной стороны. Перед ними находятся маленькие прямоугольные помещения — вимы.

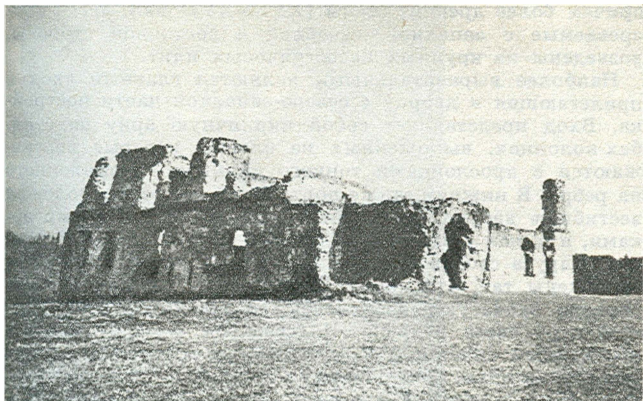
Исключительно богаты росписи Лыхненского храма. Древнейшие из них представлены в диаконнике — это элементы геометрического линейного орнамента, возможно относящегося к VIII—IX векам, и изображение головы старца с грузинской надписью «Закария» с фрагментами других фигур, относящееся к рубежу X—XI веков. Основные же росписи храма относятся к XIV веку. В верхней части центральной апсиды изображена сидящая на троне Богоматерь с младенцем и двумя ангелами, многофигурная композиция Евхаристии в двух видах, сцена с женами у гроба (с ангелами и поверженными воинами), встреча двух жен с воскресшим Христом. В среднем ярусе изображений той же апсиды — сцена гостеприимства Авраама с тремя сидящими ангелами, сцена жертвоприношения Авраама, изображения ангелов и святителей; в нижнем яру-

*Лыхны.
Лыхнский собор.
Настенная роспись.
Фрагмент*

се — фигуры святителей (св. Василий, св. Григорий Богослов, св. Кирилл и св. Фока). На западной стене — фрагменты композиций Успения Богородицы и передачи Богоматерью пояса апостола Фоме. На столбах и пилястрах — изображения Иисуса Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи, Иоанна Евангелиста и др. Снаружи над дверным проемом южного придела изображена сидящая на троне Богоматерь, а за нею два ангела.

Основные росписи Лыхненского храма исполнены одновременно, о чем говорит единство красок, композиции и буквенных (греческих и грузинских) начертаний. В то же время прослеживается почерк по меньшей мере трех живописцев. Одним из них, последователем более ранней палеологовской живописи, была исполнена роспись на столбах, два других художника, работавших в линейно-графической манере, характеризующей палеологовское искусство середины XIV века, расписывали центральную апсиду.

*Лыхны.
Дворец
абхазских владетелей.
XVI—XVII вв.
Перестроен в XIX в.*

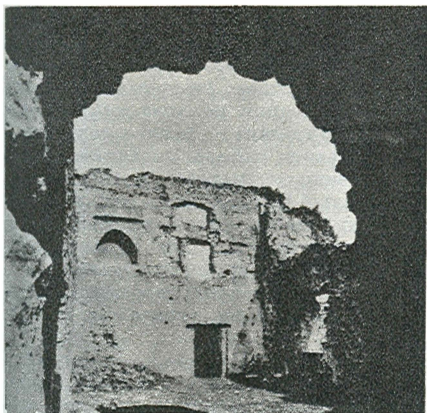
Стены храма были также украшены различными грузинскими и греческими надписями. Одна из них сообщала: «Христос, являешься ты благословлен богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669 ... в царствование Баграта, сына Георгия.. В апреле месяце появилась звезда, из недр которой исходили лучи возвышаясь перед ней, подобно святому сиянию». Таким способом кто-то в 1066 году сообщал о появлении в небе Абхазии кометы. В Лыхненском храме похоронен владетельный князь Абхазии Сафар-бей, умерший в 1821 году. На надгробии сохранилась надпись на греческом языке.

Юго-восточнее, в ста метрах от храма, расположены развалины двухэтажного дворца абхазских владетелей. Неровная поверхность стен, возведенных из неоднородного материала — известняка, песчаника, кирпича и т. д., — прерывается рваными отверстиями окон и дверей. В стенах ясно прослеживаются два строительных слоя,

причем более древние стены (XVI—XVII вв.), легко обозреваемые с западной, северной и восточной стороны, возведены из крупных известняковых плит.

Наиболее выразительными являются главный вход и прилегающая к дворцу с северо-западной части постройка. Вход представляет собой кирпичную арку на столбах-колоннах, выложенных из блоков, которые перемежаются с прослойками тонкого кирпича, поставленного на ребро. В нижнем этаже порталной башни расположен вестибюль дворца. Его стены оформлены каменными арками, а купол опирается на низкий восьмигранный барабан. Паруса сводов в углах между арками под барабаном выложены так, что кирпичи выступают наружу углами, образуя зубчатую поверхность, создававшую своеобразную игру света и теней. На северном фасаде дворца в позднейшей сплошной кладке ясно прослеживаются две кирпичные арки, покоящиеся на столбах той же конструкции, что и у портала главного входа. Над средним столбом выложена черным узким кирпичом «печать Соломона» — шестиконечная звезда, образованная пересечением двух треугольников. С восточной стороны сохранились два пилонообразных выступа и отдельно стоящий столб, которые когда-то были соединены деревянным помостом. Полагают, что эта постройка была связана с водозаборным устройством — внизу под обрывом протекает ручей.

Позже, уже в XIX веке, дворец был перестроен и значительно расширен. Позднейшие стены отличаются небрежностью кладки и плохим качеством раствора — он непрочный, известково-глинистый. В каждой из комнат как в первом, так и во втором этаже видны каминные, сложенные из песчаниковых плит. У ученых еще окончательно не сложилось мнение о времени и обстоятельствах возведения Лыхненского дворца, в народе же бытует немало легенд об этом. Вот одна из них: «Владельцем в Лыхны в далекие времена был князь Чачба. Решил он построить дворец невиданных размеров. Уложили фундамент и стали класть стены. Но никак не шла работа: разрушаются стены, словно земля трясется под ними. Позвал князь самых лучших мастеров, повелел им сложить стены вновь и трижды прочнее прежних. День и ночь трудились мастера, но все напрасно: первый же ливень размывал стены и башни. Совсем опечалился князь. Сгоряча велел казнить мастеров. Созвал на совет старейшин. Поднялся с места древний старик и сказал: «Ведаю, как построить дворец: нужна жертва великая, человеческая...» Выслушал князь старца и велел отобрать из простого народа самых кра-

*Лыхны.
Дворец
абхазских владетелей.
Фрагмент*

сивых юношу и девушку. Дали им еды на неделю. А потом князь приказал замуровать их в дворцовую стену, ибо только так, по словам старца, можно было сделать дворец неприступным. Замуровали обоих и возвели новый дворец. И никто из врагов не мог его взять. До сих пор стонут стены старинного дворца...»

Храм и дворец расположены на краю огромной поляны. Руины дворца и поляна перед ними, известная под названием «Лыхнашта», являются замечательными свидетелями революционного прошлого Абхазии. Перед дворцом владетеля многократно собирались вооруженные крестьянские массы. Ареной наиболее значительного народного восстания абхазов площадь стала в 1866 году. Семь тысяч человек собрались сюда, возмущенные кабальными условиями крестьянской реформы 1861 года. Разногласия с представителями царской администрации привели к восстанию и убийству генерала Коньяра, многих чиновников и военных, пытавшихся скрыться во дворце.

С тех пор дворец был заброшен и постепенно разрушался.

От Лыхны шоссе идет в сторону старинного абхазского села Дурипш. Главная достопримечательность его не памятники прошлого, а его настоящее: на многие километры протянулись чайные плантации колхоза-миллионера, его богатство и гордость. «Дурипш» — первая сельскохозяйственная артель Гудаутского района, созданная более сорока лет назад. Из маленького, маломощного хозяйства она превратилась в богатый колхоз. Здесь есть не только своя школа, Дворец культуры, музей, но даже своя колхозная электростанция и заводы: для нужд строительства в Дурипше производят кирпич и черепицу.

Заглянем в некоторые дворы Дурипша, население которого, как и в других абхазских селах, отличается исключительным гостеприимством.

Одна из основных черт абхазской деревни — хаотичная разбросанность отдельных усадеб на значительной территории. Вот как выглядела такая деревня в прошлом столетии: «Шалаш, куда вошли мы, был только началом абхазского поселка... За полверсты стояла другая лачуга; от нее, сажень за полтора, — третья; четвертая в сторону забилась; пятая забралась на верхушку холма и закуталась там от постороннего взгляда в зеленое облако дубовой рощи... Всего хижин двадцать, а разбросались верст на семь. Абхазец выбирает себе жилье по душе, мало думая о необходимости скучиваться».

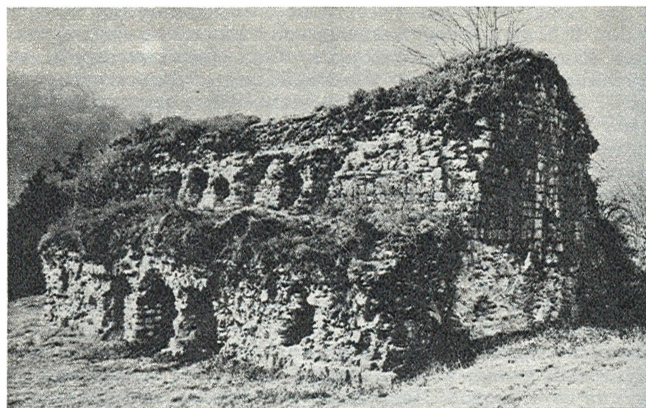
После этого особенно бросаются в глаза те изменения, которые произошли в устройстве крестьянских усадеб в течение последних двух-трех десятилетий. Село по-прежнему сильно разбросано, но у него есть уже свой организованный центр — школа, административные здания, магазины... Важную роль в формировании современного абхазского села играют автомагистрали, вдоль которых постепенно сосредоточиваются крестьянские усадьбы. Это приводит к более рациональному использованию площади. Двор с тенистыми деревьями перед домом, отличавшийся прежде большими размерами, в последнее время сильно сократился за счет виноградников, садов, огородов. Сократился, но не исчез. У Константина Симонова есть такие строки: «Я вижу абхазские и мингрельские деревенские дома, чем-то похожие на свайные постройки... А перед домами от самых ворот до самых дверей в дом — ровные, как стол, курчавящиеся короткой травкой, чистые полянки — такие, словно хозяева хотят сказать гостям: входите, и пусть ничто не мешает вам открыть двери нашего дома!»

Не увидишь теперь в Дурипше жилых строений старого типа. У большинства местных колхозников во дворе стоят два капитальных, кирпичных или каменных, дома, по традиции называемых «большой дом», или «гостиная» (абх. «асасаирта»), и «кухня», или «место обслуживания» (абх. «амацурта»). Современный абхазский «большой дом» — строение почти городского типа. Оно занимает площадь в 100—120 квадратных метров, на второй этаж ведет монументальная каменная лестница. На верхнем этаже — сравнительно просторный зал и две-три и более комнат.

В зале — обычно большой камин из кирпича или камня, украшенный каким-нибудь барельефом или орнаментом. Сюда ведут гостей, здесь их угощают и здесь же укладывают спать. Первый этаж обычно используется в качестве подвального помещения, тут размещаются продуктовый склад, винный погреб и т. д., но может быть и кухня со столовой. Последние, как правило, располагаются в соединенном с «большим домом» крытой галереей здании. Оно одноэтажное, очень длинное, с балконом по фасаду. Здесь в основном протекает жизнь крестьянской семьи.

Вблизи массивного здания Дурипшгэс сливаются две реки — Хипста и Эгры. На высоком скалистом мысу между ними хорошо видны стены Дурипшской крепости, возведенные в XIV—XV веках. Высокая воротная башня со вмурованным в пол второго этажа большим кувшином для хранения воды, две поперечные стены и крошечное помещение в конце, в котором, как рассказывают местные жители, когда-то содержали преступников, — все, что сегодня может здесь осмотреть путешественник.

Оставим живописное ущелье бурной Хипсты и вернемся на Новороссийско-Батумское шоссе. Километрах в десяти от Гудауты, в сторону моря, по направлению к Бомборскому мысу отходит проселочная дорога. Она ведет к интересному раннесредневековому памятнику — однозальному храму Айлага-абыку (абх. «Путающая вышка»). Его стены сохранились почти на полную высоту, апсида снаружи пятигранная. В углах, прилегающих к западной стене, высоко вверху вмурованы кувшины-голосники, улучшавшие звучание песнопений. На некоторых кусках плохо сохранившейся штукатурки можно заметить следы фресок. У южного дверного проема на стене высечено на камне изображение креста. С запада к храму примыкают фундаменты небольшого притвора, с юга — продолговатый зал, в восточной части имеющий небольшое алтарное

*Храм Айлага-абыку.
VIII—X вв.*

полукружие. Еще южнее возвышается большая платформа, сложенная из камня, на которой выступают фундаменты небольшого поминального храма, а в толще ее скрыты склепы. Северо-западнее, в зарослях ежевики, видны развалины большого прямоугольного здания, разделенного на несколько помещений перегородками. Вход в него вел через небольшое башнеобразное сооружение. Здесь найдены фрагменты глиняной посуды VIII—X веков.

Ф. Дюбуа де Монпере, осмотревший эти руины в 1833 году, в своих записях отмечал: «Маленькая церковь, красиво сооруженная... стоит на скале конгломерата вздымающейся на восемь футов над уровнем моря; волны морские временами разбиваются об отвесные скалы. Землетрясение, которое всколыхнуло Бомбор 28 июля 1833 года в восемь с половиной часов вечера и отразилось на транспортном судне, одновременно раскололо также и камни монастыря Иолагу».

*Мюссерский храм.
X—XI вв. Интерьер.
Фрагмент*

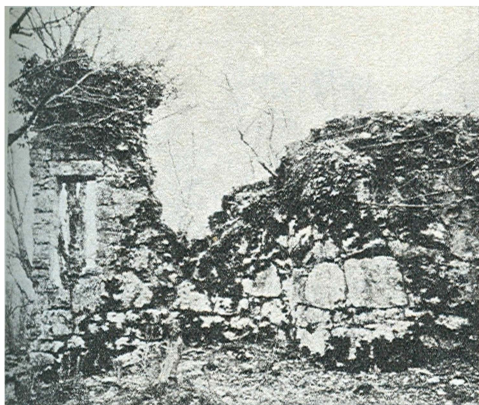
В XIV веке вблизи храма располагалась генуэзская фактория Каво-ди-Буксо («Самшитовая гавань»), а в 30-х годах XIX столетия здесь была построена русская крепость Бомбора, в которой служили многие ссыльные декабристы, среди них В. С. Норов и С. И. Кривцов. 26 декабря 1905 года на пустынном, заросшем кустарниками и лесом берегу группа большевиков под руководством Серго Орджоникидзе выгрузила оружие, привезенное морем. Оружием этим, однако, они воспользоваться не успели: отряд жандармов окружил смельчаков, которые затем были заключены в Сухумскую крепость. Теперь на месте выгрузки оружия стоит памятник.

Мюссерский храм — один из наиболее значительных культовых памятников Абхазии X—XI веков. Дорога к нему ведет вдоль знаменитых пляжей курорта «Золотой берег», затем уходит в сложное «переплетение» холмов, гребней и ущелий Мюссерского заповедника. Дубовый, грабовый и каштановый лес, самшитовые перелески, за-

росли боярышника, кизила, орешника, обвитых лианами и колючей сасаперилью, окружают шоссе. В центре обширной поляны высятся каменные стены, обросшие плющом и кустарниками. Особенно выразителен южный фасад храма, оформленный тремя арками, с колоннами внизу и с шестью большими окнами над ними. Пол центрального зала порос зеленой травой и бурьяном, кровля давно рухнула, а через окна внутрь свисают ветви деревьев. Каменные своды хорошо сохранились в алтаре большого зала и в боковых приделах. С высоты хоров, куда когда-то вела каменная лестница, внутреннее пространство храма кажется особенно значительным. Храм огромен, массивен, тяжел, даже немного неуклюж, и после стройных масс собора Лыхны в нем особенно чувствуется уже иное время, иная культура...

Новороссийско-Батумское шоссе уходит в сторону гор, оставляя слева Мюссерскую возвышенность, пересекает Хипсту и углубляется в долину реки Мчишта. Справа над дорогой появляется крутобокий холм, увенчанный огромной липой, в тени которой видна древняя стена с аркой входа. Это развалины раннесредневекового однозального Мугудзырхвского храма, о котором, как ни странно, до сих пор в литературе упоминаний не было. Бывает так — все ущелья обследованы, лесные чащи пройдены, а здесь на большой дороге стоит себе памятник, и никто его не видит. Поднимемся на холм. На северной стене храма, облицованной тесаным известняком, — пилястры, на которых когда-то покоились арки, державшие свод. Хуже сохранились алтарная часть с выступающим полукружием, южная стена и примыкающий к ней придел. Вокруг разбросаны многочисленные обломки черепицы, некогда покрывавшей здание. Рядом, у края обрыва, когда-то стояло большое прямоугольное каменное сооружение, совсем недавно снесенное. Отсюда можно долго любоваться зелеными холмистыми предгорьями, уходящими в сторону заснеженных вершин Бзыбского хребта, видны отсюда и истоки Мчишты.

В средней части этой скалы хорошо видны стены крупнейшего в Абхазии скального замка. Еле заметная тропа от реки, с шумом вырывающейся из узкой пещеры, через лес по очень крутому известняковому склону выводит к основанию замка. Слегка наклонная плоскость стены, сложенной из грубо обработанных обломков на прочном растворе, имеет в четырех метрах от основания вход, куда попадали по приставной деревянной или навесной веревочной лестнице. Ширина внутреннего помещения не

*Калдахварская крепость.
VIII—X вв.
Ворота.*

превышает 2—3 метров, высота же его более 15 метров. В верхней части уцелело сводчатое перекрытие.

В стене несколькими ярусами соответственно этажам расположены окна и бойницы. Хорошо сохранившиеся дубовые бревна от дверных и оконных коробок говорят о сравнительно позднем (XVI—XVII вв.) происхождении замка.

Ущелье Бзыби встречает путника мощными ветрами, дующими из горных долин в сторону моря. У выхода реки из известняковых теснин на простор приморской низменности больше тысячи лет назад были построены две крепости, известные теперь под названиями Калдахварской и Бзыбской. Первая расположена на краю левого обрывистого берега реки и сплошь заросла вековым лесом. Тенистая тропа через заросли приводит к стене с четырьмя мощными полукруглыми башнеобразными выступами. Их панцирь выложен из огромных известняковых плит, достигающих 1—1,5 метра в поперечнике. Меж-

*Бзыбский храм.
X в.*

ду выступами видны древние проломы — следы какого-то сражения. Хорошо сохранившийся в левой части фасада проем входных дверей расположен высоко над землей. Часть стен, окружавших обширный крепостной двор, обрушилась к реке Бзыбь. На случай длительной осады крепость была снабжена водопроводом, доставляющим воду из источника, который находится в 150 метрах восточнее.

Отсюда сквозь просветы в ветвях деревьев хорошо видна белокаменная Бзыбская крепость с храмом на противоположном берегу реки. Она состоит из двух частей, разделенных стенами. Через нижний двор проходила в древности дорога от брода через Бзыбь. Панцири стен крепости сложены из тщательно обработанных известняковых блоков и укреплены четырехугольными и полукруглыми башнями и контрфорсами. Восточные ворота были укреплены двумя башнями.

Величественны руины Бзыбского крестовокупольного трехапсидного храма X века, сохранившего все свои

стены на полную высоту, но утратившего свод и купол. Любопытны и впечатляющи детали этого храма: темные плиты облицовки, украшенные резьбой над окнами, три пятигранных снаружи полукружия апсид, базы мощных колонн, поддерживавших купол, обломки кирпичных арок, многочисленные плиты, частью с орнаментами. Восточнее в зарослях угадываются фундаменты еще одного более древнего храма, алтарная часть которого обрушилась когда-то вместе со скалой.

В народе бытует старинная легенда об этих крепостях. Рассказывают, что некогда обитатели их договорились жить в мире и дружбе. Они решили соблюдать одинаковый распорядок дня: в одно и то же время в обеих крепостях совершать трапезы, становиться на молитвы, выходить на полевые работы. Условились, что сигналом для начала тех или иных занятий будет подергивание виноградной лозы, переброшенной через Бзыбь. Мирно текли годы дружного труда. Но враги, завидовавшие спокойной жизни соседей, решили поссорить их. Они стали дергать лозу в неурочное время, давая неправильно сигналы. Между жителями крепостей возникало взаимное недоверие, затем раздоры и, наконец, война, опустошившая крепости.

Во время первой мировой войны (1914—1916) началось строительство Черноморской железной дороги между Туапсе и Ново-Сенаки (теперь город Цхакая). Полотно должно было пройти через нижний двор Бзыбской крепости. Однако дорогу построить не успели, а памятником благим намерениям прошлого служат сложенные из речного булыжника 30-метровые устои моста, торчащие над рекой.

В восьми километрах отсюда, вверх по Рицинскому шоссе, на левом берегу Бзыби, на холме, хорошо видны древние стены и возвышающаяся над ними башня. Эти руины известны под именем Хасанта-абаа (абх. «развалины Хасана»). Крепость образована многоугольной в плане стеной. Башня, примыкавшая к стене, имела два этажа. Первый этаж заполнен бутом, во второй попадали через узкую дверь по приставной лестнице. Второй этаж был перекрыт деревянным потолком, который одновременно служил полом для дозорной площадки, венчавшей башню. Судя по форме керамических обломков, разбросанных по склонам холма, крепость была построена в IX—X веках. От этого места начинается трудная тропа, ведущая к высокогорным пастбищам, которыми широко пользовались в тот период.

Теперь наш путь лежит в Пицунду, древний и славный своими памятниками город. По пути осмотрим ранне-средневековые храмы, расположенные в селе Алахадзы. Малая церковь была известна еще в XIX столетии, большая же базилика раскопана в 1970—1971 годах. По преданию обе эти постройки были посвящены святой Софии. От большой церкви хорошо сохранились фрагменты южной и западной стен, сложенные чередующимися рядами известняковых блоков, кирпичных четырехслойных поясов и песчаниковых плит. Оригинальны большие кирпичные ящики, заполненные раствором и вставленные в кладку стены. Подобный строительный материал характерен лишь для территории Бзыбской Абхазии. Алтарная часть храма отличалась большими размерами, зал был разделен на три нефа двумя рядами прямоугольных столбов. Северо-западнее выглядывают из зарослей руины малой трехапсидной и, вероятно, крестовокупольной церкви: остатки стен, имеющих с востока три полукруглых выступа, а в своей толще керамические ящики. Вблизи — огромное скопление керамических шлаков, обломков черепицы, кирпича, разнообразных сосудов.

«Великий Питиунт» впервые упоминает географ Страбон на рубеже н. э. Затем римский историк Плиний Секунд, погибший при извержении Везувия в 79 году н. э., сообщал, что «богатейший город Питиунт разграблен гениохами». Документированная история Пицунды начинается во второй половине II века н. э., когда римляне построили здесь кастеллу — прямоугольную крепость с башнями по углам и у ворот. Ворота имели закругленный массивный фасад и прямоугольное внутреннее помещение, что было характерно и для воротных башен самого города Рима того времени. Внутри кастеллы раскопаны фундаменты большого каменного здания — претория, свидетельствующего наряду с другими данными о том, что в Питиунте тогда размещалось центральное командование целой группы гарнизонов, находившихся в северной Колхиде.

Интересные сведения о событиях у стен Питиунта в середине III века н. э. содержатся в «Новой истории» автора V века Зосима, рассказывающего о том, что после предоставления правителями Боспора готам кораблей для набегов на черноморские берега «варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Сукессиян, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы (то есть готы. — Ю. В.), опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений,

узнав об этом и соединившись с питиунским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих. Жители Понта, спасенные... искусными действиями Сукессиана, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не осмелятся переправиться. Но когда Валериан отозвал Сукессиана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в Азию. Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фасиса, где, как говорят, было построено святилище фасианской Артемиды во дворце Ээта. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт; без малейшего затруднения взяв укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше».

Это нашествие, однако, не привело к запустению Пицунды. В начале IV века здесь стояли уже не только полностью восстановленные и укрепленные дополнительными башнями стены кастеллы, но появилась и канаба — обширная, окруженная стенами и башнями территория, где располагалось поселение отставных легионеров и их семей. В таком восстановленном виде Питиунт сохранился до наших дней.

В непроглядных зарослях теперь прячутся мощные сегментообразные, прямоугольные и шестиугольные в плане башни, древние стены, облицованные плитняком с четырехслойными поясами кирпичной кладки, различные другие постройки, среди которых зернохранилища, бани, жилые и подсобные помещения.

В юго-западной части канабы вскоре после возведения ее стен римляне построили древнейший из известных на территории Восточного Причерноморья христианский храм-базилику. Он представлял собой прямоугольное сооружение с большой семигранной снаружи и изнутри апсидой. Особенностью храма был обход у апсиды, выделенный колоннами и характерный для поминальных римских храмов, посвященных апостолам и мученикам. Именно в этом храме, по-видимому, служил епископ Стратофил принимавший участие в Никейском соборе 325 года н. э.

В конце V — начале VI века пол этого храма был украшен богатейшей мозаикой, состоявшей из геометрических орнаментов и сюжетных композиций. Из последних наиболее типична для позднеимперских мозаик по своему оформлению монограмма Христа с альфой и омегой, пере-

*Мозаика
древнего Питуунта.
Vв.*

дающая известную формулу из Апокалипсиса: «Я есть альфа и омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой» — и заключенная в круглый медальон, который вписан в трапецию с изображением птиц и растений по углам. Трапеция оформлена листьями аканфа, между которыми расположена поврежденная временем греческая надпись: «В моленье за Оре... и весь его дом». Размер разрушенного пространства в конце имени, допускающий разместить здесь две-три буквы, позволяет предполагать, что в надписи упоминается известный христианский мученик Ориентий. Сохранилась легенда о нем. В правление императоров Диоклетиана и Максимиана в конце III — самом начале IV века в борьбе с персами принимали участие семь братьев-христиан, среди которых был Ориентий. Когда военные действия были перенесены во Фракию, Ориентий совершил подвиг — победил в единоборстве вождя вторгшихся туда варваров. Император предложил Ориентию и его братьям в честь победы принести

жертву языческим богам и, получив отказ, сослал их сначала в Армению, где их подвергли зверским пыткам, а затем через Трапезунд в Абхазию — в Питиунт. На корабле братья один за другим погибли. Орентию привязали на шею камень и бросили в море, откуда его уже мертвого вынесли на берег ангелы. Последнего брата, Лонгина, похоронили в Питиунте.

Рядом с надписью среди тех же листьев аканфа сохранилось изображение коровы с телятком, олицетворяющих «семью» христиан, то есть весь христианский мир. Восточнее располагалась композиция, изображающая фонтан живой воды, символизирующий христианское учение, а по его сторонам — фигуры оленя и лани с олененком, также олицетворяющие собой «жаждущих христиан» и иллюстрирующие следующие слова 41 псалма: «Как лань охотно стремится к источникам вод, так душа моя стремится к тебе, боже». Пространство между оленями и фонтаном заполнено птицами и ветвями растений. Западнее изображена финиковая пальма с плодами, которую с обеих сторон окружают животные, — здесь уцелели голова лани и птицы. В северной части мозаики изобилуют фигуративные изображения — ягненок, ваза, птицы, растения и т. д., в южной же преобладают геометрические узоры — мотив «пересекающихся кругов», широкие переплетающиеся полосы, образующие сетку, в ячейки которых в шахматном порядке помещены круги и квадраты, узор из переплетающихся ромбов со скрещивающимися изображениями рыб с птицами и т. д. Очень интересно цветное решение различных фрагментов Пицундской мозаики: монограмма Христа с альфой и омегой — ярко-красная, а ее контур — черный, фон медальона и трапеции — белый, аканфового бордюра — черный, а изображения в нем составлены из белых, красных и коричневых кубиков смальты различных оттенков; фигуры больших оленей переданы объемно — освещенные части их тел составлены из белых кубиков, затененные — из красных. Даже контурные линии здесь передают степень рельефности — массивные части тел оконтурены черными кубиками, тонкие же голени — красными. Мелкие животные переданы одним цветом, а пальма исполнена черными и красными кубиками на белом фоне. Ныне эта мозаика экспонируется в Музее искусств в Тбилиси.

В 542 году персы вторглись в Восточное Причерноморье — началась 13-летняя персо-византийская война. В том же году, согласно сообщению византийского историка VI века Прокопия Кесарийского, византийцы, зани-

мавшие Питиунт, «сожгли дома, до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоположный материк, ушли в город Трапезунд. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру». Весьма вероятно, что древнейший Питиунтский храм был разрушен персами именно во время этого похода. Во всяком случае, когда десятилетие спустя византийцы вновь заняли Питиунт, им пришлось на том же месте строить храм заново.

Новая базилика была разделена на три нефа прямоугольными столбами, имела с востока выступающую пятигранную апсиду, а с запада — нартекс. Сочетание пятигранной апсиды с прямоугольными столбами центрального пространства делает вторую базилику Питиунта уникальной, поскольку в других областях христианского мира применялись не столбы, а колонны. Сравнительно тонкие стены указывают на то, что храм имел деревянное стропильное перекрытие.

У нас нет прямых сведений об истории Питиунта в последующие века. Но в его башнях заметны культурные наслоения второй половины VI—VII веков, а в середине VIII века сюда абхазским князем Константином было послано какое-то письмо: на городище найдена подвесная печать с его именем, написанным греческими буквами.

К этому же периоду (вторая половина VI—IX вв.) могут быть отнесены и два других интереснейших архитектурных памятника Пицунды, находящиеся уже за пределами крепостных стен.

В пятистах метрах севернее городища, в зарослях, скрываются руины уникальной двухзальной церкви с двумя шестигранными снаружи апсидами. Каменный свод храма, ныне обрушившийся, держался прежде на арках, опиравшихся на центральный столб и пилястры, выступавшие из стен. В христианском мире известны еще только две такие «двойные» церкви. Обе они находятся в Малой Азии и датируются временем от второй половины VI до XI века.

Вблизи городища за зелеными остроконечными вершинами кипарисов белеют гладкие светлые стены и купол Пицундского собора — крупнейшего раннесредневекового храма Абхазии. Он относится к типу крестовокупольных, трехнефных и трехапсидных храмов, а размеры его в пла-

не составляют $43,3 \times 22,7$ метра. Возведен он из камня и кирпича, причем в распределении этих материалов наблюдается определенный порядок. Стены храма внизу от цоколя сложены исключительно каменными блоками, затем кладка приобретает смешанный характер: ряды камня перемежаются с кирпичными прослойками. Чем выше, тем каменные прослойки тоньше, а кирпичные толще. Верхняя часть стен, барабан и покоящийся на нем купол, внутренние опоры — столбы сложены полностью из кирпича неодинакового размера, в арках он тоньше, в несущих частях (устои, стены) — гораздо толще, почти брусвидный. В верхних частях южной и западной стен видны декоративные вставки поперечных кирпичей — в одних рядах одиночных, в других парных. На центральной алтарной апсиде снаружи между окнами выложены толстым кирпичом кресты. Лишь северная стена снаружи совершенно лишена декоративных элементов. На западной стене на уровне хор видны следы заложенной в древности

*Пицундский собор
в 30-х годах XIX в.
Рисунок из альбома
Ф. Дюбуа де Монпере
→*

двери, через которую проходили женщины, допускавшиеся к богослужению только через хоры. Позднее ведущая на хоры наружная лестница была разобрана, а внутри возведена другая. Храм полон воздуха и света, его гладкие стены покрыты штукатуркой, некогда украшенной фресками, от которых теперь сохранился лишь пояс медальонов в алтаре, и каждый вошедший сюда сразу ощущает, что храм этот создан для праздничных, торжественных богослужений.

В XVI веке в западном помещении была построена усыпальница, стены и потолок которой были богато расписаны, вероятно, мастерами из Старого Афона. Среди сюжетов росписи особенно интересны сцены «Несения креста», «Распятия» и «Плача». О том, что Пицундский собор был обновлен во второй половине XVI века, а вокруг него были возведены какие-то оборонительные сооружения, говорит сохранившаяся здесь греческая надпись: «Помяни, господи, раба своего Пароскева Зографа [«жи-

*Пицунда.
Пицундский собор.
VI—X вв.*

*Пицунда.
Пицундский собор.
Роспись купола*

вописца»], который создал это святилище и сей турлеон [«башню»] во время владычества тирана и католикоса Евдемона. Ты, господи, ведаешь все и исполни их милостью своею». В результате междоусобиц и угрозы нападения со стороны турок в XVII веке резиденция абхазских католикосов, до этого размещавшаяся в Пицунде, переместилась в Гелати. Собор был заброшен. Но он продолжал привлекать к себе как местное население, которое приходило к его стенам давать клятвы, так и чужеземцев. Здесь делали остановку запорожские казаки, ходившие набегами на Турцию.

В 1833 году храм посетил Ф. Дюбуа де Монпере, оставивший в своем дневнике следующую восторженную запись: «Вот я перед лицом одной из самых живописных руин, какие я только когда-либо знал. Мне говорили об этом здании с восхищением, но впечатление, которое оно производит, превзошло все мои ожидания — этот стиль, благородный и смелый, изумляет среди дикой природы

*Пицунда.
Пицундский собор.
Роспись усыпальницы.
XVI в. Фрагмент.*

Абхазии». После этого собор многократно привлекал к себе внимание исследователей. Однако пока точно время его постройки не определено. Одни авторы датируют его VI веком, другие — XI—XII веками. Конструктивные особенности храма объединяют его с группой раннесредневековых церквей Абхазии (Лыхны, Симона Кананита и др.), что, по нашему мнению, позволяет относить этот памятник к VIII—IX векам.

В 1960—1972 годах в помещении храма функционировал музей-выставка Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры, перенесенный позднее в стоящее рядом монастырское здание, построенное в 1913 году. В настоящее время в храме после проведения реставрационных работ разместился концертный зал; здесь установлен орган, созданный потсдамской органной фирмой «Александр Шукке» — народным предприятием ГДР. В пицундском органе около четырех тысяч трубок, пятьдесят один регистр и три клавира. И звучат теперь

над древними сводами храма торжественные фуги Баха, привлекая сюда многочисленных любителей классической музыки.

Местные жители рассказывают о храме такую легенду: «Прекрасен и величествен этот храм. Едва ли найдется ему подобный по прочности и красоте... Пospорили когда-то зодчий храма и мастер, строивший водопровод на мысе, кто скорее выполнит свою работу. Проигравший должен был лишиться себя жизни — броситься с крыши храма. Быстро поднимались стены храма. Но водопровод прокладывался еще быстрее, и когда встретился зодчий со своим соперником, тот показал ему водопровод, который уже был закончен. Пришлось, согласно уговору, подняться зодчему на недостроенный купол храма; бросился он оттуда вниз на камни и разбился насмерть, а на куполе осталась отметина — след его ног, углубление в растворе, которым скрепляли камень. Достроил Пицундский храм молодой его преемник. И если вы внимательно взгляните, то заметите, где кончил строить старый зодчий и где продолжил молодой». Водопровод давно бездействует, и лишь небольшая часовенка, которую предание связывает с этим сооружением, продолжает стоять внутри церковной ограды. А Пицундский собор стоит и поныне во всем своем величии, к нему стекаются толпы народа, добром поминая безвестного зодчего.

Возможно, именно в XVI веке вокруг Пицундского храма была возведена мощная оборонительная стена. Материал, из которого она сложена, позволяет думать, что строители стены использовали в качестве каменоломни римскую крепость, стоявшую рядом. Об этом пишет и графиня П. С. Уварова: «В ограде найдете... булыжники, и глыбы тесаного конгломерата, и греческую черепицу, и кирпич, и обломки мрамора. Может быть, из тех же развалин происходят три мраморные зеленоватые колонны, приделанные к звоннице, две пестрые, более драгоценные мраморные колонны, которые находим в дверях водопроводной часовенки, и та ионическая капитель из белого мрамора, которую нам удалось разыскать в куче обломков, лежащих во дворе». Она упоминает об интересной легенде, связанной с этой стеной. Послушайте, что рассказывают здешние старики: «Посмотрите на ограду Пицундского храма. Она сложена будто второпях, будто ее строителям отпущено было времени в обрез, возвели они стену в считанные дни... А так и было. Нахлынули тогда на землю Абхазии завоеватели-иноверцы, все круша на своем пути... Храму на Пицунде грозило разорение, ибо

не был защищен храм ничем, кроме патриаршего благословения. Тогда обратился патриарх ко всему народу, призвал спасти великую святыню в Пицунде. И прислушался народ к его голосу. Тысячи и тысячи собрались тогда у здания храма. Только стена высотой в пятьдесят локтей может спасти храм. Но неприятель уже близко. «Торопитесь! Пусть каждый положит вокруг храма один камень — и будет в стене десять тысяч камней. Пусть каждый положит по пять камней — и не взять врагу святыни!» — провозгласил патриарх, и закипела работа. С гор понесли люди к храму громадные валуны, камни из разрушенных городов везли издалека люди на повозках и несли на руках. Когда народ принялся возводить стену, едва вставало солнце. А в лучах заходящего солнца все увидели стену, воздвигнутую собственными руками...

...И когда подошел враг к Пицунде, он был изумлен, ибо только утром еще доносили лазутчики, что беззащитен храм. А сейчас громадная стена окружала святыню, и была она неприступна...»

В 1830 году русский военный гарнизон, обосновавшись в Пицунде, укрепил древние стены, пристроив в углах обширные бастионы.

Современная Пицунда — это благоустроенный курорт. Здесь в окружении тридцати тысяч реликтовых сосен и вечнозеленого самшита — «абхазской пальмы» — на самом берегу Черного моря выросли семь 14—15-этажных гостиниц-пансионатов, принимающих одновременно около трех тысяч человек. Рядом выстроены первоклассные столовые, рестораны, административно-торговый центр, летний кинотеатр на тысячу мест, автомобильная стоянка на триста автомашин, плавательные бассейны с подогревом воды. Здания окружены бетонными дорожками, клумбами, зелеными лужайками, украшенными скульптурами. Здесь и монументальная фигура легендарной колхидянки Медеи с детьми и замечательный цебельдинский рельеф VIII века.

Менее часа необходимо теперь путешественнику, чтобы из Пицунды попасть в Гагру — «Железные ворота» средневековья, замечательный курорт сегодняшнего дня.

Древнейший архитектурный памятник Гагры — укрепление, расположенное у устья реки Жозквары. В IV—V веках здесь на самом берегу моря у подножия горы римлянами была возведена прямоугольная в плане крепость-кастелла. Характерная кладка этого времени из крупных квадратов хорошо видна и теперь в восточной стене крепости, где также сохранились древние крепостные

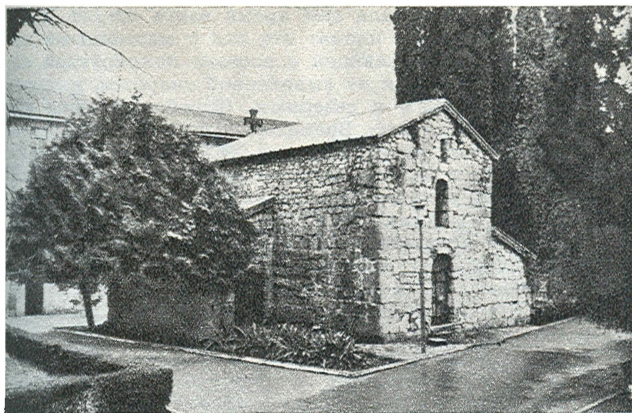

Пицунда

ворота с каменной аркой. В XI веке часть крепостных стен была разобрана, а камень, возможно, был использован при сооружении храма. Название «Гагра» впервые встречается на карте, составленной итальянцем Пиетро Весконтe в 1308 году. Размещенная здесь генуэзская фактория была известна в XIV—XV веках под именем «Какара», или «Хакари». В 1830 году крепость была восстановлена и основательно перестроена высадившимся здесь русским военным отрядом. И теперь еще хорошо видны мощные бастионы, пушечные и ружейные бойницы в стенах.

Гагра в те времена была далеко не таким благодатным местом, каким она стала в текущем столетии. Служивший в Гагре известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский так описывал эти места: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим и, к довершению удовольствий, ручей пересы-

Пицунда.
Роща реликтовой сосны

←

Гагра.
Гагрский храм. X—XI вв.

хает и обращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех сторон в окошки, где лихорадка свирепствует до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона... Там стоит Пятый Черноморский батальон, который не иначе может сообщаться с другими местами, как морем и, не имея пяди земли для выгонов, круглый год питается гнилою солониною. Одним словом, имя Гагры... однозначше со смертным приговором...»

Особый интерес представляет Гагрский храм, расположенный в центре крепости. Стены его сложены из крупных блоков известняка, достигающих 1,5 метра в поперечнике. Две такие громадные плиты, поставленные вертикально, образуют своими гранями углы в западной стене церкви. Блоки в облицовке подогнаны не очень тщательно, сложены без соблюдения рядов. Фактура блоков перекликается с квадратами, из которых сложен древнейший слой крепостных стен: не исключено, что часть

строительного материала для храма взята отсюда. Храм отличается простотой плана: это зал с массивными пилястрами и с примыкающей с востока полукруглой алтарной апсидой, никак не выделенной снаружи, и двумя приделами — южным и северным. Коробовый свод восстановлен в начале века. Временем сооружения храма чаще всего с легкой руки краеведов XIX столетия считают VI век. Однако в его конструкции отсутствуют черты, характерные для раннесредневековой храмовой архитектуры Абхазии, представленной Пицундским, Лыхненским, Бзыбским, Мсыгхвинским и другими храмами. Прямоугольные очертания наружного плана восточной части и другие особенности позволяют отнести Гагрскую церковь к памятникам грузинского храмового зодчества не ранее конца X—XI века.

К входу в храм ведет дорожка из больших, отшлифованных до блеска тысячами ног известняковых плит, обсаженная высокими кипарисами, которые образуют тени-

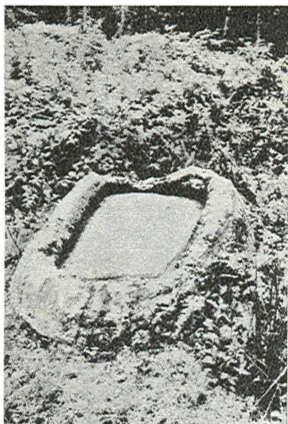
Гантиадская базилика.

VI в.

стую аллею. Внутри, в полутьме, голые стены из плит с грубо, неровно обработанной поверхностью производят суровое, даже какое-то дикое впечатление. Мощь и простота. Массивные столбы и арка алтарной преграды, лаконично украшенная в своей вершине рельефным крестом, низкие широкие дверные проемы, словно напоминающие о том, что здесь молились, совершали обряды суровые молчаливые люди. Сейчас здесь музей абхазского оружия. В витринах выставлены кремневые рубила и наконечники дротиков, бронзовые топоры, кинжалы и боевые браслеты, античные шлемы, щиты, наконечники копий, мечи, топоры, средневековые кольчуги, шлемы, сабли...

От Гагры Черноморское шоссе приводит к поселку Гантиади, расположенному у устья горной реки Хашупсе. В самом поселке и в его окрестностях немало интересных крепостей, храмов, дольменов. Один из наиболее ярких раннехристианских памятников Абхазии — Цандрипшская, или Гантиадская, базилика, стоящая на самом бере-

*Корытообразный дольмен
в окрестностях Гантиади*

гу моря в зарослях акации. Хорошо сохранилась центральная апсида с полусводом (конхой), южная стена с примыкающим к ней продольным помещением, западная стена с входом и окном над ним. Первоначально церковь имела деревянное перекрытие, которое было затем заменено каменными сводами, для чего в центральном зале у стен были возведены дополнительные прямоугольные столбы. Памятник является древнейшим известным образцом сочетания центральной пятигранной снаружи апсиды с полукруглыми боковыми апсидами. Однако его главной особенностью является расширение во внешние стороны боковых помещений восточной предалтарной части (трансепт), что находит ближайшую аналогию в кафедральной церкви, построенной по распоряжению императора Юстиниана I в середине VI века на его родине в Царицином Граде (Юстиниана Прима, в нынешней Югославии). В литературе укрепилось мнение, что именно в этой базилике следует видеть храм, который, согласно ви-

зантийским источникам VI века, был построен Юстинианом для абазгов. Нужно, однако, отметить, что Гантиади не был столичным городом и располагался на окраине древней Абазгии, основная территория которой в VI веке располагалась между Новым Афоном и Гагрой. Храм был построен на самом берегу моря, на площади приморской, по-видимому, византийской крепости, основательно разрушенной в последние десятилетия.

Заглянем в глубь живописного ущелья реки Хашупсе. Здесь в семи километрах от побережья высится гора, на вершине которой находятся руины одной из крупнейших крепостей раннесредневековой Абхазии. Это — Хашупская крепость. Ее территория делится на два яруса. Верхняя крепость представляет собой замкнутый овал стен, возведенных из плитняка с соблюдением рядов в наружном панцире кладки. Массивные ступени каменной лестницы вводят в широкий проем ворот. Справа видно углубление в скале, служившее, вероятно, цистерной для сбора дождевой воды, за ним просматривается регулярная кладка дозорной башни. Влево уходит лес, в котором скрыты древние фундаменты. На краю обрыва расположены руины большой трехапсидной базилики, со стен которой открывается замечательная панорама высокогорий Гагрского хребта с пихтовыми лесами, альпийскими лугами, с пластами снега на них.

Юго-западнее нагорной крепости, на склоне горы находилось городище. Поскольку гора недоступна со всех сторон, кроме восточной, здесь была сооружена лишь одна стена, круто спускающаяся вниз. Сквозь лесную чащу и заросли колючек виднеется правильная кладка стен, поражающих своей монументальностью. На 10 метров поднимается их двухметровая толща, укрепленная тремя многоярусными башнями. Наружный край стены когда-то венчался зубцами, за которыми проходила боевая дорожка. На стену вели каменные лестницы.

4. По Юго-Восточной Абхазии

...Развалин замков и храмов рас-
сеяно в том крае... столько, что
потребовалась бы целая книга для
одного их перечисления.

В. И. Черняевский

Эта наша дорога к прекрасному начинается у восточных ворот Сухуми — на берегах горной реки Келасури. Справа — Черное море, слева — зеленые массивы Келасурского и Каштакского лесов по склонам галечниковых холмов, круто спадающих к реке. И тут же на ее левом берегу прямо на пляже высятся обвитые плющом булыжниковые стены огромной башни, от которой отходит стена, перерезанная железной и шоссейной дорогами. Это начало крупнейшего кавказского оборонительного сооружения — Келасурской, или, как ее еще называют, Великой Абхазской стены.

Грандиозные руины стены уже полтора столетия привлекают внимание исследователей. Французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, осмотревший в 1833 году ее приморский участок, решил, что основной причиной появления этого памятника был «воинственный дух» местных племен, который в последние века до н. э. «заставил греков замкнуть свою территорию до самого подножия гор необъятной стеной». По мнению этого автора, стена была обращена на северо-запад, в сторону реки, а длина ее достигала 160 верст. П. С. Уварова, осмотревшая часть стены в 1886 году, не решилась, однако, присоединиться к датировке Дюбуа и, упомянув о предании, которое приписывает стену византийскому императору Юстиниану I, отнесла ее к группе местных памятников XIII—XVII веков. В том же году Абхазию посетил археолог В. И. Сизов, который высказал мнение, что стена направлена фасадом на восток. В 1925 году

сухумский исследователь В. И. Стражев и профессор А. С. Башкиров в результате осмотра отдельных участков стены поставили под сомнение вывод В. П. Сизова об ориентации стены. Две специальные работы посвятил стене М. М. Иващенко, который описал стену от Приморской башни до села Мерхеули, «на глазок» определил длину ее в 160 километров, число башен в восемьсот и, усмотрев сходство названия реки Келасури со словом «Клейсура», которым византийцы называли укрепленные стенами ущелья, датировал ее VI веком. Л. Н. Соловьев, давший наиболее полное описание многих частей стены, выделил в истории ее строительства два этапа: V — VI и X — XII века. Этим исследователем была высказана мысль о двухфронтной функции памятника. Позже эта мысль была развита известным сухумским историком-популяризатором В. П. Пачулия в следующей форме: «Столь гигантское сооружение понадобилось апсилам для обороны. Грозно ощетинивались стены, когда к ним подходили незваные гости. Если кочевники с Северного Кавказа пытались угрожать апсилам, стены закрывали все горные проходы, когда же враг появлялся с моря, жители береговой части уходили в горы. Они увозили с собой скарб, уводили стада. Крики животных, голоса людей нарушали безмолвие гор...» Видный абхазский краевед И. Е. Адзинба относил время сооружения стены к VI веку, число башен в ней определял уже в две тысячи.

В 1966—1971 годах мне пришлось заняться подробным исследованием Келасурской стены. Читателю, думаю, будет интересно познакомиться с основными результатами этих работ, в корне изменивших представления об этом замечательном памятнике.

Как выяснилось, общая длина линии обороны Келасурской стены составляет около ста километров; эта линия прослеживается от устья реки Келасури до села Лекухона (правобережье Ингури). Наиболее укреплен левый берег реки Келасури, где помимо башен и соединяющей их стены были сосредоточены основные гарнизонные укрепления. Большое внимание древние строители уделили и заграждению выходов из ущелий, по которым проходили тропы из долины Кодора. Начиная от реки Моквы число оборонительных сооружений резко сокращалось и практически сходило на нет в районе Ткварчели в 58 километрах от устья Келасури. Далее, до Ингури, на протяжении 40 километров зафиксированы лишь четыре отдельно стоящие башни.

Келасурская стена не являлась сплошной. Ее строители весьма охотно использовали условия местности. Из 58 километров основной линии лишь 25 занимала стена, потребовавшая, впрочем, солидный объем работ — примерно в 180 тысяч кубометров. На участке от устья Келасури до реки Геджир (западнее Ткварчели) разрывы в стене составляют в общей сложности 33 километра. Это главным образом труднодоступная очень живописная горная местность — крутые, обрывистые склоны, зоны оползней и осыпей, узкие тенистые ущелья.

Из 279 башен, выявленных в системе Келасурской стены, 275 приходятся на участок Келасури — Ткварчели. Около сотни башен находится в более или менее удовлетворительном состоянии, остальные почти или полностью разрушены. Большинство башен имеет неглубокий фундамент. Способы их связи с основной стеной различны, но чаще возводились сначала башни, а затем

*Келасурская стена.
Приморская башня.
XVII в.*

←

между ними встраивалась стена. Расстояние между башнями обычно колеблется от 40 до 120 метров. Там же, где сплошная стена отсутствовала по условиям местности, это расстояние доходило до 300, 500, 1000 и более метров. Все башни имеют четырехугольную в плане форму с наружными размерами 7×8 или 8×9 метров, а высота их достигает 4—6 метров. Как и вся стена, башни сооружались из местного материала: крупного булыжника или ломаного известняка, в облицовке, как правило, использовавшегося без обработки. Каждая башня имела вход, обычно расположенный на уровне земли. Двери обрамлялись массивными прямоугольными брусьями и запирались на засов в виде бревна, скользящего в специальных пазах. Ширина таких дверей не более 1,2 метра при высоте до 1,7 метра. Изредка башни имели высокий цоколь и ведущую к дверям узкую каменную лестницу. Именно расположению дверей в башнях необходимо придавать решающее значение при определении фасада и тыла Келасурской стены. Каждому понятно,

что в башни их защитники должны были входить со стороны защищаемого стеной пространства. А это пространство, исходя из ориентации дверей, располагалось восточнее и южнее основной оборонительной линии Келасурских укреплений. Следовательно, врага ждали с северо-запада, со стороны Сухуми и Цебельды.

Внутри башен можно увидеть ниши, углубления и сквозные отверстия в стенах и бойницы. Ниши имеются лишь в первом этаже. Основная группа отверстий (вернее, углублений), расположенных обычно на высоте 2,5—3 метров, образовалась от вставленных в стены консолей-балок, на которых держались сплошные или частичные межэтажные перекрытия. Связь между этажами осуществлялась по приставной деревянной лестнице. Бойницы в башнях расположены во втором этаже, обычно в северной или западной стенах. Все они прямоугольного или квадратного сечения, суживаются наружу и несомненно предназначены для огнестрельного оружия. Около одной из башен найдена каменная ступа для изготовления пороха. Верхний край башенных стен представляет собой заглаженную сверху раствором поверхность. Лишь над бойницами кое-где видны отверстия от круглых в сечении брусьев, на которых в былое время держалось легкое перекрытие, спасавшее стрелков от непогоды.

Стена, соединявшая башни, сохранилась лучше всего у устья Келасури, в районе поселка Чегем, и в ущельях Дуаба и Улыса. Высота ее составляет в среднем четыре метра, толщина у основания — до двух метров, сверху — до метра. В местах пересечения стеной троп, ведущих в глубь гор, в ней делались ворота, по форме мало отличавшиеся от башенных дверей. Другим видом оборонительных сооружений Келасурской стены являются рвы и валы, наиболее заметные следы которых сохранились в районе поселка Чегем. Глубина и ширина рвов здесь и сегодня достигают полутора метров.

В ходе исследований выявлен ряд существенных недостатков в оборонительной системе стены. Часто башни расположены у подножия стратегически выгодных возвышенностей, в других случаях стена проходит в непосредственной близости от крутых склонов и под обрывами, что ставит всю оборону под неприкрытый обстрел сверху. Иногда стена, не считаясь с формами рельефа, идет вверх и вниз по склонам, через поля, создавая впечатление не оборонительной линии, а, скорее, символического ограждения, забора. Отсутствуют укрепления в

ряде легкоуязвимых участков. Сооружение во многих своих частях сработано на скорую руку. В одних башнях забыли сделать бойницы, в других нет следов междуэтажных перекрытий, иногда башни ставились без фундамента прямо на траву или полусожженный кустарник. В стенах прослеживаются пустоты, незаполненные раствором, некоторые участки стены вообще незавершены — успели вырыть только траншею для фундамента.

Большинство исследователей склонно было до последнего времени считать Келасурскую стену постройкой юстиниановской поры. Однако читатель имел уже возможность познакомиться в общих чертах с обликом раннесредневековых укреплений Абхазии на примерах Анакопийской, Калдахварской, Хашупской и ряда других крепостей. Их характеризуют тесаные блоки, выложенные с соблюдением рядов, прочные крупнозернистые растворы, башни, выступающие за линию стен и т. д. В приведенном же описании Келасурской стены явно проступают строительные приемы, черты, характерные для ряда местных памятников типа крепости Рухи, построенной в XVII столетии. И, как оказывается, письменные источники говорят о той же дате.

В самом деле, на что опирались исследователи, рассматривая Келасурскую стену как памятник VI века? Прежде всего, на сведения византийского историка того времени Прокопия Кесарийского, который писал, что узкие горные проходы («Клейсуры») между Иберией (Южная и Восточная Грузия) и Лазикой (Центральная Колхида) укреплялись византийцами с целью не допустить персов в Колхиду. Увлечшись внешним сходством современного наименования реки Келасури с греческим словом «Клейсура», исследователи упустили из виду, что, согласно Прокопию, такие работы византийцами проводились в районе современного Батуми, а не в Абхазии. Клейсура упоминается в связи с походом арабов к Анакопии в VIII веке. Но и в этом источнике грузинской летописи «Картлис цховреба» прямо говорится, что Клейсура служила границей между Грецией (Византией) и Картли (Иберией), то есть находилась в окрестностях Батума. Таким образом, вплоть до XVII столетия ни в одном письменном источнике не сообщается о существовании на территории Абхазии подобных сооружений.

Зато источники XVII века красочно описывают все обстоятельства строительства Келасурской стены. Это в первую очередь данные католического миссионера Арканджело Ламберти, жившего в Колхиде с 1635 по

1653 год, и грузинского историка и географа середины XVIII столетия Вахушти Багратиони. Вот что рассказывают эти авторы.

Около 1615 года абхазские правители, воспользовавшись стесненным положением Мегрельского княжества, политически отделились от Мегрелии. В 1621 году молодой мегрельский князь Леван II Дадзани вступил в брак с дочерью владетельного князя Абхазии. Спустя некоторое время Леван влюбился в жену своего дяди и решил на ней жениться. Обвинив свою жену-абхазку в неверности, он велел отрезать ей нос и уши и изгнал из своего дворца. Понимая, что отец пострадавшей не останется равнодушным, Леван опередил его и вторгся в 1628 году во главе многочисленного войска в пределы Абхазии, владетель которой, не сумев организовать сопротивления, бежал в горы. Опустошив значительную территорию, Леван вернулся домой, заточив дядю в тюрьму, где тот «случайно» скончался, и женился на своей тетке. С этого момента абхазский владетель до конца жизни Левана неустанно организовывал против него заговоры и совершал опустошительные набеги на различные районы Мегрелии. В последний период своего правления (1640—1657) Леван был вынужден перейти к организованной обороне своих владений, выразившейся в возведении и укреплении фортификационных сооружений на границе с Абхазией. Арканджело Ламберти сообщал, что владетели Мегрелии «с весьма большими расходами возвели стену длиною в 60 тысяч шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни, охраняемые значительными отрядами стрелков». На карте другого итальянского миссионера, Кастелли, над выразительным изображением Келасурской стены имеется надпись: «Стена в 60 тысяч шагов, для сдерживания абхазов предназначенная». Вахушти по этому поводу писал: «К востоку от Анакопии от моря до гор Леван Дадзани провел стену большую, дабы абхазцы не могли спуститься в Мегрелию».

Углубимся теперь на территорию, когда-то окруженную Келасурской стеной. Первый по пути поселок городского типа Гульрипш оформился совсем недавно. У шоссе видна небольшая церковь, которая была построена в начале века по проекту Н. Н. Смецкого — замечательного человека, оставившего немало прекрасных парков и зданий на территории Абхазии. Далее, слева от шоссе, как бы обнимая возвышенность, высятся Белый и Красный корпуса Гульрипшского туберкулезного санатория, также построенного Н. И. Смецким. Особенно запоминается

Красный корпус, изогнутая громада которого, украшенная грандиозными колоннами, башнями и шпилями, затейливыми узорами оконных и дверных проемов и балконов, живописно вписалась в нежную зелень парка, покрывающего холм.

Черноморское шоссе выводит к правому берегу крупнейшей абхазской реки Кодор. Здесь, на северной окраине села Дранда, на возвышенном плато, между стройными кипарисами темнеет приземистое здание Драндского собора. Памятник этот относится к крестовокупольным четырехстолпным храмам, имевшим в Византии наибольшее распространение в VI—VII веках. Восточный его фасад оформлен тремя пятигранными снаружи выступами-апсидами, заключающими в себе алтарь и соединенные с ним проходами боковые помещения — диаконник и жертвенник. Последним в западной части храма соответствуют два круглых помещения с глубокими полукруглыми нишами. С запада к ним примыкает обширное

Гульрипи.

Санаторий им. В. И. Ленина.

Белый корпус

→

продольное помещение — нартекс с хорами во втором этаже. Храм увенчан куполом, покоящимся на низком шестнадцатигранном (снаружи) барабане. Стены, свод и купол храма сложены из красного кирпича, изнутри когда-то покрытого штукатуркой и фресковыми росписями.

В середине XVIII века Вахушти писал: «К западу от Моквы течет Кодор, на котором в горах, в Дранде, стоит большой и изящный храм с куполом. Там сидел епископ, заведовавший страной между Кодором и Анакопиею; ныне там нет больше епископа...» Известны имена четырех драндских епископов — Федора, жившего в первой половине XV века, Сабы (Саввы), отмеченного в надписи на одной из икон, найденных в Сванетии, Филиппа, который в первой половине XVI века принимал участие в соборе, созванном по случаю падения нравственности в Имеретии, и Гавриила, вынужденного покинуть Дранду в результате включения этой территории в состав Абхазского княжества в третьей четверти XVII века и скончав-

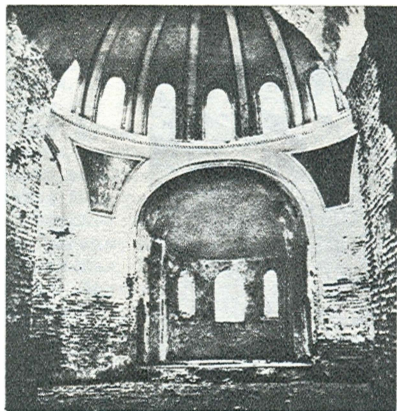

*Драндский собор.
VI—VII вв.*

шегося в Иерусалиме. С. Саблин, посетивший Дранду в 1846 году, описывает храм следующим образом: «Невольно удивляешься прочности его кирпичных стен и сводов, на которых выросли и состарились фиговые и другие деревья; плющ обвил его совершенно, но он стоит нерушимо... Купол освещен... окнами большой величины; в них прежде были разноцветные и вызолоченные стекла, судя по множеству их обломков, находимых теперь между камнями, окружающими храм. Окна снаружи обделаны мрамором с рельефами и украшениями изящной работы. Внутренность храма была расписана фресковыми картинами из св. истории и образами святых, частью до сих пор уцелевшими. Лучше прочих сохранился образ Спасителя в куполе, образ архангела Михаила подле западных дверей, образ св. Нила на северной стене и на южной — картина Благовещения, где мать божия изображена на коленях. Видны еще остатки многих других картин, но их трудно различить по многим стершимся и

*Драндский собор.
Интерьер. Фрагмент*

обвалившимся частям; краски вообще сохранились с удивительной свежестью... Окрестные жители-абхазцы, не только христиане и магометане, но даже не исповедующие никакой религии (а в Абхазии весьма много таких), имеют особенное уважение к этому храму и во всех важных случаях прибегают к нему».

В 1869—1871 годах Драндский собор ремонтировался: были настланы кирпичные полы, заделаны южная и северная двери, установлен деревянный иконостас. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов в храме произошел пожар, разрушивший части кровли и свода, уничтоживший фрески. В 1881 году на развалинах храма был учрежден Успенско-Драндский монастырь. При восстановлении собора в нем были произведены новые переделки: кое-где древние стены разобрали, в других местах их достроили, пол залили цементом, изменили форму купола, вокруг храма построили различные монастырские здания. В настоящее время здесь ведутся большие рестав-

Храм Мармал-абаа

рационально-консервационные работы — собору возвращается его первоначальный облик.

А теперь мы отправимся через Кодор на левый его берег, где сквозь зелень сада видны белые стены сельской больницы. Оставим Черноморское шоссе и по извилистой проселочной дороге через заросли ольхи направимся в сторону моря. Вскоре на лесной опушке покажутся древние стены, сложенные из булыжника, — это храм Мармал-абаа, что означает по-абхазски «мраморные развалины». Теперь эти развалины заросли плющом и колючками, но когда-то стены церкви были облицованы белоснежными известняковыми плитами. На внутренней поверхности стен видны блоки с резным орнаментом, взятые строителями из какого-то более древнего храма. А. М. Павлинов, посетивший развалины в 1888 году, оставил их описание, не утратившее своего значения до сих пор. Исследователь видел здесь «глиняные горшки большого размера, напоминающие голосники... По сте-

нам арки круглые... поперечные арки и коробовые своды, которыми крыта церковь... пустоты с остатками дерева, в которые, вероятно, были вставлены концы поперечных связей. С западной стороны находилась входная дверь; перед ней была небольшая пристройка...». Юго-восточнее виден фундамент еще какого-то продолговатого здания. Рядом, почти вплотную к руинам, под сомкнутыми ветвями деревьев несет свои мутноватые воды один из рукавов Кодора.

Севернее Черноморского шоссе, по левому берегу Кодора, раскинулись угодья сел Атара Абхазская и Атара Армянская. В первом над 40-метровым обрывом высятся руины большого позднесредневекового укрепления площадью 70×60 метров. Его стены возведены из булыжника, поднятого сюда по окольным тропам от русла реки. Это — Кодорская крепость. В центре восточной стены виден проем ворот, а рядом высится 15-метровая четырехугольная башня, их защищавшая. В верхнем ярусе башни сохранилось несколько небольших помещений. Снаружи вдоль стен хорошо просматривается глубокий искусственный ров, имеющий перемычку перед воротами.

Еще несколько километров в сторону гор — и мы у подошвы резко выделяющейся своей конусообразной формой горы Пскал. До вершины около часа труднейшего подъема по выжженным солнцем полянкам и зарослям. И вот наконец мы достигаем мощных стен с панцирем из грубых полтораметровых известняковых глыб. Кольцо стен охватывает небольшую площадку, на краю которой у 100-метрового обрыва находятся белокаменные руины небольшой прямоугольной в плане церкви XI—XII веков. На ее стенах видны фрагменты орнаментированных плит, относящихся к какому-то более раннему храму. Среди изображений — фигура человека, солнце, геометрические орнаменты. Найден здесь и обломок камня с греческой надписью. За южной стеной крепости находится небольшое пространство, широкими, низкими ступенями опускающееся к обрыву. Судя по остаткам древней посуды, среди которых попадаются обломки стеклянных сосудов, металлические шлаки, кости животных, здесь в древности (IV—VI вв. н. э.) находилось поселение.

Судя по всему именно здесь в VI веке произошло сражение между древнеабхазским племенем мисимиан и византийцами. Это сражение красочно описал известный историк того времени Агафий Миринейский. Предоставим ему слово: «Мисимиане... сожгли многие ненужные им укрепления... и все собрались в одном, которое казалось им

*Пскальский храм.
XI—XII вв.
Резная плита*

наиболее укрепленным. С древних времен оно называется Тцахар; называют его Железным за его неприступность и крепость... Иоанн, придя в страну мисимиан и став во главе римского войска, тотчас расставил всех вокруг укрепления и начал осаду... Большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему и проход для всех незнакомых с местностью чужестранцев. Местные же жители, знавшие местность, с трудом спускались вниз по одной чрезвычайно узкой и скрытой тропинке в случае необходимости и снова взбирались наверх. У подножия горы на влажном и плоском месте били ключом источники с питьевой водой. Там, спускаясь ночью... варвары черпали воду».

Далее Агафий рассказывает о том, как византийцы, разведав этот путь, послали туда отряд: «Когда уже прошли половину пути, те, кто шли впереди, ясно заметили

зажженный стражами огонь и что они лежат весьма близко к нему. Семь из них, очевидно, спали и лежали растянувшись. Только один, облокотившись на руку, был похож на бодрствующего, но и он уже боролся со сном, опустив отяжелевшую голову. Однако было неизвестно, как дело пойдет дальше, так как он часто качал головой и снова ее поднимал. В это время Леонтий, сын Дабрагеца, поскользнулся в какой-то луже, упал и покатился вниз, сломав щит. Естественно, раздался сильный звук, испуганные стражи пробудились и, сидя на своих ложах, обнаружили мечи, поворачивали головы в разные стороны, но не могли понять, что произошло. Так как блеск огня ослеплял им глаза, то они не могли рассмотреть стоящих во мраке, и стук, происшедший во время сна, не был вполне ясен и различим, как такой, какой мог быть произведен только поломкой оружия. Римляне же тщательно все наблюдали, задержав шаг, они оставались спокойными и молчаливыми, как-будто корнями вросли в землю; не было слышно никакого звука; ноги оставались неподвижными так, как они были поставлены и застыли на остром камне или прижимая куст... Варвары же, не заметив ничего угрожающего и опасного, снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули.

Тогда римляне, напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и этого полубодрствующего, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. Одновременно труба возвестила начало битвы. Услышав это, мисимиане были поражены и неожиданностью и незнанием обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и соединиться, выскакивая из разных жилищ. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умертвлялись, а за ними другие, третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем высыпали на улицу, но охваченные гневом римляне не пощадили и их... Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились... Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным способом; те, кто оставались дома, сжи-

гались вместе с домами или их давили обрушившиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умертвляли, жестоко разбивая о камни. Другие же, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падающие вниз, принимались на подставленные копы и пронизывались ими в воздухе...

Вся ночь была проведена в этих ужасных делах. Когда уже все это место было разорено, пятьсот хорошо вооруженных мисимиан, выйдя из укрепления, на рассвете напали на римлян, которые даже не выставили караулов, так как считали, что одержали полную победу. Поэтому весьма многих из них убили, прочих же обратили в бегство, быстро выгнав их из поселения. Те беспорядочно бросились вниз, возвратились в лагерь с многочисленными и разнообразными ранами от неприятельского оружия и от сильных ушибов ног от частых падений на камни. Поэтому у них не было больше духа карабкаться на эту скалу...» Страсти, кипевшие когда-то на вершине Пскала, замерли в далеком прошлом, и первозданную тишину этих диких мест теперь нарушают лишь мерный шум Кодора да шелест листьев на свежем ветру. Всюду подступают горы, покрытые густым лесом, в котором можно встретить медведя или дикого кабана. Восточнее, за узким ущельем с живописными водопадами, по ровному плато тянутся от башни к башне мрачные руины Келасурской стены. Дальше вверх по гребню, на перевале к урочищу Амзара, лежат развалины храма Кяч-ныха. Еще виден центральный зал с алтарным полукружием, окруженный с трех сторон различными помещениями. Свод храма давно рухнул, а стены, сложенные из грубообработанных плит известняка, были когда-то покрыты штукатуркой с яркой фресковой росписью.

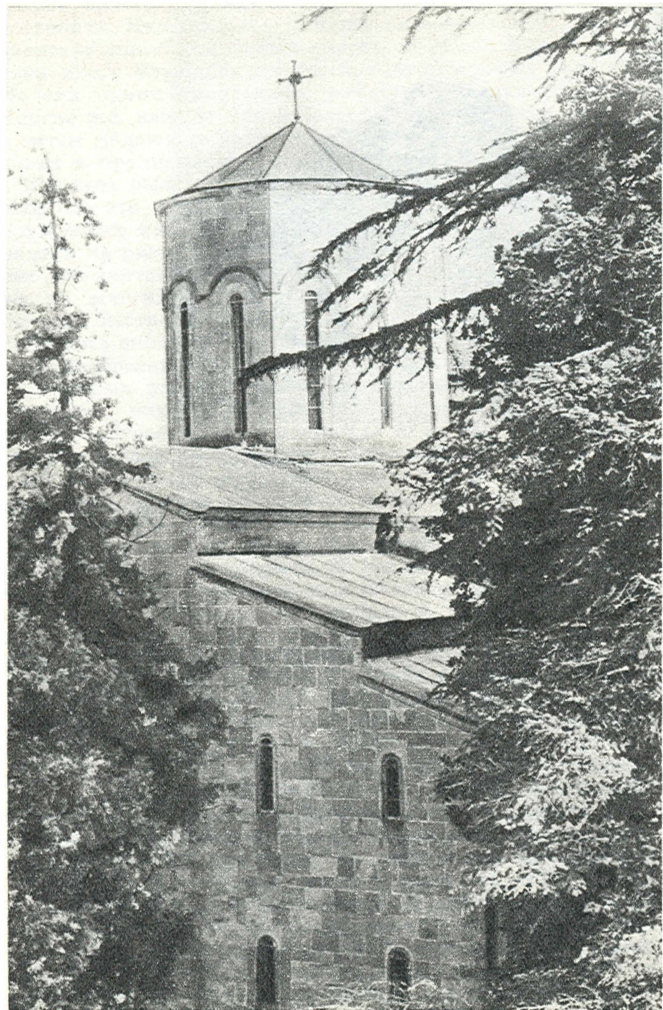
Мы снова на Новороссийско-Батумском шоссе. Вблизи него, в поселке Новые Киндги, на возвышенном обрывистом берегу моря хорошо сохранились сложенные из булыжника стены крепости Сатамашо, получившей свое название от близлежащего абхазского села Тамыш. Отдельно стоящая центральная башня имеет по углам округлые массивные выступы-контрфорсы. В ней прослеживаются три этажа — первый забит бутом, два других имели деревянные межэтажные перекрытия. В башню попадали по приставной убиравшейся лестнице. В 1875 году по инициативе Музея Одесского общества истории и древностей в этой башне произвел раскопки поручик

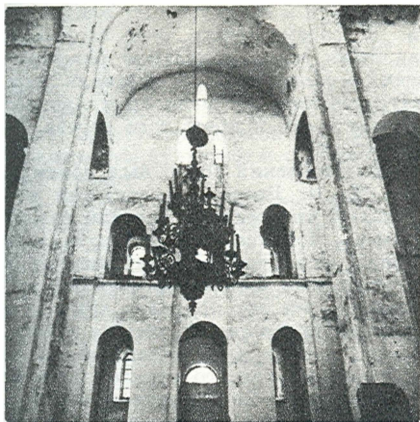

*Крепость Сагамашо.
XIV—XV вв.
Угловой контрфорс*

Шишков. Взорвав часть башни, он добыл таким способом несколько черепков глиняной посуды. Площадка вокруг башни окружена крепостной стеной, в которой видны бойницы, приспособленные для пользования огнестрельным оружием. В этом месте на картах XIV века упоминается генуэзская фактория Таманса. Судя по всему она размещалась именно в этом укреплении.

Не доезжая моста через реку Мокву, мы поворачиваем к северу по проселочной асфальтированной дороге, которая приводит нас к слиянию Моквы с ее западным притоком Дуабом. На мысу высятся стройные массы знаменитого Успенского Моквского собора, построенного в третьей четверти X века абхазским царем Леоном III (955—967). Народное предание следующим образом повествует об этом событии: «Скупой и жестокой Леон III, не желая уплатить зодчему за строительство собора, обвинил его в нарушении условий договора: с купола собора якобы плохо видны окрестности. Зодчий, чтобы

*Моква.
Моквский собор. X в.*

*Моква.
Моквский собор.
Интерьер*

опровергнуть это, поднялся по приставной лестнице на купол. Тогда царь приказал убрать лестницу, и мастер, не имея возможности спуститься, погиб голодной смертью». Моквский собор является единственным пятинефным крестово-купольным абхазским храмом, завершающим развитие церковного зодчества раннесредневековой Абхазии, начало которому было положено еще в IV—VI веках в Пицунде. По сохранившимся отрывочным сведениям, собор изнутри был очень богато украшен. Стены его покрывала редкая по искусству фресковая роспись. Посетивший Мокву в 1659 году патриарх иерусалимский Досифей обнаружил здесь надпись, согласно которой храм был «расписан при императоре Алексее Комнине при великом абхазском царе Давиде», то есть в конце XI — начале XII века.

Моквский собор пользовался широкой известностью и часто посещался приезжими. В 1640 году здесь побывали русские послы — священник Павел Захариев и толмач

Федот Елчин, направлявшиеся к мегрельскому владельцу Левану II Дадияни. В своем отчете они записали: «...февраля на 9 день были мы в монастыре Моквском с епископами Андреем и Максимом; показывали нам, Федоту да попу Павлу, мученика Стефана архидьякона: руки обе целые и ножные кости и крест того дерева, на котором Христос был распят».

В конце XVII столетия Моквский собор был покинут. Известный кавказовед М. И. Броссе, посетивший эти места в 1848 году, оставил интересное описание памятника: «Обширные размеры корпуса церкви, опутанного сетью ползучих растений, его кровля, превращенная в воздушный сад, его прекрасный купол, удлиненный высокими стволами деревьев, — все это приводит зрителя в удивление. Внутри стрелою уходящие столбы из превосходно вытесанного камня... помост, весь устланный белым мрамором без пятен; осколки цветного стекла; остатки карнизов с замечательной резьбой свидетельствуют о большом великолепии и об искусстве, достигшем высокой степени совершенства. Прекрасная галерея окружает главный корабль до столбов купола; кирпич употреблен во всем здании в одних лишь сводах между столбами. К сожалению, паперти обрушились, в окнах выбиты стекла, помост покрыт на полфута сором... вне храма большая колокольня... вправо руины помещения епископа, влево маленький придел, обвалившийся и опутанный растительностью...»

В 50-х годах XIX столетия храм был отремонтирован, пол вымощен заново известняковыми плитами, с запада возведен придел, а на куполе сооружена маленькая ротонда.

Во второй половине XIX столетия собор был превращен в усыпальницу — здесь похоронены последний владетельный князь Абхазии Михаил Шервашидзе, умерший в Воронеже в 1866 году, его сын Георгий, поэт и общественный деятель, абхазские военачальники, служившие в русской армии. В 1902 году вокруг храма выросли корпуса Моквского женского Успенского монастыря, основанного монахинями из Богодуховского монастыря Харьковской губернии. В 1920 году, в период господства в Абхазии меньшевиков, из Моквского собора было похищено и вывезено за границу ценное Евангелие, принадлежавшее моквской архиепископской кафедре. Оно было написано на 328 листах и украшено миниатюрами и орнаментом, выполненными моквским иноком Ефремом при моквском архиепископе Данииле в 1300 году. В на-

стоящее время Моквское евангелие хранится в рукописном отделе Музея искусств Грузии в Тбилиси.

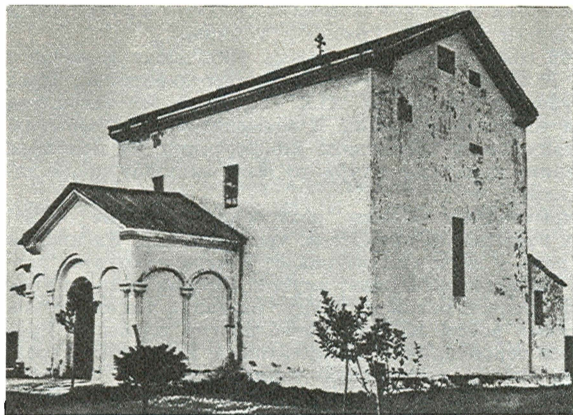
В 1968 году широко отмечалось 1000-летие Моквского собора. К этому моменту он был отреставрирован, здесь были убраны наслоения XIX столетия, восстановлена древняя черепичная кровля. К знаменательному событию была приурочена всесоюзная конференция по проблеме «Памятники культуры и туризм», был выпущен специальный буклет.

В окрестностях Моквы разбросано большое число древних памятников-крепостей, храмов, оград. На правом берегу реки в двух километрах от собора находятся развалины Джальской церкви, внутри которой сохранились следы фресковой росписи. Вокруг развалин тянется стена с остатками ворот. Как и многие другие храмы на прилегающей территории, этот культовый памятник в средние века входил в Моквскую епархию.

Вернемся на основную трассу нашего пути и познакомимся с памятниками районного центра Очамчиры. Значительное поселение на его северо-западной окраине у устья реки Геджир возникло уже в III тысячелетии до н. э. Значительно позже, во второй половине VI века до н. э., это место, уже давно опустевшее, привлекло внимание древнегреческих колонистов, основавших здесь свою колонию Гиенос. В V—I веках до н. э. город Гиенос стал значительным торгово-ремесленным центром. Многочисленные обломки местных и привозных амфор, кувшинов, блюд, чаш и других изделий, чернолаковая и краснолаковая посуда, железное оружие, бронзовые и золотые украшения — вот далеко не полный перечень находок, сделанных археологами еще в 30-х годах нашего столетия.

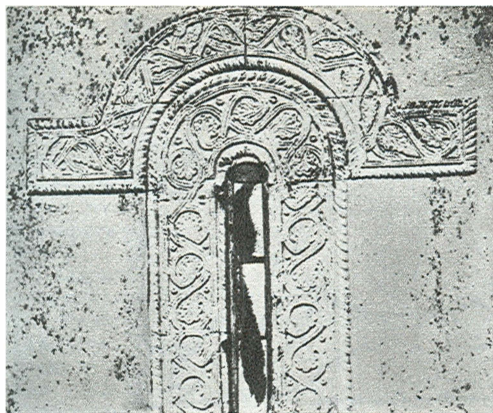
В III—VII веках на развалинах греческого города находилось небольшое поселение апсиллов, связанное с существовавшей здесь стоянкой римско-византийских кораблей.

От этого времени сохранились остатки римской бани и каких-то других каменных сооружений. В средние века здесь же на одном из древних жилых холмов были возведены из булыжника оборонительные стены, каменная печь для обжига керамики и другие сооружения, связанные, по-видимому, с указываемой в этом районе на древних картах генуэзской факторией Ала-Гуана. Сюда приставали корабли чужеземцев, вывозивших из Абхазии различные товары и в первую очередь самшит (по-турецки — шимшир), что и определило современное название города.

*Илорский храм.
XI в.*

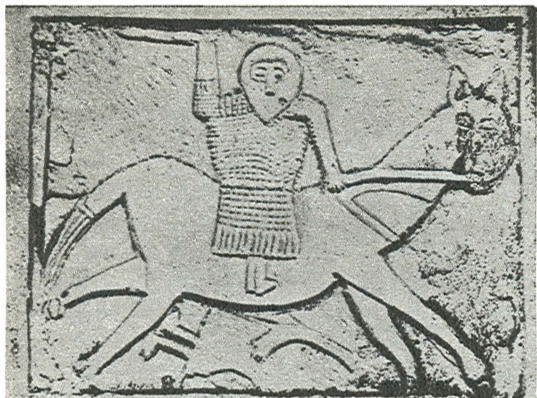
На восточной окраине Очамчиры за мостом через реку Гализгу рядом с шоссе находится и ныне действующий древний белокаменный храм, именуемый Илорским, окруженный оградой из булыжника с воротами, увенчанными колокольней. Храм — однозальный, с внутренним алтарным полукружием. Основное помещение, перекрытое каменным сводом на арках, которые опираются на выступающие из стен массивные пилястры, освещалось с помощью пяти окон. Одно окно и две высокие ниши видны в алтаре. В зал ведут три входа — с севера, с запада и с юга. С этих же сторон к нему примыкают построенные в разное время приделы. В кладку наружных стен вставлено несколько плит с грузинскими надписями, а также с резным изображением креста, под которым находится узкое окно, обрамленное широким резным наличником и навершием. Снаружи храм облицован плитами, изнутри — булыжником, поверх которого нанесены штукатурка с фресками.

*Илорский храм.
Оформление окна*

Храм в Илори выделяется среди зальных церквей Абхазии не только своими значительными размерами и продуманностью своих архитектурных форм, но и художественными и конструктивными приемами, утверждающимися в Абхазии в первой половине XI века. Пропорции масс, стройность объемов, равно как и применение технических приемов, продиктованных условиями расположения здания, сближают его с зодчеством центральных районов средневековой Грузии.

Одна из народных легенд рассказывает о причинах, послуживших поводом для строительства Илорского храма: «Некий местный князь в лесу во время охоты ранил оленя. Убегая, животное скрылось в зарослях. Охотник преследовал его, и следы крови привели к развалинам древнего святилища. Князь увидел раненого оленя, положившего голову на престол с высеченным крестом в алтаре, и понял, что животное находится под покровительством самого святого Георгия. Князь оста-

*Илорский храм.
Рельеф с изображением
св. Георгия
на восточной стене*

вил жертву и приказал воздвигнуть на этом месте храм в честь этого святого». По свидетельству итальянского миссионера Арканджело Ламберти, первым из иностранцев посетившего Илорский храм в 30-х годах XVII века, рядом с храмом издавна устраивались большие ярмарки, куда стекались жители разных районов Западной Грузии. Тот же автор впервые описал своеобразное оформление праздника, посвященного дню покровителя Илорской церкви святого Георгия. Согласно распространенному в народе мнению, в ночь накануне праздника святой Георгий сам доставлял в храм жертвенного быка. Перед тем как опустить его в храм, святой трижды проводил быка с гор до моря и обратно для освящения. На следующий день «священный» бык закалывался, и мясо его раздавалось верующим, которые считали, что оно долго не портится и является лечебным средством от всех болезней. Чтобы народ не сомневался в том, что святой Георгий сам приводит быка в ночь перед праздником,

двери и ворота храма тщательно запирались и опечатывались. Иосиф Цампи, другой итальянский миссионер XVII века, по этому поводу писал: «Некоторые из наших отцов (то есть католических священников. — Ю. В.), желая раскрыть, каким образом совершается это мнимое чудо с быком... бодрствовали всю ночь, бродя вокруг церкви. Они обнаружили, что воры приводят быка в сумерки, ведя его на веревках. Большая часть епископов знает, что это плутовство... и чистейший обман, но они потворствуют ему для поддержания религии в народе».

Двадцатипятикилометровое шоссе соединяет Очамчиру с крупнейшим индустриальным центром Абхазии городом Ткварчели, расположенным на берегах реки Гализги (Аалдзга). Кварталы многоэтажных зданий, дымящая громада Ткварчельской ГРЭС, нити канатных дорог и над всем этим — горы, заросшие лесом. Предыстория Ткварчели, получившего статус города лишь в 1942 году, теряется в глубине столетий. О ней рассказывают и местные памятники архитектуры.

На одной из возвышенностей, тянущихся вдоль обрамляющего город с севера хребта Айсра, хорошо видны руины древней крепости. Хорошо видны и, вероятно, именно поэтому ни разу не упоминались в краеведческой литературе. Каждый исследователь, приезжая в Ткварчели, видит над ним древние развалины и думает: я же не первый здесь, до меня были многие, и, конечно же, они уже туда поднимались, а раз ничего не писали, значит, там не крепость, а просто причудливой формы скала. А подняться наверх и осмотреть крепость стоит! Стены ее сложены из огромных глыб известняка, достигающих в поперечнике одного-полутора метров. Углы и стены укреплены выступающими наружу полукруглыми выступами — контрфорсами. Изнутри к восточной — фасадной стене примыкает квадратное помещение — башня. Вход в крепость находится в северо-восточном ее углу рядом с башней. Он был высоко приподнят над землей, и в него забирались по приставной деревянной лестнице. Снаружи видны срезы глубокого оборонительного рва. В крепости найдена кухонная посуда IX—X веков, а также обломки керамических сосудов более позднего времени.

Юго-восточнее Ткварчели поднимается живописный контур горы, известной под названием Нарчхоу. На ее вершине в обильных лесных зарослях скрывается огромная древняя крепость, а неподалеку — интересный храмовый комплекс.

Крепостной двор с севера и востока ограничен 200-метровыми обрывами, а с юго-запада — мощной стеной, протянувшейся более чем на километр. Существовала и вторая, теперь сильно разрушенная, внутренняя линия стен.

Наружная стена, сохранившаяся на высоту до 3—6 метров, с внешней стороны имеет прямоугольные выступы и углубления с рядами бойниц. Им с тыльной стороны соответствует боевая дорожка. Стена была укреплена несколькими башнями, имела сложную воротную систему, а изнутри к ней примыкал ряд больших прямоугольных зданий казарменного типа. Наиболее интересна юго-восточная башня, в которой сохранилось три этажа. Стены крепости сложены из известняка, снаружи подтесанного, а в башнях использовался кирпич. Время всех этих сооружений пока неизвестно. Их конструкция, а также найденные здесь обломки древней посуды очень разнохарактерны, что говорит о длительном использовании сооружений вплоть до позднего средневековья.

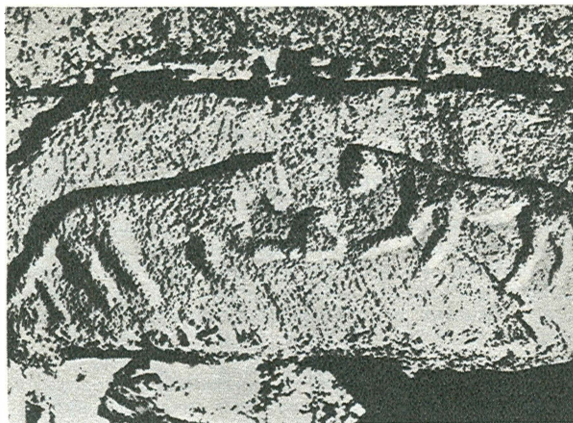
Лашкиндарский храм.

X—XI вв. Интерьер.

Фрагмент

←

Западнее крепости на возвышении сохранились развалины большого храма зального типа. Центральный вытянутый зал с полукруглой апсидой, боковые укороченные приделы, примыкающий с запада обширный притвор, прямоугольное очертание наружного плана, глубокие треугольные ниши на восточном фасаде — все эти признаки позволяют отнести храм к XI веку. Храм расположен в восточной части большого пространства, огражденного прочной крепостной стеной с треугольными контрфорсами. В западной части крепости к стене примыкают изнутри несколько зданий, среди которых одно обладает каменным сводом и четырьмя входами. Двор пересечен недавно образовавшейся естественной трещиной глубиной до пяти метров и шириной до трех метров. Через нее перекинуты, подобно мостику, корни деревьев с лежащим на них тонким слоем покрытой мхом земли, а в открывшемся разрезе почвы хорошо видны человеческие кости,

*Лашкиндарский храм.
Рельеф
с изображением львов*

устилающие дно трещины; они указывают на то, что западнее храма находилось когда-то кладбище.

С вершины Нарчхоу открывается замечательный вид на горы и в сторону Колхидской низменности. К северу уходят гряды низких хребтов, на одном из которых высятся руины Лашкиндарского храма. Далеко внизу в дымке просматриваются контуры Бедийского собора.

Пять-шесть километров по крутой лесистой тропе отделяют Ткварчели от древнего христианского храма, расположенного на гребне горы Лашкиндар. В древности площадка вокруг храма была окружена массивной каменной 100-метровой стеной. Внутрь ограды вели ворота. Прямо перед входящими возникала южная стена храма с аркой входа, на котором сохранилась плита с высеченным на ней крестом.

Главный зал храма достигает внушительных размеров (8,5×5 м при высоте до 8,2 м). Его каменный свод, к сожалению, давно обрушился. Боковые стены изнутри

оформлены двумя большими глухими арками. Кроме южного и западного входов храм имеет два входа в северной стене. В апсиде расположены ниши и окно, в прорезь которого открывается изумительная панорама на верховья реки Гализги, снежные вершины Ходжала. С севера к храму примыкает небольшая церковка с полукруглым выступом апсиды, соединенной проходом с главным залом. С запада находится притвор, который на несколько столетий моложе основного здания и сохранился почти полностью. Изнутри куполообразный потолок его держится на трех легких арках из известнякового туфа. Вокруг храма в толще искусственной каменной платформы скрыты склепы, в одном из которых были найдены помимо человеческих костей фигурки бронзовых львов — детали большого подсвечника XI—XII веков.

Прямоугольные наружные очертания восточной стены главного зала, скрывающей алтарь, позволяют отнести весь комплекс к рубежу X—XI веков. Южнее храма виднеется фундамент прямоугольного здания, северный вход в которое оформлен двумя огромными обломками скал, стоящих слегка наклонно друг к другу. Стены сооружения, сложенные из ломаного камня на слабом известковом растворе, имеют толщину до двух метров.

Одна из самых ярких достопримечательностей комплекса — изображения двух животных, высеченные на плите, венчавшей западный вход в главный зал храма. Эти обобщенные фигуры с первого взгляда могут быть приняты за собак. Поэтому местными жителями, а вслед за ними и исследователями храм связывается с языческим капищем, посвященным местному собаководному божеству Алышкынтыр. Вот что рассказывает об этом легенда: «Давным давно жили, говорят, в Абхазии люди-великаны. Был среди них один храбрый воин и смелый охотник. Никого на свете не боялся он, даже над лесными дивами смеялся. Ходил по лесам со своими верными псами, настигал туров на горных кручах, ни перед кем не сворачивал с дороги, ни перед кем не склонял головы. Стало это обидно дивам, решили они наказать горца-великана. Как-то ночью дождался они, пока великан, утомленный охотой, уснул, а горячие псы его почуяли зверя и бросились за ним в погоню в горы. Подкрались к нему дивы и накинули на него шелковую сеть. Опутали они его шелковыми веревками, выкололи ему глаза, а потом сбросили в глубокое ущелье. Вернулись с охоты верные псы, увидели, что хозяина нет, понеслись искать его и

вскоре нашли ущелье, где лежал бездыханный великан. Бросились псы за подмогой к крестьянам. Рычали, лаяли, тащили за собой. Пошли крестьяне к ущелью, с трудом подняли они тело великана из пропасти. Тут псы разгрызли шелковые путы и принялись лизать раны хозяина. Три дня и три ночи не отходили от него верные псы. На пятый день вернулось к нему зрение. А на шестой день встал он на ноги и воздал хвалу верности своим славным псам — воздвиг в их честь храм на горе Лашкиндар. С тех пор чтят абхазцы собаку, лучшего их друга, сторожа их стад и жилищ».

Легенда — легендой, но как-то все же не верилось, что на фасаде христианского храма могут быть изображены собаки, да еще символизирующие языческое божество. Чтобы получить ясное представление о рельефе, мне пришлось сырой землей обвести контур изображений. И тогда стало ясно, что животные эти по всем своим признакам — короткие тупые морды, тяжелые туловища,

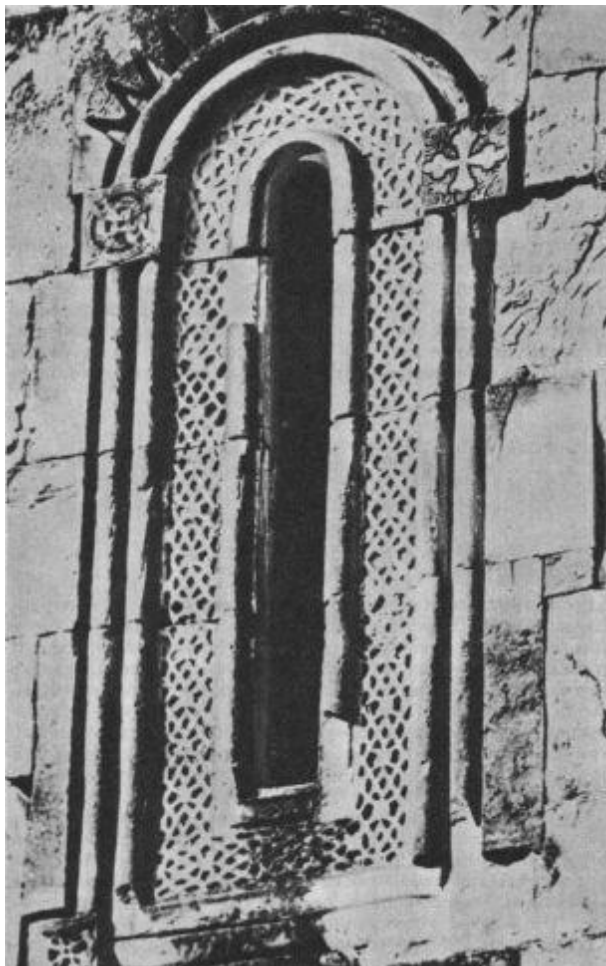
Бедиа.

Бедийский собор.

XI в.

длинные тонкие хвосты, в одном случае закрученные даже в кольцо, толстые лапы, массивные, словно с намеком на гриву шеи — никак не могут быть собаками, а должны быть отнесены к кошачьей породе и, скорее всего, являются сильно стилизованными изображениями львов или барсов. Как известно, лев входил уже в древнехристианскую символику и со временем стал обычной принадлежностью декора храмов, в первую очередь их порталов, как это видно и в Лашкиндарском храме, где он выполнял функцию стража.

Спустимся теперь по тропе к перевалу у вершины, где находится крепость Нарчхоу, и затем по проселочной дороге направимся к центру села Бедиа. Здесь на продолговатой возвышенности расположены живописные развалины средневековой резиденции бедийских епископов. На плато, окруженном скалами и стенами, сохранились большой собор, епископский дворец, часть колокольни и другие руины.

Бедиа. Бедийский собор. Оформление окна

Первоначально, еще в X веке, на плато стояла небольшая однозальная церковь с выступающей пятигранной апсидой. В самом начале XI века к северу от нее был возведен крестовокупольный собор, в котором из четырех подкупольных устоев западные стоят свободно, восточные же соединены с междуалтарными стенками. Апсиды алтаря и прилегающих боковых помещений изнутри полукруглые. В западной части центральный зал отделен от боковых помещений стенами, оформленными в верхней части арками и колоннами.

Беда. Бедийский собор. Резьба на южном фасаде

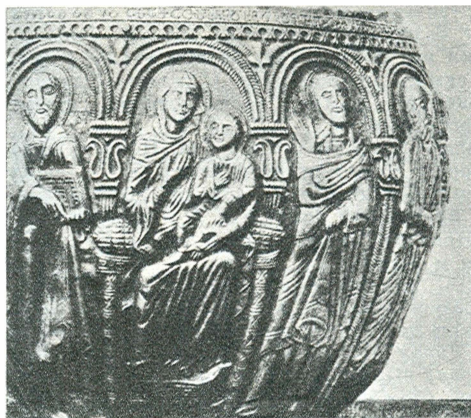
Как снаружи, так и изнутри стены храма облицованы гладкими песчаниковыми плитами. Восточная стена с внешней стороны украшена большим резным крестом. Наличники окон и входов по своей отделке просты, но изящны. Их резьба отличается разнообразием орнаментальных сюжетов и тонкостью их исполнения. Внутри церкви стены были покрыты довольно богатыми фресковыми росписями. От XI века хорошо сохранились

*Бедиа.
Бедийский собор.
Фреска. XI в. Фрагмент*

изображения Баграта III и группы светских лиц на южной стене, орнаментальные мотивы. Очень интересны фрески XIV века, среди которых выделяются Ветхозаветная троица в алтаре, полосы с медальонами и евангельские сцены («Христос и Самаритянка», «Исцеление слепого») на северной стене, фигура Константина и другие фрагменты — на западной стене. Наиболее поздний слой росписей в Бедийском соборе датируют обычно XV—XVII веками. Среди сюжетов этого времени обращают на себя внимание портреты жены и сына мегрельского князя Левана I Дадиани, жившего в середине XVI века.

Очень интересны древнегрузинские надписи на ободке и на ножке знаменитой бедийской золотой чаши (хранящейся ныне в Музее искусств Грузии в Тбилиси), а также на стенах храма. Из этих надписей мы узнаем, что Бедийский храм был выстроен в честь Влахернской богородицы абхазским царем Багратом и матерью его Гурандухой, что постройкой его заведовал начальник камен-

*Золотая чаша
из Бедийского монастыря.
XI в.*

щиков Симон и что в Бедии жил епископ, который управлял паствой на обширной территории вплоть до Ингура. Епископ Бедийский во время политического единства Грузии занимал двадцать шестое место в списке грузинских иерархов и при короновании царя ставился ниже Цхомского, то есть Сухумского. Бедийский епископ упоминается и в числе участников Кутаисского собора XVII века. Во второй половине того же века Бедия была оставлена и богослужение в ней не возобновлялось до второй половины XIX столетия, когда здесь снова разместился монастырь.

Все плато вокруг храма было окружено еще в древности мощными стенами, наращивавшими естественный обрыв. С запада, где подступы к храму наиболее удобны, видны развалины большого каменного дворца с мощной глухой внешней стеной. Нижний этаж здания, где располагались трапезная и зал для собраний, оформлен массивными колоннами и сводчатыми потолками. Над входом во дво-

рец помещена грузинская надпись: «Да будет милостив бог митрополиту Бедийскому Антонию Иоанас Тиредзе, который выстроил это здание». Во втором этаже располагались покои самого митрополита. С севера к дворцу примыкает колокольня, нижняя часть которой служит монастырскими воротами.

От Бедии недалеко и до села Чхортоли. Попасть туда можно и со стороны Черноморского шоссе. Но в обоих случаях автомобильные дороги не доходят до памятников, которые мы предлагаем осмотреть. К ним нужно добираться километра два пешком мимо колхозных усадеб, по полянкам и перелескам.

Метров на сто поднимается конусообразная гора Ахра-Джиху на северо-западной окраине села. Все ее склоны отличаются большой крутизной, а местами они совершенно отвесны. Узкая тропинка от ручья поднимается вверх. Вскоре справа вырисовывается гора, по краю которой тянется стена, сложенная из грубообработанных известняковых глыб. За стеной сохранились остатки прямоугольного помещения, а за ним — обрыв. Стена поднимается вверх вдоль тропы и смыкается с другой, поперечной стеной, в которой зияет прямоугольное отверстие — вход в крепость. За ним справа видны развалины небольшого прямоугольного здания, сложенного из известнякового туфа: возможно, что это крепостная церковь. Вдоль стены тропа уходит влево и затем круто вверх, подводя к основанию 10-метровой башни, венчающей вершину. Попасть в башню можно было только с помощью длинной деревянной приставной лестницы. В башне два отделения: небольшая прямоугольная комната, а восточнее — небольшой дворик, вероятно, не имевший сплошного перекрытия. На склонах горы в большом количестве разбросаны черепки глиняной посуды, черепицы, каменных терок, бусы, кости животных, металлические шлаки, относящиеся к раннему средневековью (IX—X вв.). С вершины Ахра-Джиху хорошо просматриваются живописные окрестности, лесистые склоны гор, ущелья речек, кукурузные поля колхозников.

Восточнее посреди поля высится одинокая столбообразная известняковая скала. Это удивительное создание природы привлекло к себе когда-то внимание древних зодчих, которые увенчали скалу крепостью. Попасть в нее можно лишь с северо-востока, хватаясь за корни деревьев и выступы скал, подтягиваясь на руках, с трудом отыскивая опору для ног. Такой путь приводит метров

через двадцать к древней стене с входным проемом. Это нижний ярус укреплений, расположенный на склоне скалы и представляющий собой продолговатый дворик, охватывающий скалу с востока.

Изнутри к воротам пристроено небольшое помещение, из которого еще два входа ведут наверх и в южный отсек нижнего яруса. По выступам скалы, как по ступеням, не так трудно взобраться на вершину, где среди зарослей возвышается прямоугольная башня с двумя входами в противоположащих стенах, выводящими в два небольших дворика, которые окружены стенами и 50-метровыми обрывами.

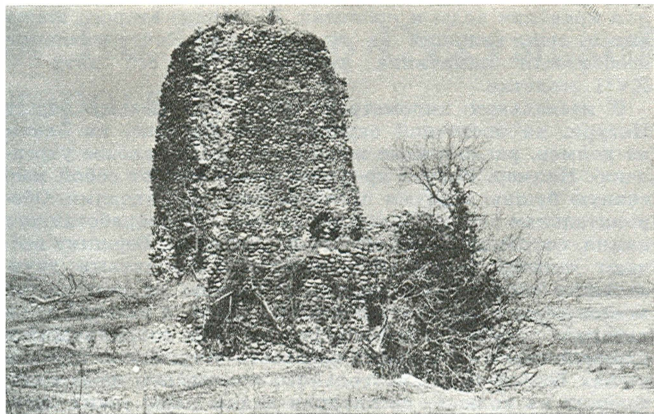
Вернемся на Новороссийско-Батумское шоссе и заглянем в село Царче, расположенное юго-восточнее Очамчиры, в трех километрах севернее дороги. Здесь на правом берегу реки Царче высятся мощное средневековое укрепление. Издалека видна массивная южная башня, сложенная из крупного речного камня и тесаных блоков песчаника. За башней находится небольшой крепостной двор, окруженный толстыми стенами, часть которых рухнула. Среди обломков сохранилась верхняя арочная часть крепостных ворот. Южнее крепости по гребню сохранились руины позднесредневекового храма. Севернее, за оврагом, расположено обширное плато, на котором в древности находилось большое поселение, огражденное массивными булыжниковыми стенами. В XVII веке итальянский миссионер Кастелли составил карту Колхиды. На этой карте есть и изображение Царчейской крепости — башня с развивающимся над нею знаменем, ряд крыш за нею, вокруг деревья, обозначающие лес. Следовательно, крепость имела важное значение в позднем средневековье, к которому, возможно, должно относиться и время ее постройки.

Наше путешествие по Южной Абхазии подходит к концу. За районным центром Гали близки уже и берега Ингури. Слева от шоссе тянется Колхидская низменность, вправо уходят холмистые предгорья. Мы заглянем сначала в расположенное южнее село Тагилони, широко известное своими древностями. В 1930 году здесь был найден клад или погребение, содержавшее большое число золотых, серебряных, бронзовых и железных изделий. Особенно замечательна своей тонкой выделкой золотая полая головка оленя. С большим искусством переданы ветвистые рога, лоб, нос, мускулатура щек, шерсть, завивающаяся крупными прядями на лбу, за ушами и над глазами.

На территории Тагилони сохранилось немало древних памятников, но осмотреть в первую очередь следует Чеохваме. Храм этот хорошо сохранился. Стены его возведены из булыжника и облицованы плитняком. Издалека видна двускатная каменная кровля, поросшая бурьяном и колючками, но до сих пор не пропускающая влаги. На западном фасаде край кровли выложен плитами с рельефными изображениями птиц, животных, различных орнаментов. Алтарное окно снаружи перекрыто камнем с вырезанным на нем крестом. Зайдем в прохладную полутьму здания через одну из трех ведущих сюда дверей. Каменный свод его покоится на арках, опирающихся на выступающие из стен прямоугольные плиты-консоли. В стены алтаря на значительной высоте заложены большие орнаментированные кувшины-голосники, улучшавшие качество звучащих здесь в старину песнопений.

Издалека видна вершина Сатанжо с венчающей ее древней башней. Круто падают к востоку и югу каменистые склоны, поросшие вековым лесом. Но усилия, затраченные на 500-метровый подъем, будут вознаграждены. На 15 метров поднимается башня. Ее гладкие стены облицованы белоснежным известняком, в проемах окон ветер колеблет пучки травы и ветки кустарников. На три этажа когда-то делили башню деревянные перекрытия. Сверху из-за зубцов с боевой площадки летели во врагов меткие стрелы. Башню окружает небольшая площадка с каменной оградой и с врытыми в землю большими керамическими сосудами-пифосами. Плато полого спускается к северо-западу, и в ста метрах от укрепления, от обрыва до обрыва, его пересекают ров и вал, бронированный камнем. Время сооружения крепости Сатанжо относят к раннему средневековью, но, судя по картам XVII столетия, она играла важную роль и значительно позже. По-разному переводят название Сатанжо. Одни считают, что это от мегрельского «танджи» — «ориентир», другие видят в нем искаженное «Санта-Анжело» — от где-то в этом районе существовавшей когда-то генуэзской фактории. «Сатанжо — мрачное, грозное место, — писал известный абхазский краевед Иосиф Адзинба, — для окружающего населения. В представлении местных старожил, «страшно поднимать завесу истории над Сатанжо». Это мрачное место, орошенное человеческой кровью, овеяно множеством легенд и сказаний, насыщенных ужасом пыток и страданий».

У подножия горы Сатанжо, на самом берегу Ингури, левее шоссе, хорошо видна серая булыжниковая масса

*Крепость Оцарце
XVII в.*

17-метровой четырехугольной башни, обросшей различными пристройками и окруженной стеной. В старину в крепость, известную теперь под именем Оцарце, попадали с помощью приставной лестницы через проем со стороны Ингури. Мы же пройдем во двор прямо через развалившуюся стену и заглянем сначала под своды северной пристройки. Несколько однообразных ниш в стене, отпечатки брусьев на потолке да пыльный пол — это все, что можно теперь здесь увидеть. Справа от башни сохранились остатки другого помещения, от которого по ступеням в стене можно подняться на плоскую кровлю первого. Отсюда дверной проем вводит во второй этаж башни, где в булыжниковой кладке стен хорошо сохранились треугольные ниши и узкие ружейные бойницы. В углу видно отверстие, через которое по приставной лестнице попадали когда-то в первый этаж, представлявший собой совершенно глухое темное помещение. В нем врыты в землю несколько крупных глиняных кувшинов (пифосов)

для хранения воды и провизии. В потолке второго этажа виден люк, ведущий на третий этаж. Конструктивные особенности памятника указывают на его дату — XVII столетие.

В нескольких километрах выше, по правому берегу Ингури, на восточной окраине села Саберио, на одном из холмов, расположено интересное средневековое укрепление Нацмер. Ворота крепости представляют собой массивную башню с двумя противоположными входами. Оборонительные стены, сложенные из грубообработанного камня, сохранились на высоту 5—7 метров. Вершину венчают остатки совершенно заросшего колючками двухзального сооружения, возможно, церкви. За нею поднимается серая масса двухэтажного здания, в нижний этаж которого можно попасть через хорошо сохранившийся входной проем со следами засовного устройства. Здесь, в стенах большого прямоугольного помещения, из-за оплетающих их колючек сасаперили видны ряды узких оконбойниц и несколько ниш. Во втором этаже какие-либо отверстия в стенах отсутствуют. Сюда со стороны двора вел отдельный проход, рядом с которым тщательно выложена арка высокой неглубокой ниши. Конструкция построек, обломки глиняной посуды позволяют отнести памятник к развиту средневековью (XI—XIV вв.).

Еще дальше в сторону гор, вблизи Приингурского шоссе, в урочище Цкелкари, находится очень интересный, но, к сожалению, сильно разрушенный храм Ацкар XI века с пристройками XIV века. Тропа от ручья круто поднимается в гору и через густую лесную чащу приводит к древним фундаментам. Церковь относится к типу зальных с тремя приделами. В апсиде северного придела находится глубокий склеп, перекрытый сводом, с люком в нем. Люк закрывался массивной каменной плитой с железным кольцом. Стены храма и склепа облицованы гладкообработанным известняком. До 60-х годов нашего столетия на стенах храма сохранялись фресковые росписи XI—XVI веков.

Северо-западнее села Лекухона, лежащего на самой границе Абхазской АССР с Цаленджихским районом Грузинской ССР, в гористой местности на одной из вершин можно осмотреть живописные развалины раннесредневековой крепости, известной у местных жителей под названием «Скайсук». Крутая тропа от Приингурского шоссе через лес выводит к древней восточной башне. В толще ее стен сохранились отпечатки массивных дубовых брусев, повышавших прочность стен.

5. По Военно-Сухумской дороге

Путь... в одну из прекраснейших стран земли.

Ф. Дюбуа де Монпере

На протяжении многих тысячелетий Клухорский перевальный путь, получивший в XIX веке наименование Военно-Сухумской дороги, играл важную роль в экономике и культурных связях народов, обитавших по обе стороны Главного Кавказского хребта. Многочисленными перевалами могли воспользоваться также и враги для вторжения в Абхазию с Северного Кавказа. Все это способствовало возникновению вдоль дороги большого числа памятников, и в первую очередь крепостей и храмов.

Военно-Сухумская дорога, начинающаяся в трех километрах восточнее Сухуми, отходит от Черноморского шоссе и идет по правому берегу сначала реки Мачары, а затем Кодора, минуя села Мерхеули, Октомбери, Цебельду, Амткел, Лату, Чхалту, Ажару и Генцвиш.

На юго-восточной окраине села Мерхеули на гребне, идущем вдоль левого берега Мачары, можно осмотреть небольшой, но очень интересный храмик, состоящий из зала и двух приделов — западного и южного. Особенность храма, нигде больше в Абхазии не встреченная, — отсутствие алтарного полукружия. Зал слегка сужается к востоку, и его алтарная часть выделена лишь нишей и кувшинами-голосниками, которые хорошо видны на переходе от стен к своду. Зал освещался с помощью двух узких окон, расположенных в алтаре и в западной стене над единственным ведущим в зал входом со следами деревянной дверной коробки и засовным устройством. Храм облицован тесаным известняком, а на западной стене снаружи у окна вставлена плита с высеченным на ней

изображением креста. В южный придел ведет одна дверь с запада, и освещают его два узких окна. Судя по основным чертам храм можно отнести к XIII—XIV векам.

Интересные руины средневекового феодального поместья сохранились на северо-восточной окраине Мерхеули, на десятом километре Военно-Сухумской дороги. В начале тенистого ущелья древние строители возвели поперечную каменную стену с небольшой башней и воротами, в которых сохранился паз от бревенчатого засова. В глубине ущелья у слияния двух ручьев находился второй рубеж — трехметровой толщины стена, преграждавшая доступ из ущелья на небольшую ровную площадку, в центре которой возвышаются развалины каменного здания. Интересно осмотреть стены двух смежных прямоугольных помещений, в которых сохранились оконные и дверные проемы. Здание имело и второй, теперь не сохранившийся, деревянный этаж.

Западнее, на вершине холма, на фоне неба четко выделяется контур древних стен. Подъем к ним занимает не более 15 минут. Вход в крепость находился в стене рядом с прямоугольной воротной башней; в него попадали по приставной деревянной лестнице. За башней находился небольшой крепостной двор, окруженный стеной, часть которой уже давно сползла в обрыв. Судя по найденным здесь обломкам керамической и стеклянной посуды, а также по общему своему облику все описанные руины относятся к концу развитого — началу позднего средневековья (XIV—XV вв.). В то время какой-то местный феодал, по преданию носивший имя Мерх, укрепил подходы к своему дому и в случае прорыва этих преград скрывался в нагорном укреплении.

На одиннадцатом километре Военно-Сухумской дороги ее пересекает отрезок Келасурской стены с тринадцатью башнями, а в двух километрах восточнее, на гребне большой горы, расположены развалины Герзеульской крепости — одного из самых крупных оборонительных сооружений Абхазии. Длина крепостных стен составляет около километра, а восточная воротная башня достигает и теперь высоты 5—6 метров. В башне сохранился проем наружной двери с остатками каменной лестницы и пазами от засовного бруса. За ней — обширный крепостной двор, огражденный стенами, панцирь которых сложен из мелких квадратов известняка с однорядной кирпичной прослойкой. В зарослях, покрывающих территорию Герзеульской крепости, можно осмотреть также руины нескольких каменных сооружений. Среди них особенно ин-

тересен храм, наиболее древние части которого относятся к раннему средневековью (VIII—X вв.). Его основанием служит большая искусственная платформа с нишами для захоронений, в которых найдены кувшинчики с росписью бурой краской, и цистерной. К западу от храма видны остатки погребя, представляющие собой прямоугольное углубление в скале, облицованное камнем на растворе.

Время сооружения крепости относится, по-видимому, к VIII—X векам, однако, судя по разновременным керамическим обломкам, она использовалась и позднее.

На пятнадцатом километре Военно-Сухумской дороги, в глубине ущелья Мачары, у слияния реки Барьял с ее левым притоком, на скалистой вершине находятся развалины древнейшего укрепления Абхазии — Пацхирской крепости. Через самшитовые заросли тропа спускается к развалинам старинной мельницы, минует небольшую поляну за рекой и выводит круто вверх к подножию холма. Мощная, трехметровой ширины стена сложена так называемой циклопической кладкой — ее толщу образуют большие, иногда метровые, глыбы необработанного известняка без скрепляющего раствора. Изнутри к стене примыкают каменные стены нескольких помещений. Треугольный крепостной двор с двух других сторон защищен 10-метровыми обрывами. Все поросло буйным лесом, перевитым колючками и лианами. Зеленый мягкий мох толстым слоем одел древние камни, а под шуршащим навалом листья лежат обломки древней посуды. Им более двух тысяч лет. Античные источники начиная с VI века до н. э. сообщают о племенах кораксов, населявших горные долины Центральной Абхазии. В этих источниках есть и сообщение о крепости кораксов, которую, может быть, следует локализовать именно здесь, на этой вершине, мимо которой проходил важнейший торговый путь на Северный Кавказ.

Справа ущелье с шумящей по дну его рекой, слева крутой известняковый склон, под ногами узкая, до полуметра — метра шириной, тропа, местами совершенно скрытая в зарослях самшита, — таков путь к следующей достопримечательности этих мест — крепости на вершине Шапка, расположенной восточнее только что осмотренного Пацхирского укрепления. Тропа временами спускается прямо к реке, а в конце круто поднимается по оголенному склону вверх. Почва под ногами вся пестрит красными пятнами — обломками древних кувшинов. Внимательный взгляд может выхватить и голубое пятнышко бусины и зеленоватый обломок римского стеклянного со-

суда. Здесь когда-то на параллельных террасах располагались ряды деревянных хижин апсилов, населявших Кодорское ущелье в I—VIII веках н.э. Над поселением на перешейке, соединяющем вершину с окрестными горами, древние зодчие возвели прямоугольную воротную башню. За нею в девяносто метрах вверх по гребню, огражденному с двух сторон стенами и обрывами, видны остатки второй башни, за которой высится еще одна, сохранившаяся на высоту до шести метров. Наружная кладка стен состоит из крупных чисто обработанных квадров известняка с соблюдением рядов в духе самых высоких античных традиций. За башней находится обширный крепостной двор, огражденный стенами, которые охватывают вершину кольцом. Здесь, в буйных зарослях, можно отыскать фундаменты еще одной башни и ряда других построек.

От древних стен по крутым склонам горы спускаются щебенчатые осыпи, насыщенные множеством обломков древней посуды, костей животных. Ручьи на дне ущелий, окружающих Шапку, подхватывают эти обломки и уносят их далеко вниз, к водопадам и заводам, постепенно превращая их в песок и ил. Северо-восточнее крепости за ущельем — холмы с пологими склонами, на которых когда-то располагалось огромное кладбище. С I по VII век здесь было захоронено более пяти тысяч человек. Сотни могил исследованы здесь археологами начиная с 1960 года. В могилах воинов и их жен найдено много глиняной посуды, замечательное железное оружие — мечи, топоры, копья, щиты, масса украшений — ожерелий, фибул-булавок, браслетов, серег...

На вершине одного из холмов расположены развалины небольшой однозальной церкви, исследованной впервые еще в 80-х годах прошлого столетия. С запада к основному залу примыкает придел. Стены церкви облицованы гладко обработанными известняковыми плитами. В ее развалинах было найдено много покрытых резьбой плит, среди которых особенно интересны фрагменты двух разновременных алтарных преград. Две плиты, относящиеся к VIII веку, украшены барельефными сюжетными изображениями преимущественно на ветхозаветные и евангельские темы, среди которых «Богородица с младенцем», «Распятие», «Воскресение», «Крещение», «Жертвоприношение Авраама». Другие плиты с растительным и геометрическим орнаментом датируются XI веком. В XIV веке западный фасад храма украшен массивным резным каменным крестом. Судя по конструктивным особенностям

памятника он относится ко времени не ранее XI века. Тогда сюда из развалин другого, более значительного по размерам храма, построенного поблизости примерно в конце VIII века и уже разрушенного, была перенесена алтарная преграда с сюжетным изображением. Позже площадка вокруг храма была обнесена каменной стеной с воротами. Храм этот в литературе носит обычно имя Вороновского, по названию расположенной вблизи усадьбы Вороновых.

В 1874 году здесь обосновался Николай Ильич Воронов, сподвижник А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и Н. Г. Чернышевского, узник Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в 1862—1863 годах, крупный ученый и журналист, председатель Кавказского отдела Русского географического общества, редактор-издатель газеты «Кавказ» конца 60—70-х годов XIX столетия. В 1903—1918 годах имение Н. И. Воронова, известное под названием «Ясочка», по инициативе его вдовы А. К. Вороновой и дочери Л. Н. Вороновой, члена партии большевиков с 1903 года, стало «почтовым ящиком» революции, важным конспиративным каналом связи между Петербургом и Закавказьем, первым подпольным «домом отдыха» в истории российского освободительного движения. В то время усадьба включала в себя одноэтажный четырехкомнатный деревянный дом с двумя балконами постройки 1886 года, двухкомнатный каменный флигель с верандой и подвалом постройки 1881 года, отдельно стоящее здание, в котором находились кухня, столовая и кладовая и довольно многочисленные службы, окруженные громадным садом с абхазскими яблонями и грецким орехом, аллеями из тополя и платана, многочисленными редкими растениями, цветами, семена которых получались из Европы. В настоящее время от усадьбы сохранился лишь дом постройки 1886 года в тени огромного ясеня, посаженного «на память» скрывавшимися здесь большевиками в 1907 году. В доме сохранена мебель, книги тех времен. К усадьбе можно попасть по проселочной дороге со стороны села Октомбери (бывш. Ольгинское), расположенного на семнадцатом километре Военно-Сухумской дороги.

Приблизительно в четырех километрах западнее Октомбери находится слияние двух ручьев, образующих реку Малая Мачара. Здесь на высоком холме хорошо сохранилась церковь, построенная в конце XIX — начале XX столетия. Белокаменное здание ее с примыкающей колокольней украшено красными куполами. Она была

возведена здесь, на территории бывшего села Полтавского, на средства одной монахини, собравшей их во время многолетних скитаний по России. Церковь на зеленом фоне абхазских гор являет собой живописное зрелище.

Неподалеку, в тенистом лесу, прячутся развалины храма XI—XII веков, состоящего из небольшого зала и примыкающего к нему с востока алтарного полукружия с двумя нишами. С запада видны остатки притвора, с юга же к церкви примыкает усыпальница, перекрытая каменным сводом. Стены памятника облицованы мелкими блоками, изнутри оштукатуренными; сохранились следы фресок. Храм обнесен каменной оградой, за пределами которой видны фундаменты еще каких-то строений. При раскопках в храме найдено большое число украшенных резьбой камней, а также бронзовые подсвечники, серебряные позолоченные оклады икон с грузинскими надписями XII века, керамические изделия.

От села Октомбери шоссе направляется к Цебельде. В ее окрестностях немало интересных памятников. Мы рекомендуем посетить два — крепости Цибилиум и Ахысту.

Путь к Цибилиуму, от которого, как чувствует и сам читатель, происходит современное название Цебельды, ведет по проселочной дороге, мимо здания армянской средней школы, мимо кукурузных и табачных полей. Меньше четырех километров отделяет центр села от живописных развалин огромной крепости, расположенной на двух известняковых утесах, за которыми скрывается 400-метровая глубина Кодорского ущелья. Дорога выводит сначала к небольшому роднику, а затем через выемку в гребне скалы, где в древности находились ворота, на обширную поляну. Отсюда на возвышении хорошо видна линия внешних оборонительных стен, заросших вековыми деревьями и протянувшихся в длину по фасаду на 350 метров.

В западной части крепости белеет 16-метровая башня, сложенная из крупных гладко обработанных известняковых блоков ровными рядами. Башня имела небольшое помещение, из которого в сторону реки выходило большое окно с арочным перекрытием. Узкие каменные лесенки вели на верхнюю дозорную площадку. В полу помещения сохранился небольшой склад с каменным сводом. На первом утесе кроме этой башни можно увидеть также остатки еще одной квадратной башни, развалины двух параллельных стен, из которых внутренняя стена сохранилась на высоту до шести и в толщину до трех

*Цельда.
Крепость Цибилуум.
Юго-западная башня.
IV—V вв.*

метров. На вершине утеса расположены руины храма и небольшого прямоугольного строения XIV—XVII веков.

Второй утес выше первого. Подойдя к краю 100-метрового обрыва, можно далеко внизу, в просвете между вечнозелеными ветвями тисса, увидеть мутные воды Кодора; высоко в небе парят орлы, гнездовья которых находятся в скалах под крепостью. Древние стены здесь сохранились очень хорошо, а их толщина достигает местами 3,2 метра. Большая квадратная башня соединялась с крепостным двором с помощью прохода, позже заложенного. Изнутри к стенам крепости примыкают несколько строений, среди которых особенно интересна прямоугольная цистерна, облицованная обожженной глиной. На вершине утеса видны развалины еще одного храма и большая естественная трещина в скале, частично облицованная тесаным камнем.

А. А. Миллер писал о нем в 1907 году: «Здесь случайно были открыты развалины древнего храма и из мусора

*Цебельда.
Крепость Цибилуум.
Крепостная стена.
IV—V вв. Фрагмент*

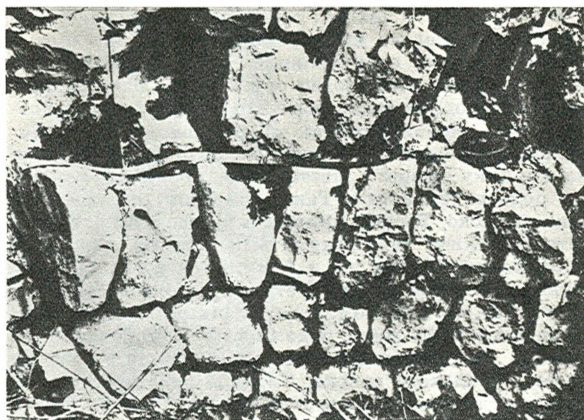
извлечены несколько фрагментов фресок, камень с рельефным изображением креста, дно медной кадьницы, осколки арабских стеклянных сосудов, кусок поливной глиняной тарелки. Открытый храм стал почитаемым у местного армянского населения. На жертвенник ставили восковые свечи, приносили в жертву петухов, яйца, на кусты у алтаря вешали ленты и куски пестрой материи». Прошло 70 лет, а этот обычай сохранился — свежие следы жертвоприношений и теперь может увидеть турист в развалинах церкви.

У византийского историка Прокопия Кесарийского сохранились любопытные сведения о событиях персо-византийских войн, захвативших в VI веке и территорию Абхазии. «В этой стране, — сообщает историк, — есть крепость в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибилу. Один из знатных людей у лазов, по имени Тердет, который носил у этого народа название так называемого «магистра», поссорившись с царем ла-

зов Губазой и став его врагом, тайно вошел в соглашение с персами, что передаст им укрепление. Приведя с этой целью войско персов, он отправился в Апсилию для выполнения этого замысла. Когда они были близко от крепости, Тердет с сопровождавшими его лазями, поехав вперед, оказался в укреплении, так как те, которые сторожили эту крепость, не имели никакого основания не доверять начальнику лазов и поэтому не проявили к нему никакой подозрительности. Таким образом, подошедшее персидское войско Тердет принял в укреплении. Вследствие этого мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии. Ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры и теснимые войском мидян, не могли послать помощи апсильцам. У начальника этой крепости была жена, родом из Апсилии, очень красивая лицом. В эту женщину внезапно безумно влюбился начальник персидского войска. Сначала он старался соблазнить ее, когда же он увидел, что не имеет успеха, то без всякого колебания он применил насилие. Приведенный этим в яростный гнев, муж этой женщины ночью убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление, оказавшихся невинной жертвой страсти их начальника, и сам завладел укреплением. Вследствие этого апсилы и отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощь, когда они подверглись насилию со стороны персов. Но Губаз послал им тысячу римлян под начальством Иоанна, сына Фомы... многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов. Вот чем кончилось дело у апсилов по поводу крепости Тзибилы».

От центра Цебельды направимся в сторону села Азанта. Шоссе ведет по дну сухого ущелья, склоны которого поросли лесом и самшитом. Вот и перевал Куабчара. Слева, наверху, у основания скальной гряды, находится пещера, служившая жилищем местному населению в раннем мезолите — около десяти тысяч лет назад. Раскопки, здесь проведенные, выявили множество кремневых орудий.

Вправо от перевала, круто вверх, к вершине горы Ахыста, по гребню, уходит еле заметная тропа. Вскоре сквозь заросли начинают проглядывать древние стены, которые тянутся вокруг вершины в длину на 350 метров. Их облицовку образуют плохо соблюдаемые ряды мелких известняковых блоков. В восточной части огромный навал грубообработанных плит скрывает фундаменты восточной,

*Крепость Ахыста.
V—VII вв. Фрагмент*

воротной башни. Примыкающая к ней северо-восточная часть стены несет на себе следы искусственных разрушений — проломы, словно от стенобитных орудий. Скорее всего это следы штурма крепости арабами в начале VIII века. В западной стене обвалившаяся облицовка обнажила тайник — небольшое помещение со сводчатым потолком. В густых зарослях, покрывающих вершину и склон горы восточнее крепости, можно видеть развалины древних фундаментов, валы и множество фрагментов древней посуды.

Азанта — очень древнее село. В ледниковую эпоху в разных местах долины возникали небольшие стоянки охотников, которые обнаруживают себя скоплениями кремневых орудий.

Большой достопримечательностью села являются дольмены, расположенные вблизи Амткельского озера. От проселочной дороги вблизи здания начальной школы тропа уводит в сторону зарослей, из которых выступают

*Азанта.
Большой дольмен*

известняковые стены и козырек крыши самого высокого на Кавказе дольмена. Его высота вместе с верхней и нижней плитой составляет 3,4 метра; ширина фасадной плиты — 2,4, высота ее — 2 и толщина — 0,5 метра. К боковым стенам снаружи для устойчивости прислонены обломки скал; в фасадной стене видно отверстие, через которое когда-то вносили внутрь кости умерших. При раскопках в дольмене было найдено большое число бронзовых предметов и глиняных сосудов. Рядом видны плиты еще нескольких гробниц.

Южнее дольменов, рядом с дорогой, сохранились развалины средневекового храма, а в канавах рядом видны остатки погребений апсиллов. В нескольких погребениях найдены глиняная посуда, железные топоры и мотыги, серебряные серьги, бронзовые браслеты и булавки, относящиеся к III—VI векам н. э.

Еще южнее, на вершине продолговатой горы Бат, круто обрывающейся в ущелье Амткела, расположена

крепость V—VI веков. Небольшая площадка со следами древних фундаментов окружена стенами с возвышением в западной части, скрывающим квадратную воротную башню. Вот все, что можно здесь увидеть. Ниже крепостной стены, к юго-востоку от нее, на пологом склоне длинными продольными ступенями спускаются сложенные из камня насухо террасы, на которых когда-то располагались деревянные хижины, хозяйственные постройки. С запада территория поселения защищена стеной, сложенной из крупных известняковых обломков насухо. Почти на 200 метров протянулась через лес древняя просека, вдоль которой идет вал шириной 3—4 метра и теперь достигающий 1,5 метра высоты.

Возвратимся на Военно-Сухумскую дорогу. От Цебельды она забирает слегка вверх, перерезает склоны горы Ахысты и спускается в ущелье Джампала. У крутого поворота в тени лип видны развалины построенной в 1837 году царскими войсками крепости, в которой служили многие декабристы. Отсюда писал свои последние письма А. А. Бестужев-Марлинский. Вот и железный мост через Джампал, построенный в самом начале века лесопромышленниками Максимовыми. Вправо под скалу уходит дорога. Над нею чернеет на фоне красноватых скальных стен арка грота, в котором люди селились более тридцати тысяч лет назад. Три-четыре километра идем по замечательно красивому каньону через самшитовые заросли, которые отделяют мост от слияния Джампала с Кодором — крупнейшей абхазской рекой. Над этим мостом скалу глубоко прорезала трещина. Из ее глубин в жаркую пору тянет прохладным воздухом. Это Холодный Грот, в котором Л. Н. Соловьевым исследована замечательная стоянка мезолитической эпохи. Восемь-десять тысяч лет назад здесь обосновалась небольшая группа людей. Обнаружено огромное число кремневых орудий, кости животных и человека, первые каменные мотыги, украшения, узоры на камнях...

Жители грота для защиты от диких зверей, и в первую очередь от пещерного медведя, соорудили из обломков известняка стенку, перегородившую вход. Это древнейшее из известных сооружений Абхазии.

По висячему мосту можно перейти на левый берег Кодора в урочище Амзара, где расположена небольшая однозальная церковь, сохранившаяся полностью, включая каменный свод, который поддерживает две пары выступающих из стен пилястр. В алтарной части видны две ниши и узкое окно, снаружи совершенно заросшее

кустарником. В храм можно войти через две двери — с запада и юга. Перед западным входом угадывается какой-то фундамент. Полянка вокруг храма ограждена каменной стеной с остатками ворот.

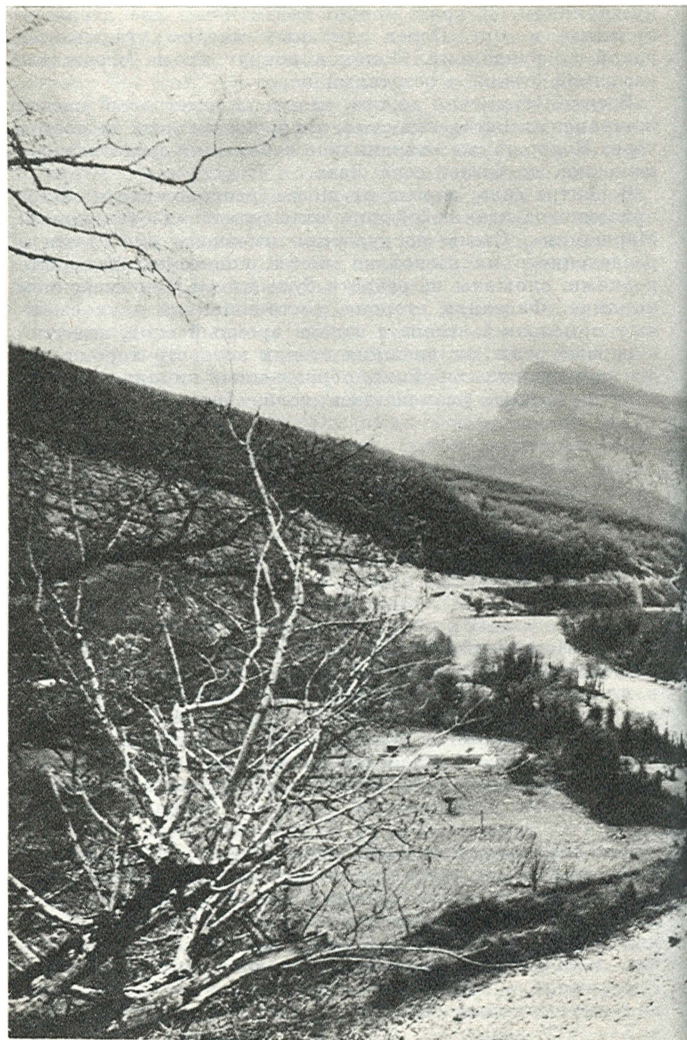
Военно-Сухумская дорога, минуя километровый каскад живописных Багадских скал, напротив которых за мостом через Кодор также сохранилась небольшая средневековая церковка, достигает села Лата.

В центре села, справа от шоссе, расположено длинное приземистое здание, обычно называемое «дворец князей Маршания». Стены сооружения, имевшего два этажа и разделенного на несколько частей поперечными перегородками, сложены из речного булыжника с применением кирпича. Фасадная сторона, состоявшая из двух смежных помещений, имела с запада арочный вход, ведущий в первый этаж, во внешних стенах которого хорошо виден ряд пушечных бойниц, обрамленных кирпичом. Здесь, судя по всему, размещалась целая батарея небольших

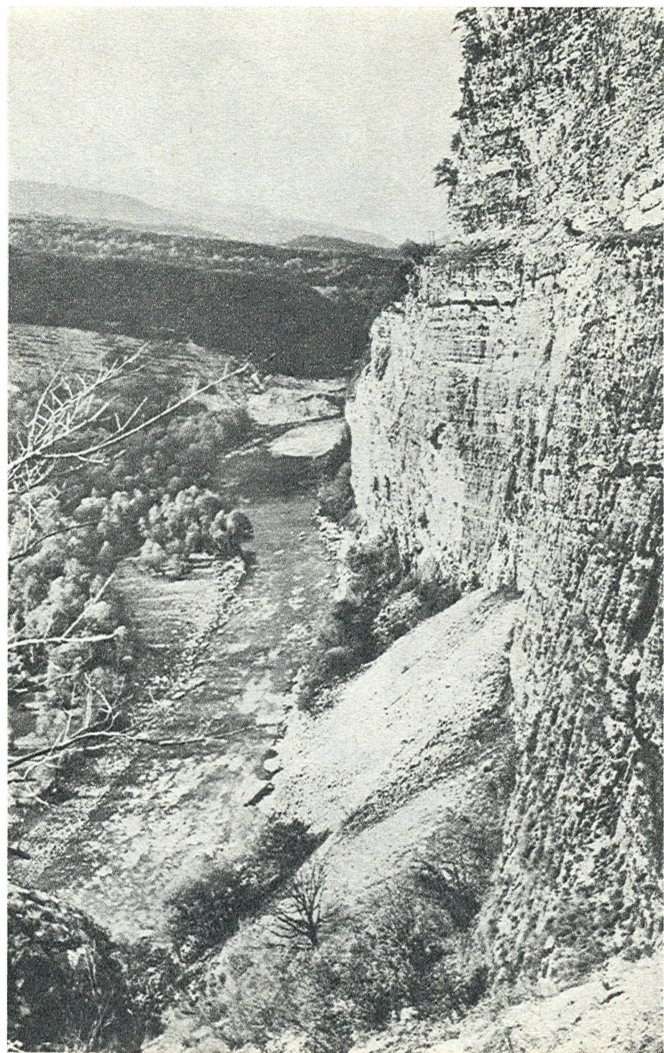
*Река Кодор
у Багадских скал
→*

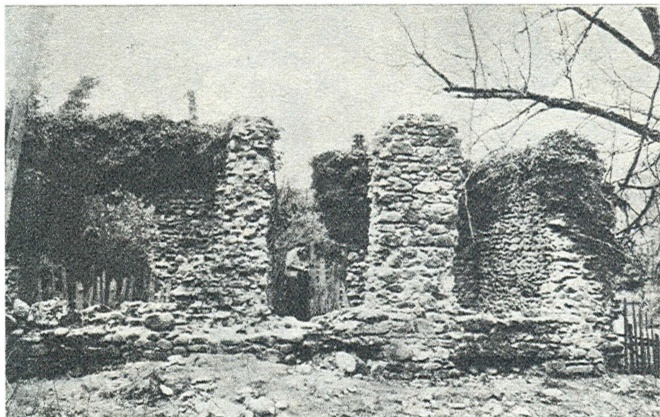
пушек. Помещения второго этажа освещались с помощью широких оконных проемов. Конструкция стен и бойниц и план здания свидетельствуют о том, что это не местная постройка, а укрепление — казарма, построенная царскими войсками в середине XIX столетия. Впоследствии она использовалась под жилье местным князем Баталом Маршания, могила которого, украшенная орнаментированными мраморными плитами, находится поблизости.

В километре к северу от центра села, в глубине небольшого ущелья, на утесе, выше живописного водопада, хорошо видна с тропы древняя крепость, стена которой сложена из грубообработанных плит известняка. Никаких башен или других дополнительных построек здесь нет, кольцо стен охватывает вершину с трех сторон, с четвертой — обрыв. Судя по найденным здесь обломкам керамических изделий, крепость функционировала в XI—XIV веках.

Багадские скалы

*Верхняя Лата.
«Дворец князей Маршания».
середина XIX в.*

В поселке Верхняя Лата на левом берегу Кодора, куда нужно перейти по всяческому мосту, находится небольшая средневековая церковь. Из зарослей ольхи, посреди широкой террасы, выступают северная и восточная стены здания, имевшего один небольшой зал с алтарным полукружием, в котором сохранились окно, две ниши, а вверху несколько кувшинов-голосников. Давно обрушившийся коробовый свод поддерживался арками, опиравшимися на пилястры, выступающие из стен. В храм вели два входа — с запада и севера. Вокруг видны остатки каменной ограды, вблизи которой лежит большой песчаниковый валун. На нем, вероятно в магических целях, лет 150 назад высечены изображения человеческих рук и нанесены надписи арабской вязью.

Двадцать километров отделяют центр Латы от села Чхалта, расположенного у слияния двух больших горных рек — Чхалты и Кодора. Здесь особый интерес представляют развалины раннесредневековой крепости, зани-

мающей живописный мыс, возвышающийся над дорогой. Верхняя площадка скалы окружена крепостными стенами, местами сохранившимися на высоту до 10 метров; они наращивают естественный обрыв. На площадке видны руины нескольких зданий. Среди них особо выделяется 5-метровая прямоугольная башня, к которой примыкает ряд помещений, идущих вдоль северной стены. Напротив видны руины прямоугольного здания, облицованного тесаным известняком и туфом.

Нижний ярус стен охватывает площадку к западу и югу от подошвы скалы, увенчанной стенами верхнего яруса. Здесь видны остатки ворот, а также нескольких построек. Стены возведены из грубообработанных блоков местного камня (габбро).

Обломки древней посуды позволяют отнести время строительства основных сооружений крепости к раннему средневековью (IX—X вв.). Отмечены здесь следы и более поздних переделок и построек. В начале века в крепости

Верхняя Лата.

Храм. XIII—XIV вв.

Окно алтарной части

←

была найдена золотая византийская монета Юстиниана I (527—565).

От Чхалты шоссе ведет через Ажару к высокогорному селу Генцвиш. Вблизи дороги справа и слева на холмах ряд небольших и сильно разрушенных древних храмов и крепостей.

Дорога пересекает сначала Кодор, а затем вскоре его восточный приток Сакен, в глубине ущелья которого можно осмотреть несколько памятников.

В центре сванского поселка Сакен, на краю небольшой террасы, к северу от дороги, сохранились развалины небольшой средневековой зальной церкви, стены которой сложены из крупных грубообработанных блоков местной вулканической породы. В зал, перекрытый коробовым сводом, опирающимся на арки из туфовых блоков, вел единственный вход с запада. В развалинах храма местные жители находили обломки жерновов, железные крепости. Они связывают его с именем Святого Георгия и еже-

годно в день этого святого собираются здесь, режут козла, пьют вино.

Второй древний храм находится на северо-восточной окраине села на высоте около 1600 метров над уровнем моря.

Это самый «высокогорный» храм Абхазии. По своей конструкции он аналогичен первому, но больше по размерам. В кладке стен и свода его также использованы блоки из местного известнякового туфа.

Уникальным по своей конструкции памятником является циклопическая крепость, расположенная к востоку от села, вблизи озера. Ее стены, возведенные насухо из крупных глыб и обломков скалы, тянутся через вековой пихтовый лес в длину на 260 метров, сворачивая к северу и замыкаясь в «петлю». Их ширина составляет 4 метра, высота достигает 2,5 метра. Дополнительные стены такой же кладки прослеживаются по краю вершины еще на 160 метров. В центре «петли» на возвышенном месте находится небольшое квадратное помещение, от которого вниз по склону лучами расходятся каменные валы. Здесь, по-видимому, находился языческий жертвенник. Трудно пока объяснить, зачем понадобилось сооружение этой крепости, потребовавшей огромного труда. Но можно предполагать, что предназначалась она прежде всего для укрытия скота, который перегоняли жители низин к высокогорным пастбищам. Время постройки ее, скорее всего, приходится на раннее средневековье.

Вернемся в последний раз на Военно-Сухумскую дорогу и пройдем по ней еще несколько километров вдоль левого берега бурной горной речки Клыч. Здесь на небольшом холме, слева от дороги, расположены развалины еще одной раннесредневековой крепости. В плане Клычская крепость имеет форму неправильного четырехугольника.

Стены ее облицованы обработанными блоками местного камня на прочном известковом растворе, укреплены башнями и контрфорсами. Одна из башен имела когда-то каменный свод. Восточнее ее сохранились крепостные ворота, имевшие арочное перекрытие. Внутри стен, в зарослях лавровишни и падуба, заметны фундаменты нескольких сооружений, среди которых выделяются развалины, своей конфигурацией напоминающие христианский храм.

Крепость наиболее доступна с востока, поэтому здесь в древности был вырыт глубокий ров и вдоль него насыпан вал. На валу подобрано бронзовое кольцо с пе-

телькой, характерное для уздечных наборов VIII—IX веков. Крепость эта служила важным форпостом против возможных проникновений врагов с Северного Кавказа на территорию Абхазского царства.

Древняя дорога по берегу Клыча мимо пенистых водопадов, минуя скопление уютных деревянных домиков турбазы «Южный приют», через альпийские луга и снежники поднимается к перевалу.

6. По высокогорной Абхазии

...на всех горах Абхазии... можно
видеть оригинальные сооружения...

Н. М. Альбов

Широко раскинулись известняковые массивы абхазских гор. Поднимаются в синеву небес причудливые скалистые вершины, оставляя далеко внизу лесистые склоны. Узкие тропы ведут вдоль осыпей и скал к перевалам. На каждом шагу смельчака подстерегает здесь опасность — лавины, обрывы и густые туманы, ливни с градом и снегом и безводие, изнуряющая жара и внезапный пронизывающий холодом порыв ветра, неожиданная встреча с медведем или случайно потревоженная гадюка...

Среди разнообразных и интересных легенд, которые можно услышать из уст народных сказителей Абхазии, особое место занимает предание об ацанах — мифическом племени карликов, некогда якобы заселявшем этот край и оставившем после себя в альпийской зоне абхазских гор лишь развалины каменных жилищ и оград — ацангуары (от абхазского «ацан» — карлик и «гуара» — ограда, забор). Давайте послушаем, что же рассказывает об этих постройках народное предание.

«Некогда в этих оградах жили карлики, принадлежавшие к племени Ацан. Тогда на земле было еще то блаженное время, когда не существовало ни ветра, ни холода, ни дождя, ни снега, ни даже различия между днем и ночью. Солнце вечно сияло на безоблачном небе, а ацанам не было вовсе холодно на этих высотах, которые теперь доступны для жительства лишь в течение трех летних месяцев. Ацаны беззаботно жили здесь со своими стадами, которые паслись на сочной траве нагорных лугов, возле прохладных ручьев, бежавших из подземных

источников. Питались ацаны исключительно молочными продуктами и мясом коз; мясо ели сырым, так как употребления огня не знали. Ацаны были очень нечестивый народ, который совершенно не хотел признавать существование Бога. И вот Бог, разгневавшись на них за их неверие, задумал наказать их. Однажды кто-то из ацанов заметил, что у козла, стоявшего неподалеку на скале, стала пошевеливаться борода, и вслед за этим ацаны почувствовали новое для них ощущение холода. Это был ветер, который послал в первый раз Бог на землю, чтобы наказать нечестивых ацанов. Ветер нагнал черные тучи, которые закрыли от ацанов солнце, и вскоре с неба начали падать белые хлопья ваты, которые и покрыли всю землю. Вслед затем Бог послал с неба огонь, который воспламенил вату и сжег ацанов...».

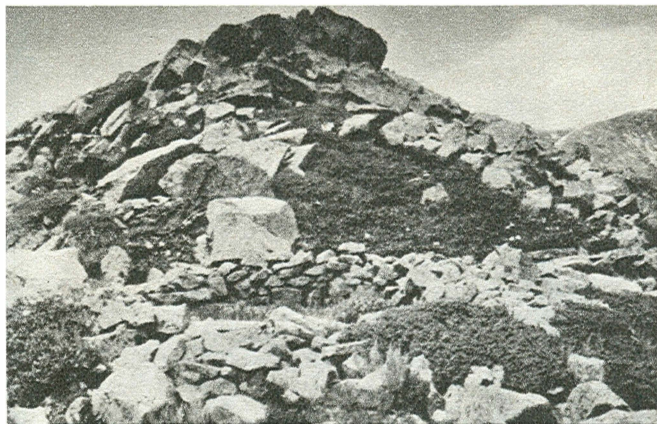
У истоков изучения «оград карликов» был известный русский ботаник Н. М. Альбов, который в 1892 году записал приведенную легенду, а сами постройки трезво сопоставил с деятельностью древних пастухов. В 20-х годах нынешнего столетия археолог М. М. Иващенко высказал мнение, что «ограды карликов» — это памятник культового назначения. Сославшись на античного автора Нимфодора Сиракузского, который утверждал, что «колхи более всего почитают небо и землю», М. М. Иващенко предположил, что ограды эти символизируют солнце, а горы, где они возводились, — небо. Инженер-дорожник Н. И. Квезерели-Копадзе рассматривал эти памятники как снегозащитные сооружения вдоль перевальных путей античной эпохи, возведенные гениохами, — племенами, населявшими в этот период территорию Абхазии. Тот же исследователь не исключал, впрочем, возможности использования «оград карликов» и в качестве военно-оборонительных сооружений. Этнограф Ц. Н. Бжания предполагал, что эти постройки возводились абхазским населением горных ущелий в раннем средневековье. В работах профессора Ш. Д. Инал-ипа эти постройки также связываются с деятельностью древних пастухов, однако он относит начальный этап их строительства к более глубокой древности и предполагает, что в то время, вполне вероятно, Абхазию населяли и какие-то низкорослые племена, наподобие пигмеев в Африке.

Свои выводы все перечисленные исследователи строили исходя из поверхностного осмотра отдельных памятников. Первые же археологические раскопки, начатые автором этой книги в 1970 году, показали, что ни бытующие в

народе легенды, ни приведенные высказывания ученых не раскрывают по-настоящему значения этих построек. Ежегодно осуществляемые исследования позволили выявить и обмерить на обширной территории в несколько тысяч квадратных километров около 500 таких «оград карликов».

Трудны пути к альпийским лугам Абхазии. Часто не менее дня уходит на то, чтобы из зноя субтропиков через густой лес, по тенистым ущельям и крутым скалистым гребням, перейти в царство прохладных травянистых высот. Гигантские пихты остаются позади, кругом панорамы хребтов и вершин с пятнами белых снегов, вдали морские дали, смыкающиеся с небом, а под ногами узенькая извилистая тропинка, которая уходит то вверх, то вниз, куда-то в сторону, неизбежно приводя к роднику, вблизи которого обычно виден и балаган — деревянный пастушеский домик с навесом. Гостеприимные пастухи вынесут вам кружку мацони, кислого молока, и кружок сулугуни, замечательного горного сыра, и, конечно, расскажут, где здесь красивое озеро, где интересная пещера, а где «ограда карликов». Впрочем, и пастухи-абхазы, иногда рассказав легенду о карликах либо выслушав ее от гостей, тут же с веселой ухмылкой добавят: «Никакие это были не карлики, здесь просто раньше тоже пастухи жили».

Основные группы ацангуар — сохраним за ними это название — расположены по верховьям рек и у перевальных путей. Непременным условием их появления была близость воды и леса, а также необходимых строительных материалов. Наиболее значительные комплексы построек обычно возводились вдоль края естественных скоплений и нагромождений крупных и мелких обломков скал, скапливающихся вдоль хребтов под крутыми склонами и обрывами. Основой каждого такого комплекса является жилое каменное сооружение — «дом пастуха», представлявшее собой прямоугольное помещение с полезной площадью от 8 до 20—25 квадратных метров со стенами толщиной до 1,5—2 метров и высотой до 1,5 метров, с узким (до 0,4—0,5 м) входом, перекрытое в древности двускатной или односкатной кровлей. «Дом пастуха» может стоять одиноко, но его чаще окружают различные служебные постройки и загоны, занимающие иногда значительную площадь — до 1500—2000 квадратных метров. В отдельных случаях ацангуары образуют целый поселок — «город карликов», как его называют в народе.

*Ацангуары — жилища
древних пастухов*

*Высокогорные пастбища
в окрестностях Ауадхары*

При постройках жилых помещений применялась кладка насухо — крупные обломки шли в облицовку, более мелкие образовывали толщу стены. Внутри жилища стены обычно строго вертикальны, снаружи они для устойчивости довольно резко расширяются к цоколю. Отборным камнем выкладывались входы в жилища. Фундаменты в ацангуарах отсутствуют, кладка стен начиналась прямо от земли.

Стены хозяйственных пристроек, предназначавшихся для хранения продуктов и инвентаря и для содержания молодняка, сооружались обычно менее тщательно из мелких обломков, в то время как ограды для скота представляли собой ряды больших обломков, достигавших иногда 1,5—2-метровой высоты, что придает этим постройкам очень архаичный, суровый, действительно легендарный облик. Посетим некоторые из этих интересных памятников и посмотрим, чем они отличаются друг от друга.

Со стороны села Аибга из глубокого ущелья реки Псоу лесовозные дороги через густые леса выводят к зеленым, удивительно сочным лугам хребта Ах-аг. Здесь в верховьях реки Беш, вдоль подошвы огромной осыпи из камней и мелких скал, протянулась линия развалин жилых, хозяйственных и заградительных построек. Стены их кое-где сохранились на высоту до двух метров. В одном месте нависла огромная глыба скалы, которую древние пастухи использовали под жилье, возведя каменные стены по контуру защищенного сверху пространства. А рядом видны две глыбы, которые, столкнувшись вершинами, образовали глубокую нишу. И здесь тоже поработали древние строители, возведя дополнительную стену с узким входным проемом.

От высокогорного курорта Ауадхара — удобная шестикилометровая тропа сначала через лес, а затем по альпийскому лугу приводит к одному из красивейших высокогорных водоемов Абхазии — озеру Мзи. В несколь-

ких сотнях метров восточнее озера, на обширной террасе, у основания опускающегося по склонам естественного нагромождения скал и осыпей, расположен один из крупнейших в Абхазии «городов карликов». Более десятка каменных жилищ соединены здесь между собой сетью оград, иногда образующих террасы по склону. Общая длина всех стен поселения — до двух километров. Жилые здания сложены из крупных обломков камня насухо. В помещения ведут узкие входные проемы. Изнутри у входа располагалось кострище, глубже у стен были деревянные нары, где ночевали пастухи. В одном из жилищ, в щелях между камнями, образовавшими вход, были обнаружены застрявшие там наконечники стрел. По виду и месту нахождения этих стрел можно сказать, что приблизительно в IX веке жилище подверглось нападению и обстрелу. Это столкновение, возможно, было вызвано тем, что хозяин жилища подозревался в угоне скота соседней пастушеской общины, представители ко-

торой затем явились сюда для восстановления справедливости.

Еще один интересный «городок карликов» расположен на выжженных солнцем склонах горного массива Рихва. Путь туда ведет от шоссе, соединяющего Рицу с Ауадхарой, сначала по лесовозной дороге, а затем по крутой тропе вдоль ручья, где буйные заросли папоротника и тучи комаров долго преследуют путника. Особенностью древних жилых построек Рихвы является массивность стен, достигающих толщины 2—2,5 метра. Узкие входные проемы в них оформлялись огромными поставленными вертикально плитами, достигавшими высоты 1,5—1,8 метра. Жилые здания окружены сетью оград, ярусами опускающихся по склонам.

Раскопки в ацангуарах выявили, что толщина культурных отложений внутри жилых помещений не превышает 15—20 сантиметров. По многочисленным керамическим фрагментам можно судить об ассортименте посуды, которой пользовались древние пастухи. Это пифосы (крупные хозяйственные сосуды), одноручные кувшины, миски, кухонные горшки различных размеров. Особенное распространение в горной зоне имела так называемая «скотоводческая» посуда, которая изготовлялась из глины с примесями (толченый известняк, раковины, мелко нарезанная солома и т. д.), выгоравшими при обжиге. При этом стенки сосудов становились пористыми, что вызывало повышенную испаряемость их содержимого и тем самым способствовало длительному хранению молочных продуктов. Все перечисленные формы изделий были широко распространены на территории Абхазии в раннем средневековье (VI—X вв.) На ту же общую дату указывают и найденные в ацангуарах железные ножи, наконечники стрел, кресала для высекания огня, гвозди и другие находки, а по выявленным здесь костям удалось восстановить состав стад, которые перегонялись в ту пору летом из долин в горы, — это коровы, козы, бараны, лошади, то есть все то, что и сейчас образует культурную фауну абхазских высокогорий.

Большое число монументальных высокогорных пастушеских сооружений, подобных которым на Западном Кавказе не возводилось вплоть до начала текущего столетия, отражает важный переломный этап в общественно-экономическом развитии местного населения. Утверждение новой, более прогрессивной специализации хозяйства входило в комплекс важнейших предпосылок, обеспечивших возникновение и расцвет первого на этой террито-

рии государства — Абхазского царства VIII—X веков, созданного на основе княжества абазгов (VI—VIII вв.), ко времени которого и относятся древнейшие из известных «оград карликов». Затем центр государственности переместился на восток. Абхазия превратилась в провинцию Грузинского государства. Это повлекло за собой упадок местного отгонного скотоводства. В XII—XV веках народные представления о многочисленных постройках в высокогорьях Абхазии как о жилищах пастухов были полностью изжиты, а взамен создан миф о карликах, занимавшихся строительством оград.

Теснейшим образом с раннесредневековыми пастушескими поселениями связано укрепленное городище в высокогорном селе Псху, куда до недавнего времени можно было попасть лишь вертолетом либо по многочисленным тропам через перевалы; теперь туда построено шоссе со стороны Ауадхары. На этом городище когда-то зимовали пастухи, которые летом занимали ацангуары на склонах окрестных гор.

Развалины крепости находятся на оконечности высокого мыса, образованного слиянием рек Бавю и Бзыбь. Огороженное стенами пространство представляет собой ровную площадь размером до полутора гектаров, покрытую густым буковым лесом. Стены, хорошо сохранившиеся с севера, востока и запада, возведены из местного камня панцирной кладкой на прочном известковом растворе. Ворота шириной до 1,4 метра имели снизу каменный порог на уровне выступающего цоколя стены и охранялись сторожевой башней. В восточной части двора видны развалины ряда сооружений, среди которых отметим храм, стены которого возведены из камня и кирпича, а кровля, судя по разбросанному вокруг обломкам, имела черепичное покрытие. Множество черепков больших и малых кувшинов, мисок, горшков, полностью совпадающих по форме и орнаментации с посудой в ацангуарах, а также фрагменты изделий из камня, металлические шлаки, бусы, кости животных покрывают поверхность почвы внутри крепостных стен, свидетельствуя об интенсивной жизни поселения в VIII—X веках.

С юга над Псху нависает гора Серебряная, за которой тянутся гребни Бзыбского хребта. На склонах также лежит большое число древних пастушеских построек. Но, пожалуй, наиболее интересны здесь несколько средневековых жертвенников-святилищ, расположенных вблизи перевалов.

В языческих верованиях средневековых абхазов видное место занимал культ горных духов, от которых, как полагали, в значительной мере зависели безопасность, благополучие и удача пастухов, охотников и путников в горах. Местом обитания этих духов считались высокие труднодоступные вершины. И в тех местах, где опасности горного путешествия были особенно реальны, возникали жертвенники, где путники старались умиловить горных духов, призвать их к себе на помощь. Проходя мимо этих священных мест, они должны были совершить здесь жертвоприношение, оставить какую-нибудь личную вещь. Так возник и замечательный средневековый жертвенник на вершине горы Напра (2300 м над уровнем моря), расположенной в западной части Бзыбского хребта.

На Западном Кавказе первым такие памятники упоминает в своих воспоминаниях русский офицер Ф. Ф. Торнау (Торнов), который в 30-х годах XIX века видел на одном из западнокавказских перевалов (Капшистра) скалу, посвященную духам гор. К ее вершине, увенчанной небольшой, в несколько квадратных метров, площадкой, вели ступени, высеченные в граните. Посреди площадки находилось котлообразное углубление, до половины заполненное древними монетами, ржавыми железными наконечниками стрел, кинжалами, пистолетными стволами, пулями, женскими застежками и кольцами. Абхазы-проводники принесли здесь в жертву горным духам нож, огниво и несколько пуль, а Ф. Ф. Торнау вынужден был бросить туда несколько бронзовых монет.

Н. М. Альбов упоминает три таких жертвенника на перевалах Дзина, Химса и Ачавчар. «Жертвенники эти, — писал он, — состоят из нескольких сложенных в виде четырехугольника камней. Сюда каждый переваливающий через хребет обязан положить какое-нибудь приношение Духу Гор, который иначе пошлет ему на дороге туман или снежную вьюгу. Приношения эти бывают самого разнообразного характера. Обыкновенно кладут пули, деньги, какое-нибудь ненужное оружие, женщины — пуговицы, ножницы, лоскутки... Никто из спутников не смеет присвоить себе какую-либо из находящихся на жертвеннике вещей под страхом неминуемого наказания свыше. Описываемые жертвенники принадлежат, очевидно, глубокой древности, так как на некоторых из них в груде накопившихся веками приношений находятся между прочим железные наконечники стрел и копий...».

*Жертовник
на горе Напра*

Подобные жертвенники, называемые абхазами «места, где лежат стрелы», известны и в других пунктах абхазских высокогорий (ущелье реки Бзыби, урочище Хабью и др.), а также в Верхней Сванетии.

В августе 1975 года В. Б. Левинтас, С. З. Лакоба и автор этих строк совершили трудное восхождение на вершину Напра и произвели там детальное исследование жертвенника, представляющего собой прямоугольное двойное помещение, стены которого возведены насухо из обломков известняка на высоту до полутора метров и в ширину до одного метра. По своей планировке памятник не отличается от обычных ацангуар, но все внутреннее пространство его основного помещения площадью около 6 квадратных метров оказалось заполненным многочисленными железными наконечниками стрел, образовавшими слой толщиной до 40 сантиметров. В сплошном навале этих наконечников изредка попадались серебряные средневековые монеты, железные кресты, сер-

доликовые бусы, жертвенные глиняные сосуды, кости животных и другие вещи.

Общее число железных наконечников стрел, собранных в течение столетий в Напринском святилище, превышает 15 тысяч экземпляров. Целую армию можно было бы снабдить колчанами, наполненными этими стрелами! Все наконечники имеют черешок для насадки на деревянное древко и по форме пера разделяются на плоские и граненые. Стрелы с узким массивным граненым острием предназначались для пробивания кольчуг и брони, широкоперые же плоские наконечники использовались против незащищенного противника. Среди последних, в зависимости от их функционального назначения и времени использования, выделяются многие разновидности — ромбические, секторовидные, лопаточковидные, тупоугольные, листовидные, которые в своем большинстве появились в Восточной Европе вместе с татаро-монгольскими ордами хана Батыя в первой половине XIII века. Наиболее крупные использовались для стрельбы по коням врага.

В жертвеннике довольно много было и двурогих наконечников, употреблявшихся обычно в охоте на птиц, но встречавшихся и в колчанах воинов. Один наконечник имел специальное полое утолщение с отверстиями — на лету стрела с таким приспособлением со свистом рассекала воздух, пела. Сюда же относятся несколько конических наконечников стрел, изготовленных из отростков оленьих рогов, использовавшихся в XI—XIV веках для охоты на лаящего по деревьям пушного зверя, и вставные костяные ушки стрел, орнаментированные кружочками.

Лук и стрелы играли огромную роль в военном и хозяйственном быту абхазов до XIX столетия. В средневековых источниках многократно упоминаются абхазские лучники. В одной грузинской редакции иранского любовно-рыцарского романа XI века «Висрамиани» сказано о красоте ресниц героини следующее: «Ее ресницы искусству пользоваться луком и стрелой научились у абхазов».

Генуэзец Георгий Интериано в начале XVI века, описывая быт и нравы черкесов — северных соседей абхазов, — писал: «Каждый день они сами делают свои стрелы, даже когда сидят на лошади, и в целом мире нет таких стрел, которые хватили бы так далеко и имели бы столь закаленное острие». Еще в первой половине XIX столетия у горцев Западного Кавказа лук непременно

входил в состав тех предметов, которые обычно давали в качестве выкупа за жену. А в начале XX столетия абхазы использовали лук и стрелы при ловле форели в горных реках.

В жертвеннике на горе Напра было найдено около десятка грубообработанных железных крестов, имеющих округлые расширения на трех коротких концах, а четвертый, нижний конец представляет собой острие, предназначенное для насадки на деревянное древко. Такие кресты стояли обычно в священных рощах, считавшихся у абхазов неприкосновенными и заменявших им храмы.

Такое смешение древних языческих и христианских верований было характерно для народов Западного Кавказа особенно в позднем средневековье. Известный путешественник второй половины XVIII столетия Яков Рейнегг сообщал, что «в первых числах мая месяца абхазы собирались в густом и мрачном священном лесу, деревья которого считались неприкосновенными из боязни оскорбить высшее существо. В этой роще, около большого железного креста, жили пустытники, собиравшие с народа значительные пожертвования за молитвы свои о здравии и преуспевании дел и предприятий приносителей. Все приходившие в рощу приносили с собой деревянные кресты, которые ставились потом повсюду, где была зелень, и знакомые, встречаясь в лесу, обменивались этими крестами в знак дружбы».

Древние жертвователи оставили на Напре более двух десятков серебряных монет. Абсолютное их большинство относится к местным подражаниям монете, чеканившейся в Трапезундской империи в XIII—XIV веках. На них хорошо сохранились изображения трапезундских царей и покровителя этой империи — Святого Евгения, надписи, различные знаки, в том числе шестиконечная звезда — «печать Соломона».

Очень интересна глиняная посуда, найденная в жертвеннике, — обломки кувшинов с росписью красной краской, миски и особенно миниатюрные сосудики, предназначавшиеся для какой-то жертвенной пищи, доставленной сюда когда-то для задабривания горных духов. А сердоликовые и пастовые бусы, найденные здесь же, говорят, что в числе посетителей жертвенника в то время были и женщины. Все найденные здесь кости животных оказались принадлежащими козлятам — их приносили в жертву древние пастухи.

Материалы из Напринского жертвенника говорят о том, что духи гор занимали видное место в языческом пантеоне абхазов в средние века (XI—XV вв.) Внешне сохраняя верность христианству и используя его атрибуты (кресты и др.), древние абхазы сразу же, как только вступали на горную тропу, стремились наладить добрые отношения со своими горными языческими божествами путем обильных жертвоприношений, с помощью которых, как им казалось, могли добиться безопасности в горах, успехов в охоте, приплода в своих стадах.

Вместо заключения

Наше небольшое путешествие в мир древней архитектуры Абхазии подошло к концу. Мы проехали вдоль побережья, углубились в горные ущелья, прошли по альпийским лугам. И всюду сталкивались с живописными руинами, оставленными нам в наследство многими столетиями труда человеческого.

В этой небольшой книжке автор попытался показать все многообразие и своеобразие архитектурных памятников Абхазии. Большое число памятников описывается здесь впервые, многие памятники еще не нашли своего настоящего места в истории местной архитектуры, многие еще ждут своего первооткрывателя. Ибо каждый холм, каждое ущелье Абхазии хранят в себе столько тайн, что постигнуть их удастся лишь трудом исследователей и в течение многих десятилетий. Но и то, что выявлено, изучено, выставлено на всеобщее обозрение, настолько впечатляюще, настолько ярко, что для знакомства с ним не жалко тратить ни время, ни силы. Поезжайте же, читатель, в Абхазию, пройдите по ее дорогам и тропам, впитайте в себя все многообразие ее достопримечательностей, среди которых архитектурным памятникам принадлежит далеко не последнее место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в селе Алахадзы Гагрского района. — «Мацне», Тбилиси, 1972, № 3.
- Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. — «Живая старина», Спб., 1893, т. 3.
- Афанасьев К. Н. Собор в Мокве и архитектура Киевской Руси. — В кн.: Памятники культуры и туризм, М., 1968.
- Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. — «Изв. Абхаз. науч. о-ва», Сухуми, 1926, вып. 4.
- Бгажба О. Х. Замок Баграта. — «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973.
- Всеобщая история архитектуры, т. 3. Л.—М., 1966.
- Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
- Воронов Ю. Н. Древности Военно-Сухумской дороги. Сухуми, 1977.
- Воронов Ю. Н. Келасурская стена. — «Сов. археология», М., 1973, № 2.
- Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. — «Сов. этнография», М., 1973, № 6.
- Воронов Ю. Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). — «Мацне», Тбилиси, 1975, № 3.
- Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
- Закарая П. П. Позднефеодальные крепости Мегрелии. — «Вестн. Гос. музея Грузии», Тбилиси, 1970, вып. 26-В.
- Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. (Ист.-этногр. очерки). Сухуми, 1965.
- Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
- Кавелин (Архимандрит Леонид). Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, т. 1—2. М., 1885 — 1888.
- Кация А. К. Илори. Сухуми, 1963.
- Леквинадзе В. А. Гантиадская базилика. — «Сов. археология», М., 1970, № 3.
- Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. — «Сов. археология», 1966, № 1.
- Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. — «Вестн. древней истории», М., 1970, № 2.

- Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта. — «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», М., 1968, № 113.
- Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости. — «Вестн. Гос. музея Грузии», Тбилиси, 1968, вып. 25-В.
- Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.
- Пачулия В. П. В краю Золотого руна. М., 1968.
- Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968.
- Пачулия В. П. Легенды лазурного берега. М., 1973.
- Северов А. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1974.
- Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. (Археол. экскурсии). — В кн.: Материалы по археологии Кавказа, М., 1888, вып. 2
- Стражев В. И. Руинная Абхазия. — «Изв. Абхазского науч. о-ва», Сухуми, 1925, вып. 1.
- Трапш М. М. Памятники средневековой Абхазии. — В кн.: Трапш М. М. Труды, т. 4. Сухуми, 1974.
- Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. — Материалы по археологии Кавказа, М., 1894, вып. 4
- Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. Тбилиси, 1971.
- Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар). — В кн.: Сборник материалов по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.
- Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия). — «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», М., 1972, № 132.

Фотографии выполнены В. Б. Левинтасом;
фотографии № 19, 34, 35, 37, 39 выполнены
Д. С. Смирновым.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНОВ

**В МИРЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ
АБХАЗИИ**

Редактор
А. Ю. СИДОРОВ

Оформление серии художника
Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника
Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы
Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор
А. Н. ХАНИНА

Корректор
И. Н. ГЛУХОЕДОВА

Сдано в набор 23.06.77. Подп. в печать
08.02.78. А05770. Формат бумаги 70 × 90¹/₂.
Бумага тифдручная. Гарнитура школьная.
Печать глубокая. Усл. печ. л. 6,435.
Уч.-изд. л. 8,175. Изд. № 1194. Ти-
раж 75 000 экз. Заказ 641. Цена 55 коп. Из-
дательство «Искусство», 103009 Москва,
Собиновский пер., 3. Ордена Трудового
Красного Знамени Калининский полиграфиче-
ский комбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Минист-
ров СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

С ПОМОЩЬЮ ЭТОЙ КНИГИ
ЧИТАТЕЛЬ СОВЕРШИТ
УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО АБХАЗИИ
И УЗНАЕТ МНОГО НОВОГО
ОБ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ
АНТИЧНОСТИ, СРЕДНИХ ВЕКОВ,
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ.